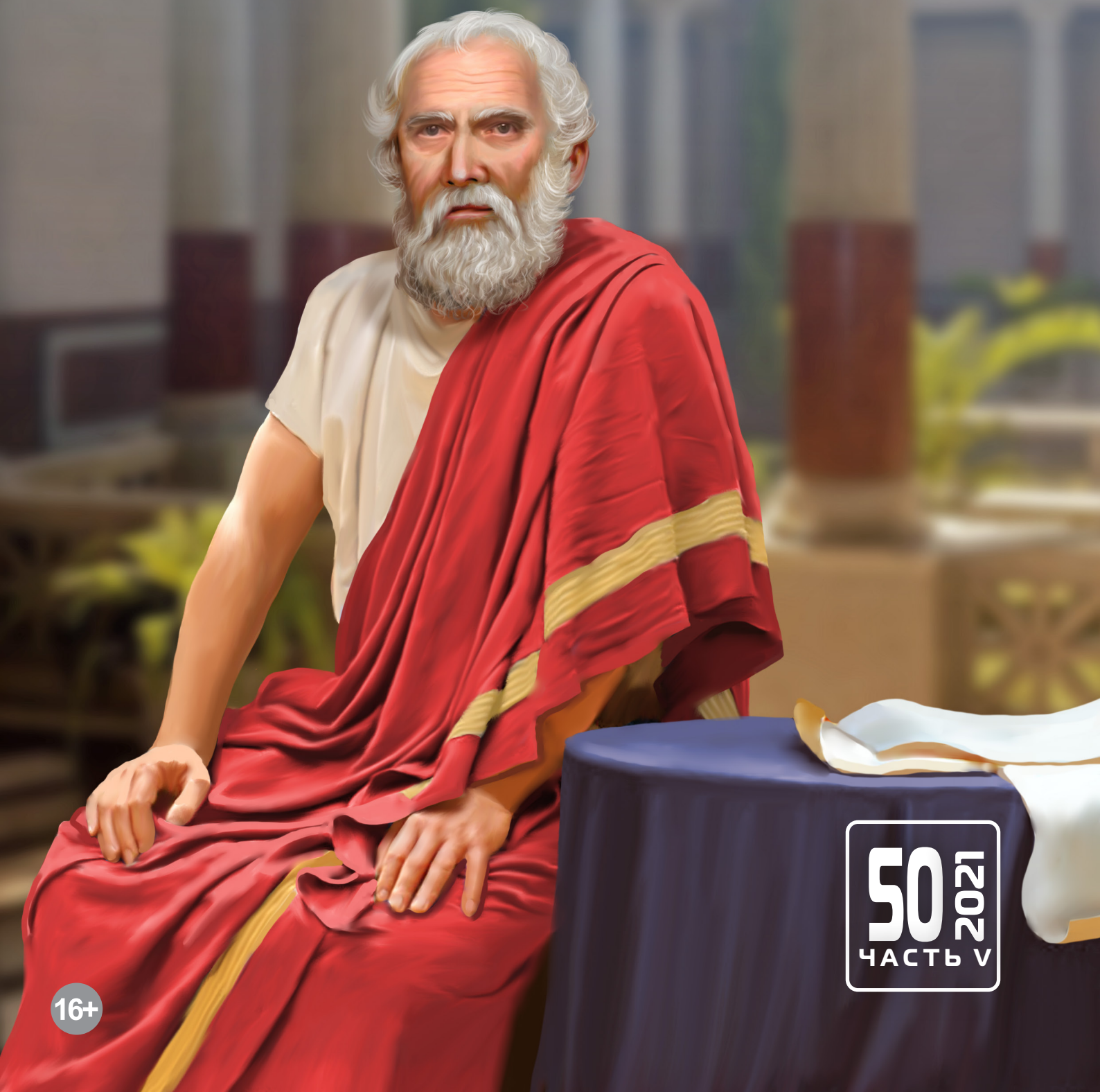

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

50
2021
ЧАСТЬ V

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 50 (392) / 2021

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досмубетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшоода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Платон* — древнегреческий философ.

Точная дата рождения Платона неизвестна. Следуя античным источникам, большинство исследователей полагают, что Платон родился в 427 году до н. э. в Афинах или Эгине в разгар Пелопоннесской войны между Афинами и Спартой. По античной традиции днем его рождения считается 7 таргелиона (21 мая), праздничный день, в который, по мифологическому преданию, на острове Делос родился бог Аполлон.

Согласно Диогену Лаэртскому, настоящее имя Платона — Аристокл (др.-греч. Ἀριστοκλῆς; буквально, «наилучшая слава»). Прозвище Платон (от греческого слова «πλάτος» — широта), означающее «широкий, широкоплечий», ему дал борец Аристон из Аргоса, его учитель гимнастики, за крепкое сложение Платона. Это прозвище тем более органично, что по утверждению Олимпиодора Платон был олимпийским чемпионом по панкратиону.

Платон родился в семье, имевшей аристократическое происхождение: род его отца Аристона восходил, согласно легендам, к последнему царю Аттики Кодру, а предком матери Периктионы был афинский реформатор Солон. Также, согласно Диогену Лаэртскому, Платон был зачат непорочно.

Первым учителем Платона был Кратил. А около 408 года до н. э. Платон познакомился с «мудрейшим из эллинов» Сократом. Платон стал одним из тех, кого Сократ учил философии (до этого он изучал стихотворчество). Сократ является неизменным участником практически всех сочинений Платона, написанных в форме диалога между историческими и иногда вымышленными персонажами. Во время суда над Сократом Платон был в числе учеников, предложивших денежный залог за своего учителя. После приговора Платон заболел и не присутствовал при последней беседе в темнице.

После смерти Сократа в 399 г. до н. э. Платон с некоторыми другими учениками переселился в Мегару, к предыдущему ученику Сократа Евклиду. Там Платон задавался диалектическими вопросами об основах бытия и познания. Из

Мегары, по всей вероятности, он совершил свои первые путешествия, среди которых более достоверны поездки в Кирену к математику Феодору и в Египет. Есть указания на возвращение его в Афины в 394 году. В 389 году Платон отправился в Южную Италию и Сицилию, где общался с пифагорейцами. «Платон отправлялся впоследствии в Сицилию, чтобы с помощью Дионисия Сиракузского основать там идеальное государство, в котором философы вместо чаши с ядом получали бы бразды правления». Сначала Платон был принят радушно, но вскоре отношение к нему изменилось, и его с позором изгнали, а по некоторым сведениям, даже продали в рабство, из которого он освободился. В 387 или 386 году Платон возвратился в Афины, где начал собирать вокруг себя кружок учеников, с которыми беседовал о философии в пригородном публичном саду (примерно в километре от Афин), и установил Академию.

В 367 или 366 г. до н. э., после смерти Дионисия Старшего, его сын и преемник Дионисий Младший под влиянием своего дяди Диона (с которым Платон подружился еще в первое свое посещение Сиракуз в Сицилии) пригласил философа, обещая стать его верным учеником. Сначала мечта Платона о юном тиране, управляющем обществом под руководством истинного философа, как будто сбывалась. Но скоро Дионисию надоело философское наблюдение; после своего разрыва с Дионом он начал негативно относиться к Платону и выгнал его. В 361 году через пифагорейца Архита Дионисий Младший снова призвал Платона, обещая ему помириться с Дионом, и снова его обманул, так что 70-летний Платон был принужден бежать из Сиракуз. Предполагается, что Аристотель вошел в Академию до возвращения Платона.

По древним преданиям, Платон умер в день своего рождения в возрасте 81 года в 347 году до н. э. (13-й год правления македонского царя Филиппа). Его похоронили в Академии. Считается, что он был погребен под именем Аристокл.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Минькашев Э. Г.

Понятие информации и компьютерной информации: правовые аспекты..... 283

Минькашев Э. Г.

«Право на забвение» в сети Интернет как административно-правовая мера защиты личной компьютерной информации о человеке 287

Михеев Д. Ю.

Особенности субкультуризации деструктивного движения «Колумбайн» среди молодежи и его связь с терроризмом 293

Насырова Е. И.

Проблемы государственного образования в США 295

Никитин Е. А.

Длящиеся преступления: проблемы квалификации и правоприменения.....297

Ованнисян Н. С.

Проблемы правового регулирования банкротства предпринимателей 298

Ооржак Б. А.

Насильственные преступления: понятие, признаки 300

Осмонов А. А.

Существенное нарушение прав и законных интересов в структуре состава превышения должностных полномочий 304

Петренко Т. А.

Способы мошенничества в кредитно-банковской сфере как элемент криминалистической характеристики..... 306

Петренко Т. А.

Расследование мошенничества в сфере кредитования 307

Петренко Т. А.

Криминалистическая характеристика личности мошенника, являющегося представителем кредитной организации и осуществляющего выдачу кредитов 309

Петров А. А., Пенькова А. В.

Противодействие домашнему насилию уголовно-правовыми средствами 310

Потапов А. А.

Производство в суде апелляционной инстанции на современном этапе.....313

Пушкарев И. П., Гайнуллина М. В.

Проблемы финансирования процедуры несостоятельности (банкротства) гражданина 316

Пушкарев И. П., Гайнуллина М. В.

Иммуитет единственного жилья в банкротстве граждан 318

Родионова Н. Н.

Кассационная инстанция по уголовным делам: статистика и анализ 319

Рубежная Л. Л.

Уголовно-правовой и криминалистический аспект злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности 322

Савченко Д. В.

Правовой режим использования и охраны национального парка «Красноярские столбы» 325

Семенченко А. А.

Недобросовестная конкуренция и ее соотношение с недобросовестной и недостоверной рекламой..... 328

Скодило В. К.

Понятие и содержание государственного управления в области здравоохранения 331

Соболь А. С., Леснова А. А.

Цифровые права в системе объектов гражданских прав 333

Убийко А. С.

История формирования правового статуса главы муниципального образования в Российской Федерации 335

Ушникова В. П., Пулкачева П. К.

Судебный штраф: правовая регламентация и проблемы применения 340

Ушникова В. П., Шальнов И. А.

Административная преюдиция в уголовном праве: современное состояние и перспективы развития 343

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Понятие информации и компьютерной информации: правовые аспекты

Минькашев Эдуард Габдулбариевич, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

Представленная статья освещает проблемы правовой регламентации понятий «информация» и «компьютерная информация». Автор приходит к выводу, что информацию, в том числе компьютерную, с точки зрения права рациональнее всего рассматривать как данные и как сведения. В статье предлагаются единое (универсальное) понятие компьютерной информации для всех отраслей права на основе авторского определения, а также редакционные изменения и дополнения в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее по тексту — Закон об информации) и п. 1 примечаний к ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ).

Ключевые слова: понятие, информация, компьютерная информация, сведения, данные, закон, формы представления, электрические сигналы, компьютерные системы.

В российском законодательстве попытки дать понятие информации предпринимаются с 1995 г. Так, в Федеральном законе от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» термин «информация» рассматривался как «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления» (абз. 2 ст. 2) [15].

В 2006 г., начиная с 09 августа, данный закон был изменен по причине принятия нового, так как новая практика не укладывалась в старые понятия.

Законодатель в п. 1 ст. 2 Закона об информации определил ее по-новому, как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [6], очевидно предполагая различные способы передачи информации, включая и электронную форму (п. 11.1 ст. 2 Закона об информации).

Как видим, в новой версии закона дается достаточно общее понятие информации, которое сформулировано шире предыдущего, то есть, теперь нет указания на предметную область сведений: к информации относятся сведения любого содержания.

В России с 01 января 1995 г. по 01 января 2008 г. информация относилась к объектам гражданских прав (ст. 128 Гражданского кодекса РФ в первоначальной редакции [4]). Теперь же согласно ч. 1 ст. 5 Закона об информации «информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений».

Понятие «информация» также закреплено на международном уровне, в частности, в ряде региональных меж-

дународных документов под эгидой Содружества Независимых Государств (далее по тексту — СНГ).

Так, в абз. 10 ст. 2 Модельного закона об информатизации, информации и защите информации от 2005 г. дано следующее понятие информации: «информация — сведения или данные, порядок использования которых, независимо от способа их представления, хранения или организации, подлежит правовому регулированию в соответствии с настоящим Законом и иными национальными законами» [2]. Аналогичное определение дается в абз. 12 ст. 2 Модельного информационного кодекса для государств-участников СНГ от 2012 г. [1].

Таким образом, в приведенных международных документах информация понимается как сведения или данные, выраженные в любой форме.

Безусловным позитивом российской нормы-дефиниции можно считать то обстоятельство, что законодатель ввел в определение информации категорию «данные».

Однако законодательная конструкция нормы, помещенной в п. 1 ст. 2 Закона об информации, вызывает возражения, так как на формально-логическом уровне построена неверно. По объему слово «данные» шире слова «сведения», между тем синтаксис дефиниенса (определяющего слова) предполагает, что данные — это подвид сведений. Как представляется, понятие «информация» следует определять через родовое слово «данные», используя сочинительный союз «или», который по значению будет разделительным для слова «сведения», то есть в нашем понимании информация — это «данные или сведения», а не «сведения (сообщения, данные)», что соответствует

логике Модельного закона об информатизации, информации и защите информации от 2005 г. и Модельного информационного кодекса от 2012 г. для государств-участников СНГ.

Определив понятие информации в ст. 2 Закона об информации, федеральный законодатель не дал в ней понятие компьютерной информации.

Сегодня ее легальное определение содержится только в уголовном законе. Компьютерная информация является одной из основных дефиниций в гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК РФ, где выступает предметом преступления, предусмотренного ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», и орудием преступления, предусмотренного ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» [5].

Первоначально (с 01 января 1997 г. (дата вступления в силу УК РФ) по 08 декабря 2011 г.) данное понятие было закреплено в диспозиции ч. 1 ст. 272 уголовного закона и определялось как информация «на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или их сети».

Однако в связи с появлением новых носителей информации подход законодателя к определению компьютерной информации естественным образом изменился: он отказался от закрытого перечня технических средств (носителей информации), на которых может находиться охраняемая законом компьютерная информация.

С 08 декабря 2011 г. и по настоящее время, то есть более десяти лет используется новое понятие компьютерной информации, сформулированное в п. 187 ст. 1 Федерального закона от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым, в свою очередь, ст. 272 УК РФ была изложена в новой редакции, по которой легальное определение компьютерной информации было перемечено из ч. 1 в п. 1 примечаний к ст. 272 УК РФ и теперь означает «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи» [9].

Тем самым, в уголовном законе воспроизведена логика Закона об информации, где содержание понятия «информация» также раскрывается через «сведения (сообщения, данные)».

Согласно законодательному определению, компьютерная информация может быть исключительно в работающих компьютерных системах и в проводных электрических каналах связи. Здесь мы разделяем точку зрения Л. А. Коврижных [17, с. 160]. Логично, что при выключенном питании в компьютерной системе не может осуществляться обработка электрических сигналов.

Таким образом, согласно легальному определению компьютерной информации предметом защиты могут быть только сведения (сообщения, данные), обрабатываемые в функционирующей (работающей) компьютерной

системе или передаваемые по проводным электрическим каналам связи.

В компьютерной системе информация в форме электрических сигналов передается, например, между процессором и устройствами памяти.

В качестве компьютерной информации могут выступать как программы для компьютерных систем, так и файлы, созданные посредством компьютерных программ.

В таком случае следует согласиться с мнением Н. А. Сарнавского и А. С. Мойсевич о том, что под сведениями, воспринятыми программно-техническими средствами, следует понимать информацию, истолкованную (трактующую, усвоенную) программой (программами), иным информационным продуктом, их совокупностью [19, с. 435-436].

Законодатель при формулировании анализируемого понятия определил форму представления компьютерной информации, а именно: в виде электрических сигналов, что вызывает справедливую критику со стороны специалистов. Так, для передачи информации между компьютерными системами все чаще используется оптоволокно, в нем «данные передаются с помощью переноса света внутри нитей посредством полного внутреннего отражения, а не электрических сигналов» [16]. Например, оптоволокно использует в своей деятельности компания «Уфанет», специализирующаяся на предоставлении услуг скоростного интернета.

Передача информации может осуществляться и посредством беспроводных каналов связи, где также отсутствуют электрические сигналы и, соответственно, такая информация тоже не подпадает под легальное определение компьютерной информации.

По мнению Л. А. Коврижных, весьма дискуссионной является позиция законодателя и относительно информационного процесса хранения компьютерной информации в форме электрических сигналов. «Общезвестно, — пишет она, — что информация может долговременно храниться и без помощи электрических сигналов, например, на обесточенных жестких магнитных дисках, DVD-дисках, флэш-картах и др.» [17, с. 160]. Соответственно такую информацию также нельзя считать компьютерной информацией.

Кроме того, отмечается, что «сигналы, передаваемые по компьютерной сети и хранимые на носителях, могут быть перекодированы при переносе с носителя на носитель, на жестком диске они хранятся в форме электромагнитных сигналов, а обрабатываются в компьютерной системе в форме электрических сигналов» [20, с. 97].

Таким образом, в настоящее время существует достаточное количество информации, не подпадающей под легальное определение компьютерной информации. Это и информация, передаваемая посредством беспроводных каналов связи или оптоволокну, и информация, хранящаяся на обесточенных жестких магнитных дисках, DVD-дисках, флэш-картах или в форме электромагнитных сигналов.

На неудачность предложенного в п. 1 примечаний к ст. 272 УК РФ термина «электрические сигналы» еще на стадии рассмотрения проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации» обратил внимание Верховный Суд РФ. В своем официальном отзыве на законопроект от 07 апреля 2011 г. № 1/общ-1583 высший судебный орган страны указал на то, что термин «электрические сигналы» не вносит достаточной ясности в определение понятия компьютерной информации, в связи с чем требует дополнительного пояснения [18].

Сегодня, по прошествии десятилетия, показавшего стремительное развитие IT-технологий, можно смело отказать от этой формулировки.

Как видим, при внимательном анализе действующего законодательства появляются проблемы, связанные с формулировкой понятия «компьютерная информация». Здесь уместно процитировать Л. А. Коврижных, которая справедливо пишет о том, что «неоднозначное толкование того или иного понятия может стать причиной смысловой неточности и, в конечном итоге, привести к ошибкам в правоприменительной деятельности» [17, с. 158].

Как представляется, ориентиром для наиболее точного определения понятия «компьютерная информация» может стать недавно (12 марта 2020 г.) вступившее в силу Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г. В нем понятие компьютерной информации дается в абз. 6 ст. 1, где указано, что компьютерная информация — это информация, находящаяся в памяти компьютерной системы, на машинных или на иных носителях в форме, доступной восприятию компьютерной системы, или передающаяся по каналам связи [3]. Приведенное определение практически дословно воспроизведено из п. «б» ст. 1 недавно утратившего силу Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 01 июня 2001 г. [14], с той лишь разницей, что в нем слова «компьютера», «ЭВМ» заменены на словосочетание «компьютерной системы».

Россия ратифицировала Соглашение от 28 сентября 2018 г. (как и утратившее силу [7]), но с оговоркой; начало действия документа — 12 июля 2021 г. [12].

Положительные стороны приведенного понятия очевидны: оно не содержит указания на форму компьютерной информации в виде электрических сигналов. В качестве признаков компьютерной информации определены: место расположения компьютерной информации — память компьютерной системы, машинные и иные носители; доступность восприятия информации компьютерной системой. Согласно этому определению, к компьютерной информации относится также информация, передающаяся по любым каналам связи. Понятно, что здесь имеется в виду сеть «Интернет».

Полагаем, что законодателю следует не только изменить свой подход к понятию «компьютерная инфор-

мация», но и ввести в ст. 2 Закона об информации единое (универсальное) определение компьютерной информации для всех разновидностей правовых отношений. Наличие этого понятия лишь в уголовном праве явно недостаточно, ведь оно было сформулировано, прежде всего, для целей уголовного права, а именно: составов преступлений, включенных в гл. 28 УК РФ.

По этой причине мы не можем поддержать предложение С. Ю. Трофимцевой о имплементации п. «б» ст. 1 Будапештской Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) в примечание к ст. 272 УК РФ, где дается понятие компьютерной информации с уголовной точки зрения [13; 20, с. 97].

Выскажем по этому поводу свои соображения.

Компьютерную информацию, также как и информацию в целом, необходимо определять через родовое понятие «данные» (использовать только родовое слово «сведения», поясняя в скобках, что это сообщения и данные, как было показано выше при анализе понятия «информация», методологически неверно). Здесь мы солидарны с С. Ю. Трофимцевой [20, с. 96].

В качестве признаков, наполняющих понятие компьютерной информации, необходимо указать: во-первых, место расположения компьютерной информации — память компьютерной системы и все носители информации; во-вторых, форму представления компьютерной информации, но без ее конкретизации; в-третьих, доступность восприятия информации компьютерной системой и возможность ее передачи по информационно-телекоммуникационной сети.

С учетом всего вышеизложенного, как вариант, можно предложить следующее понятие компьютерной информации: компьютерная информация — это данные или сведения, находящиеся в памяти компьютерной системы, на любом носителе информации в форме, доступной для обработки посредством компьютерной системы или передачи по информационно-телекоммуникационной сети.

Законодателю предлагается включить это понятие в ст. 2 Закона об информации, дополнив ее пунктом 1.1 следующего содержания:

«1.1) компьютерная информация — данные или сведения, находящиеся в памяти компьютерной системы, на любом носителе информации в форме, доступной для обработки посредством компьютерной системы или передачи по информационно-телекоммуникационной сети;».

Аналогичным образом законодатель поступил в 2010 г., когда дополнил ст. 2 Закона об информации пунктом 11.1 [8, п. 1 ст. 22], введя в оборот понятие электронного документа, понимая под ним разновидность документированной информации, определение которой содержится в абзаце выше — в п. 11 ст. 2 Закона об информации.

Введя единое понятие компьютерной информации, расширяющее свое действие на все разновидности правовых отношений, потребуется изменить редакцию уголов-

ного закона, сконструировав норму примечания по типу отсылочной. Для этого предлагается п. 1 примечаний к ст. 272 УК РФ изложить в следующей новой редакции:

«Примечания. 1. Для целей настоящего Кодекса понятие «компьютерная информация» используется в том же значении, что и в пункте 1.1 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Законодатель уже имеет опыт использования подобной юридической конструкции. Аналогичным образом он сконструировал в 2019 г. примечание к ст. 14.4.3 [11, п. 3 ст. 1] и ст. 20.23 КоАП РФ [10] соответственно.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать следующие ключевые выводы:

1. Информацию с точки зрения права рациональнее всего рассматривать в двух аспектах: как данные и как сведения, независимые от формы их представления. В этой связи п. 1 ст. 2 Закона об информации предлагается изло-

жить в следующей редакции: «1) информация — данные или сведения независимо от формы их представления;», что позволит снять некорректность действующей формулировки «сведения (сообщения, данные)».

2. Компьютерная информация является разновидностью информации и представляет собой данные или сведения, находящиеся в памяти компьютерной системы, на любом носителе информации в форме, доступной для обработки посредством компьютерной системы или передачи по информационно-телекоммуникационной сети.

3. Сегодня легальное определение компьютерной информации содержится только в уголовном законе. Законодателю, как представляется, следует ввести универсальное понятие компьютерной информации, единое для всех отраслей права, которое целесообразно включить в ст. 2 Закона об информации, а п. 1 примечаний к ст. 272 УК РФ изложить по типу отсылочной нормы.

Литература:

1. Модельный информационный кодекс для государств-участников СНГ (принят в г. Санкт-Петербурге 23 ноября 2012 г. Постановлением 38-6 на 38-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) [Электронный ресурс]/Информационная система ПАРАГРАФ PRG. KZ. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31307564#pos=6; — 106 (дата обращения: 22.11.2021).
2. Модельный закон об информатизации, информации и защите информации (принят в г. Санкт-Петербурге 18 ноября 2005 г. Постановлением 26-7 на 26-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) [Электронный ресурс]/Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901972159> (дата обращения: 22.11.2021).
3. Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (заключено в г. Душанбе 28 сентября 2018 г.; вступило в силу 12 марта 2020 г.) [Электронный ресурс]/Официальный сайт Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств. Режим доступа: <https://cis.minsk.by/> (дата обращения: 22.11.2021).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. до 01.01.2008) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
7. Федеральный закон от 01.10.2008 № 164-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 40. Ст. 4499.
8. Федеральный закон от 27.07.2010 № 227-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4196.
9. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
10. Федеральный закон от 02.08.2019 № 314-ФЗ «О внесении изменения в статью 20.23 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4473.
11. Федеральный закон от 27.12.2019 № 493-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 52 (1 ч.). Ст. 7811.
12. Федеральный закон от 01.07.2021 № 237-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (1 ч.). Ст. 5065.

13. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) [рус., англ.] (заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г., вступила в силу 01 июля 2004 г. (Россия не участвует)) (с изм. от 28.01.2003) [Электронный ресурс]/Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.11.2021).
14. Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (заключено в г. Минске 01 июня 2001 г.; вступило в силу 14 марта 2002 г.) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 13. Ст. 1460 (утратило силу).
15. Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ (ред. от 10.01.2003) «Об информации, информатизации и защите информации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 8. Ст. 609 (утратил силу).
16. Баранов, Е. А. Юридическая ответственность за киберпреступления в России и за рубежом [Электронный ресурс]/Единый портал по правовому просвещению граждан Пермского края. Режим доступа: https://pravovsem59.ru/pravovoe-prosveshchenie/analitika/yuridicheskaya-otvetstvennost-za-kiberprestupleniya-v-rossii-i-za-rubezhom-_1531373568/ (дата обращения: 22.11.2021).
17. Коврижных, Л. А. О подходах к определению понятия «компьютерная информация» // Неволинские чтения. Вопросы совершенствования высшего юридического образования на современном этапе: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 210-летию со дня рождения К. А. Неволына, 85-летию Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) и 45-летию Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Киров, 18 ноября 2016 года. — Киров: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Аверс», 2017. с. 158-163.
18. Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 1/общ-1583 «На проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]/Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.11.2021).
19. Сарнавский, Н. А., Мойсевич А. С. К вопросу о трактовке понятия «компьютерная информация» // Научный поиск курсантов: сборник материалов Международной научной конференции, Могилев, 19 февраля 2021 года. — Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2021. с. 435-436.
20. Трофимцева, С. Ю. Проблема дефиниций понятия «компьютерная информация» в российском праве // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). с. 95-97.

«Право на забвение» в сети Интернет как административно-правовая мера защиты личной компьютерной информации о человеке

Минькашев Эдуард Габдулбариевич, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье рассматриваются особенности «права на забвение» в сети Интернет с точки зрения административно-правовой меры защиты личной компьютерной информации о человеке. «Право на забвение», являющееся правом требования физического лица к оператору поисковой системы о прекращении выдачи сведений о нем в указателе страницы сайта, в эпоху глобальной цифровизации приобретает особую актуальность. Связано это и с тем, что в условиях пандемии COVID-19 большая часть населения стала значительно активнее использовать сеть Интернет. Вероятность распространения омикрон-штамма на глобальном уровне еще более ускорит этот процесс. Получить доступ к недостоверной, неактуальной, а также распространяемой с нарушением закона информации о заявителе могут все больше людей.

Автором проанализированы критерии, предъявляемые к компьютерным данным, ссылки на которые можно удалить, и основания ограничения «права на забвение» с учетом действующего законодательства, правоприменительной практики и мнений разных авторов. Высказаны собственные соображения по поводу данного права.

Ключевые слова: право на забвение, право быть забытым, сеть Интернет, данные, оператор поисковой системы, недостоверная информация, неактуальная информация, утратившая значение информация, ссылки, удаление.

К специфическим способам защиты права на компьютерную информацию можно отнести так называемое «право на забвение» («right to be forgotten»), что с англий-

ского означает «право быть забытым». И хотя в отдельных публикациях используется англоязычный вариант перевода [16, с. 70-89; 18, с. 8-16; 21, с. 223-225; 22, с. 117-121;

27, с. 189-192; 28, с. 106-113; 32, с. 18-19; 33, с. 6-10], широкое употребление все же получил первый — «право на забвение».

Оно является одним из личных нематериальных прав лица осуществлять контроль над своими персональными данными в сети «Интернет» и определяет своей целью прекращение неправомерной обработки таких данных о личности.

Такое право по ограничению свободного доступа к компьютерной информации личного характера реализуется в России с 01 января 2016 г. в связи со вступлением в силу в этот день Федерального закона от 13.07.2015 № 264-ФЗ, пунктом 2 ст. 1 которого Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1] (далее — Закон об информации) был дополнен ст. 10.3 об обязанностях оператора поисковой системы [2].

В ст. 10.3 Закона об информации отсутствует легальное определение «права на забвение». По Е. А. Шергуновой, а ранее Е. В. Тытук, «право на забвение» — это личное право физического лица при определенных законодательно прописанных условиях, требовать от операторов поисковых систем удаления ссылок на персональную информацию о себе [37, с. 256; 34, с. 120-121; 35, с. 384]. По И. А. Леденцовой, которую цитирует М. А. Мещерякова, «право на забвение — это право любого лица, в отношении которого осуществлялись сбор, хранение и обработка данных, требовать прекращения выдачи данных, которые являются недостоверными, неактуальными, не имеющими значения для такого лица» [24, с. 162; 35, с. 50].

Таким образом, в понимании приведенных авторов, «право на забвение» — это когда операторы поисковых систем при определенных условиях обязаны прекратить выдачу ссылок, позволяющих получить доступ к информации о физическом лице. «Только таким образом, — пишет Е. В. Киричк, — можно обеспечить забывание информации или забвение» [20, с. 99].

Подчеркнем, что «право на забвение» носит заявительный характер, его получили исключительно физические лица, «давать такое право юридическим лицам на современном этапе развития права — слишком смелый шаг, который подстегнет рост количества злоупотреблений», — справедливо пишет И. Ю. Пашенко [28, с. 111].

Он же в другой публикации приводит любопытный факт: в большинстве европейских стран «право на забвение» заменено другим термином — «право на удаление» [27, с. 191].

К слову, в приказе ФГУП «Почта России» от 21.02.2019 № 73-п «право на забвение» отождествляется именно с правом на удаление: правом на удаление определенных персональных данных [3].

Особенностью «права на забвение» является не удаление данных как таковых, а только ссылок на них в поисковой системе из результатов поиска [21, с. 224; 22, с. 118]. Данная особенность обусловлена тем, что пользователь не является собственником тех сайтов, на которых

размещена информация о нем, а также невозможности абсолютного удаления данных из сети «Интернет» в силу многократного их копирования и наличия большого количества поисковых систем, «но если поисковая система оборвет связь с этими данными, найти их будет крайне сложно — разве что по невероятной случайности или если хорошо знать, где искать», — цитирует заместителя руководителя Роскомнадзора А. А. Приезжевой Е. А. Войниканис [16, с. 73].

Поэтому правильнее говорить об удалении унифицированного поискового ресурса (URL) из системы, после чего личная информация становится сложно-доступной для среднего пользователя при выполнении простого поискового запроса. При этом сама информация о лице остается на сайте первоисточника [37, с. 259].

Понятно, что «право на забвение» не безгранично и реализуется на практике только при наличии определенных условий.

Критерии, предъявляемые к данным, ссылки на которые можно удалить, и основания ограничения «права на забвение» прописывает ч. 1 ст. 10.3 Закона об информации: информация должна быть недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость.

Данный правовой механизм, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, ориентирует суды на основе установления и исследования фактических обстоятельств конкретного дела находить баланс между конституционно защищаемыми ценностями: доступом граждан к информации, с одной стороны, и защитой прав граждан при распространении информации о них — с другой [напр.: 8 (абз. 6 п. 2); 9, с. 90 (абз. 2 п. 4); 10, с. 96 (абз. 2 п. 3)].

С приведенной позицией согласуется подход, которого придерживался и Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) в постановлении от 19.10.2017 по делу «Фуксман (Fuchsmann) против Германии», не усмотревший нарушения ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 1950 г., отметив в том числе, что заявитель не предпринял попытки добиться исключения ссылок на спорную статью в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» из результатов поиска [6 (§ 53)].

Отдельно стоит упомянуть, сославшись на П. Д. Портянову, что надлежащим ответчиком по данной категории дел является оператор поисковой системы, а не Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [29, с. 143; 30, с. 167].

В литературе можно встретить утверждение о том, что основания для удаления ссылок на данные о лице (не-

актуальность, утрата значения) являются спорными и неоднозначными [18, с. 10; 23, с. 15].

Однако, использование законодателем таких понятий, как «неактуальная информация» и «информация, утратившая для заявителя значение в силу последующих событий или его действий» преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций. Эти оценочные понятия предполагают, что они будут наполняться смыслом в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этих законодательных терминов в правоприменительной практике. Такой позиции последовательно придерживается высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации [11 (абз. 7 п. 2); 12 (абз. 2 п. 2.1)].

Обратимся к конкретным судебным примерам из практики кассационных судов общей юрисдикции.

Так, Ш. обратился в суд с иском к Google LLC (Гугл Эл-ЭлСи) о прекращении оператором поисковой системы выдачи ссылок, позволяющих получить доступ к информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В обоснование требований указал, что по трем ссылкам содержится информация о задержании истца и, впоследствии, прекращении в отношении него уголовного дела, которая является недостоверной, неактуальной и утратившей значение для заявителя, создает у пользователей сети «Интернет» неверное представление о личности и деловой репутации истца в связи с прекращением уголовного дела и признанием права истца на реабилитацию. Однако Google LLC отказал в удовлетворении его требования в порядке ч. 1 ст. 10.3 Закона об информации о прекращении выдачи спорных ссылок в связи с тем, что при рассмотрении подобных запросов сопоставляется право заявителя на неприкосновенность частной жизни с правами других лиц на распространение и получение информации, учитывается актуальность сведений и наличие общественного интереса к ним.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, исковые требования Ш. удовлетворены, возложена обязанность на Google LLC прекратить выдачу трех ссылок на страницы в сети Интернет в течение 5 рабочих дней с даты вступления судебного акта в законную силу.

Судебная коллегия по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции подтвердила, что нижестоящие суды пришли к правильному выводу о том, что информация, размещенная по оспариваемым ссылкам, является недостоверной, неактуальной и не представляет общественного интереса, ее удаление не влечет за собой нарушение прав других лиц на распространение и получение информации, а, напротив, служит реализации права истца на неприкосновенность частной жизни, восстановление чести и доброго имени [14].

В другом случае, согласно выводам судов апелляционной и кассационной инстанций по иску И. к Google LLC, оценивая актуальность информации необходимо учи-

тывать степень ее соответствия текущему моменту времени, неактуальной является устаревшая информация. В оспариваемой информации содержатся сведения, касающиеся территориального органа, входящего в единую централизованную систему органов управления средствами обязательного пенсионного страхования в Российской Федерации, руководитель которого является частью его истории. Информация описывает события определенного периода времени и относится не только к трудовой деятельности истца. Одно лишь указание заявителя на то, что, по его мнению, информация является неактуальной, не является надлежащим подтверждением факта неактуальности информации и по смыслу ст. 10.3 Закона об информации является недостаточным для прекращения выдачи ссылки. Иное означало бы явное отступление от конституционного принципа гласности и свободы слова, так как любой гражданин мог бы затруднить доступ к любой информации о себе, в том числе и общественно значимой информации [15].

Или еще по одному делу, отказывая в удовлетворении заявленного иска, суды первой и второй инстанций исходили из того, что в статье содержится информация о совершении Б. уголовно наказуемого деяния, вследствие чего отсутствуют основания для удовлетворения заявленного им иска.

Судебная коллегия по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции отменила состоявшиеся по делу судебные решения, поскольку нижестоящие суды не учли, что материалы дела не содержат сведений о том, привлекался ли истец к уголовной ответственности за преступления, указанные в статье, доступной по ссылке, имеет ли он судимости за их совершение. Вследствие чего суды первой и апелляционной инстанций фактически пришли к выводу о совершении истцом преступлений, что, в свою очередь, противоречит презумпции невиновности, установленной ст. 49 Конституции РФ [13].

В юриспруденции «право на забвение» обосновывается «посредством обращения к понятию личности и необходимых условий для ее развития, в число которых входят неприкосновенность частной жизни и контроль за распространением информации персонального характера» [16, с. 82] через компьютерные системы.

Поскольку защита «права на забвение» находится на этапе своего становления, особенно заметной становится роль правовой науки, где активно обсуждаются перспективы развития законодательства в данной области.

Стремясь внести свой вклад в анализ способов и условий защиты личного пространства от тех многочисленных и неизбежных рисков, с которыми связано использование компьютерных систем, одни авторы выступают с предложением о созыве Конгресса ООН, посвященного разработке единого международного кодекса, который будет регулировать общественные отношения, возникающие в сети «Интернет», в том числе и отношения связанные с удалением информации [36]. Другие предлагают «разработать опти-

мизационные схемы с участием онлайн — форм для обращений граждан для наиболее удобного и правильного использования этой процедуры» [23, с. 17].

Третьи хотят возвести в ранг конституционных право на информационную защиту, имея ввиду «право на забвение», дополнив Основной закон страны статьей 24.1 с тем, чтобы каждому гражданину РФ гарантировать право на информационную защиту, которое будет обязывать оператора поисковой системы к прекращению выдачи сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет», позволяющих получить доступ к неактуальной, недостоверной или утратившей значение информации о гражданине [напр.: 31, с. 212].

Четвертые полагают необходимым «более тщательно регламентировать данное неимущественное благо в гражданском законодательстве, четко установив условия практической реализации данного правомочия» [37, с. 259-260]. Пятые — распространить действие «права на забвение» на материальные носители, на которых находится информация, распространяемая в информационно-телекоммуникационной сети [19, с. 14]. Шестые — закрепить отсылку к законодательству о защите персональных данных, что «позволило бы усилить контроль за неправомерным оборотом персональных данных в сети Интернет» [33, с. 10]. Седьмые — закрепить «в действующем законодательстве критерии определения общественно значимой информации, наличие которых позволит оператору поисковой системы отказать заявителю в удовлетворении его требования об удалении подобных сведений» [18, с. 13], тем самым «будет соблюден баланс интересов общества на свободу доступа к информации и личности на защиту данных о себе» [26, с. 40].

Не по всем приведенным позициям можно поддержать направления по совершенствованию правовой регламентации «права на забвение».

Наибольшее возражение вызывает предложение о дополнении Конституции РФ отдельной статьей о праве на информационную защиту, поскольку «право на забвение», как справедливо отмечает Е. В. Герасимова, производно от предусмотренных в ч. 1 ст. 23, ч. 1 ст. 24 Конституции РФ прав [17, с. 181].

Свои замечания по поводу «права на забвение» касаются лишь его наименования. С учетом содержания искомого права при его озвучивании непременно нужно добавлять слова «в сети Интернет», тем самым подчеркивая его сущность.

Произношение «право на забвение» в сети «Интернет» будет отражать исключительную применимость данного права.

Именно в словосочетании «право на забвение» в сети «Интернет» данное право фигурирует в актах Конституционного Суда РФ [8 (абз. 3 п. 2); 11 (абз. 4 п. 2)] и именуется некоторыми авторами [напр.: 25, с. 50-51], поскольку, по сути, «является результатом развития информационных технологий и цифровизации различных сфер жизни человека», — подчеркивает Е. В. Герасимова [17, с. 174].

ЕСПЧ ранее в своих решениях указывал, что информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» ввиду ее общедоступности и способности хранить и распространять огромные объемы информации играет важную роль в расширении доступа общественности к новостям и в облегчении распространения информации в целом [5, с. 103 (§ 56); 7, с. 85 (§ 79)]. В то же время опасность того, что материалы и информация в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» могут причинить вред осуществлению прав и свобод лица, особенно праву на частную жизнь, и пользованию этими правами и свободами, определенно выше, чем опасность, исходящая от печатных средств массовой информации [см., напр.: 4, с. 114 (§ 133)].

С учетом изложенного можно сформулировать следующие выводы:

«Право на забвение» в сети «Интернет» является правом требования физического лица к оператору поисковой системы (последний к содержанию информации отношения не имеет и лишь выдает ссылки на нее) о прекращении выдачи сведений об указателе страницы сайта, позволяющих получить доступ к недостоверной, неактуальной, а также распространяемой с нарушением закона информации о заявителе.

«Право на забвение» в сети «Интернет» производно от предусмотренных в ч. 1 ст. 23, ч. 1 ст. 24 Конституции РФ прав и призвано обеспечить защиту компьютерной информации о физическом лице в информационно-цифровом пространстве.

«Право на забвение» не предполагает право на уничтожение первоисточника информации в сети «Интернет». Кроме того, Закон об информации не исключает возможности ограничения данного права в случаях, когда информация обладает безусловной публичной значимостью, то есть данному праву не придается абсолютный характер.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (1 ч.). Ст. 4390.
3. Приказ ФГУП «Почта России» от 21.02.2019 № 73-п «Об утверждении Политики по защите персональных данных клиентов — физических лиц ФГУП «Почта России» и дочерних организаций ФГУП «Почта России», за-

- регистрированных на территории Европейского Союз» [Электронный ресурс]/Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.11.2021).
4. Постановление ЕСПЧ от 16.06.2015 «Дело «Компания «Делфи АС» (Delfi AS) против Эстонии» (жалоба № 64569/09)» [рус.] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 11 (161). с. 84-137.
 5. Постановление ЕСПЧ от 02.02.2016 «Дело «Венгерская ассоциация провайдеров интернет-контента и компания Index. hu Zrt (Magyar Tartalomszolgaltatok Egyesulete and Index. hu Zrt) против Венгрии» (жалоба № 22947/13)» [рус.] // Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание. 2016. № 6 (30). с. 93-113.
 6. Постановление ЕСПЧ от 19.10.2017 «Дело «Фуксман (Fuchsmann) против Германии» (жалоба № 71233/13)» [Электронный ресурс]/Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.11.2021).
 7. Постановление ЕСПЧ от 28.08.2018 «Дело «Савва Терентьев (Savva Terentyev) против Российской Федерации» (жалоба № 10692/09)» [рус.] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 10 (196). с. 70-87.
 8. Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 3087-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 3 и частью 1 статьи 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]/Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.11.2021).
 9. Определение Конституционного Суда РФ от 12.02.2019 № 274-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безрукова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 3. с. 84-90.
 10. Определение Конституционного Суда РФ от 12.02.2019 № 275-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безруковой Анны Олеговны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 152.1 и пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 3. с. 91-96.
 11. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 849-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Региональной общественной организации содействия просвещению граждан «Информационно-аналитический центр «Сова» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», пунктом 2 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]/Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.11.2021).
 12. Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 № 2129-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С. на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [Электронный ресурс]/Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.11.2021).
 13. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.10.2021 по делу № 88-22657/2021, 2-315/2021 [Электронный ресурс]/Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.11.2021).
 14. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2020 по делу № 88-2685/2020 [Электронный ресурс]/Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.11.2021).
 15. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28.10.2020 по делу № 88-18116/2020, 2-6229/2019 [Электронный ресурс]/Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.11.2021).
 16. Войниканис, Е. А. Право быть забытым: правовое регулирование и его теоретическое осмысление // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 3 (326). с. 70-89.
 17. Герасимова, Е. В. Право на забвение в практике органов конституционного правосудия Российской Федерации и ФРГ // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 3. с. 170-187.
 18. Дудко, И. Г., Славкина Т. В. Право быть забытым: правовая позиция Суда Европейского Союза и особенности правового регулирования в Российской Федерации // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. — Нижний Новгород: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. с. 8-16.

19. Жукова, М. А. Право на информацию как основа реализации прав и свобод человека и гражданина в киберпространстве // Ориентиры развития гражданского общества: сборник тезисов докладов научного семинара (Нижний Новгород, 05 декабря 2019 г.). — Н. Новгород: Нижегородский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2020. с. 13-15.
20. Киричёр, Е. В. Некоторые аспекты защиты персональных данных и реализации «права на забвение» в условиях цифровизации // Сибирский юридический форум: проблемы обеспечения прав человека: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Барнаул, 25-27 июня 2020 г.)/под ред. Ю. В. Анохина. — Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2020. с. 98-100.
21. Киселева, А. В. Конфиденциальность персональных данных в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19. «Право быть забытым» // Молодой ученый. 2020. № 51 (341). с. 223-225.
22. Киселева, А. В. Конфиденциальность персональных данных в период распространения пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. «Право быть забытым» // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы: материалы V межвузовской студенческой научной конференции (Москва, 03 декабря 2020 г.). — М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. с. 117-121.
23. Кочетова, Е. Е., Капканникова М. А. О некоторых процессуальных особенностях защиты права на забвение в эпоху цифровизации общества // Проблемы современных интеграционных процессов и поиск инновационных решений: сборник статей Международной научно-практической конференции (Стерлитамак, 12 декабря 2020 г.). — Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2020. с. 14-17.
24. Леденцова, И. А. Право на забвение: можно ли затеряться в виртуальной толпе? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3. с. 161-164.
25. Мещерякова, М. А. «Право на забвение» в сети Интернет в системе прав и свобод человека и гражданина // Сибирский юридический форум: проблемы обеспечения прав человека: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Барнаул, 25-27 июня 2020 г.)/под ред. Ю. В. Анохина. — Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2020. с. 49-52.
26. Мушаков, В. Е. «Право на забвение» в информационном пространстве в современных условиях // Человек. Общество. Право: материалы Международной научной конференции курсантов, слушателей и студентов (Омск, 24 апреля 2019 г.). — Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. с. 38-40.
27. Пащенко, И. Ю. Право быть забытым: зарубежный и российский опыт правового регулирования // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. Т. 6. № 4. с. 189-192.
28. Пащенко, И. Ю. Проблемы нормативного регулирования «права быть забытым» в сети Интернет // Евразийская адвокатура. 2016. № 3 (22). с. 106-113.
29. Портянова, П. Д. Дискретность права в области применения «права на забвение» // Алтайский юридический вестник. 2020. № 2 (30). с. 138-144.
30. Портянова, П. Д. Дискретность права в области применения «права на забвение» // Алтайский юридический вестник. 2020. № 3 (31). с. 162-168.
31. Сабирова, Р. Р. К вопросу о признании «права на забвение» как одного из конституционных прав гражданина Российской Федерации // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XX Международной конференции молодых ученых. В 3 т. Т. 1. Государственно-правовая секция (Москва, 09-10 апреля 2021 г.). — М.: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2021. с. 210-212.
32. Сергиевич, В. А., Шугурова И. В. Проблемы становления и развития института «право быть забытым» // Отечественная юриспруденция. 2016. № 12 (14). с. 18-19.
33. Славкина, Т. В. Проблемы нормативно-правового регулирования «права быть забытым» в Российской Федерации // Огарёв-Online. 2018. № 2 (107). с. 6-10.
34. Тьтюк, Е. В. «Право на забвение» как ограничение конституционного права на информацию // Инновационные подходы в современной науке: сборник статей по материалам I Международной научно-практической конференции. Т. 1 (1) (Москва, 11-21 июля 2017 г.)/отв. ред. Е. Ю. Бутакова. — М.: Общество с ограниченной ответственностью «Интернаука», 2017. с. 120-124.
35. Тьтюк, Е. В. «Право на забвение» как ограничение конституционных прав на информацию // Синергия Наук. 2017. № 13. с. 383-390.
36. Федоров, А. Г., Лещинский М. И., Марченкова Е. А. Право на забвение: удаление информации в сети Интернет в целях защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан // Дневник науки. 2021. № 5 (53) [Элек-

тронный ресурс]/Электронный научный журнал «Дневник науки». Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46195784_25972421.pdf (дата обращения: 29.11.2021).

37. Шергунова, Е. А. Право на забвение как личное право физического лица // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. Н. Сусликова (Курск, 20 ноября 2020 г.) / отв. ред. В. В. Богдан. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. с. 255-261.

Особенности субкультуризации деструктивного движения «Колумбайн» среди молодежи и его связь с терроризмом

Михеев Данила Юрьевич, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В данной статье определены некоторые особенности деструктивного движения «Колумбайн», позволяющие говорить о выделении данного движения в отдельную субкультуру, системном характере проблем, связанных с вовлечением молодежи в идеологию массового насилия. Статья отражает индикации, позволяющие определить склонность подростков к деструктивному движению, а также обосновывает приоритетность борьбы с идеологией «Колумбайна» в России.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, молодежь, Интернет, насилие.

Peculiarities of subculturization of the destructive movement «Columbine» among young people and its relationship with terrorism

Mikheev Danila Yuryevich, student master's degree
Russian State Social University (Moscow)

This article identifies some of the features of the destructive Columbine movement, which make it possible to talk about the separation of this movement into a separate subculture, the systemic nature of the problems associated with the involvement of young people in the ideology of mass violence. The article reflects indications that allow one to determine the tendency of adolescents to a destructive movement, and also substantiates the priority of the struggle against the ideology of «Columbine» in Russia.

Keywords: extremism, terrorism, youth, internet, violence.

На сегодняшний день проблема субкультуризации массового насилия давно перестала быть сугубо американской и охватывает собой большинство стран, даже с высоким уровнем жизни и информатизации общества. Только в российском сегменте Интернета ежедневно фиксируется возникновение до пяти новых ресурсов и групп в социальных сетях, посвященных т. н. «Колумбайну»: идее и практике совершения массовых убийств (расстрелов, взрывов), как правило, в учебных заведениях [1].

Предтечей к возникновению данного явления стало массовое убийство в школе «Колумбайн» штата Колорадо, США, 20 апреля 1999 года, когда двое вооруженных школьников старших классов, Эрик Харрис и Дилан Клиболд убили 13 и ранили еще 23 человека. Среди мотивов, которыми руководствовались убийцы, ключевое место занимает желание отомстить одноклассникам, выразить протест и преодолеть социальную изоляцию, запугивания, общественные обряды унижения. Вот уже 22 года

по всему миру совершаются преступления, аналогичные по своим первопричинам и способам исполнения, единые в своем подражании первому, оригинальному «Колумбайну» (что стало теперь нарицательным) как родоначальнику нового направления среди молодежных субкультур.

В последние годы Интернет является основным проводником «Колумбайна» в России. До сих пор не относясь юридически к категории экстремистских или террористических, движение «скул-шутинга» («стрельбы в школах», «школьных расстрелов») претендует на роль альтернативного пути, спасения, решения проблем для множества подростков, оказавшихся в условиях жизненных кризисов, испытывающих чувства изоляции, отчужденности от общества, семьи, имеющих нереализованные эмоциональные потребности.

Основная проблема заключается в том, что российская молодежь вовлечена в среду массовой культуры, которая в последнее время всё больше приобретает оттенки

культуры низовой, пропагандирующей социальные девиации (насилие, сексуальную распущенность, наркоманию и т.д.). В отличие от криминогенных факторов за пределами медиапространства, пропаганда девиантного поведения через СМИ и медиа-продукты выступает не как некая альтернативность для российской молодежи, а как единственно возможный и приемлемый образ поведения и мышления. Компенсаторная роль таких продуктов заключается только в том, чтобы дать молодому поколению определенный спектр эмоций и переживаний без привязки к каким-то ценностным ориентирам и идеям [2].

Очевидным является тот факт, что полностью ограничить доступ ребенка к противоправному контенту невозможно (устранять такой контент из Сети должны компетентные органы). Вместе с тем есть однозначные, ключевые признаки, индикаторы, обратив внимание на которые, необходимо разъяснить подростку потенциальную опасность и вред от планируемых (или обсуждаемых) действий, убедить в ложности и деструктивности движения «Колумбайн», которое в действительности еще никому не помогло решить его психологические и социальные проблемы.

Тревога, связанная с возможным вовлечением подростка в «Колумбайн», должна возникать в случае, если:

а) Ребенок проявляет нездоровый интерес к тематике массовых убийств, оружия, боеприпасов, знакомится с соответствующими материалами в Интернете или делится ими с другими людьми;

б) В речи и поведении ребенка появляются элементы, свидетельствующие об изменении его отношения к вопросам «жизни и смерти», убийств, насилия: появляются основания говорить о его положительном отношении к таким явлениям;

в) Ребенок демонстрирует субкультурные атрибуты «Колумбайна»: называется в социальных сетях как «Клибодд», «Харрис», «Росляков», подражая известным убийцам, размещает депрессивный (суицидальный) контент, рассуждает о «естественном отборе» или демонстрирует агрессию по неочевидным поводам;

г) У ребенка появляются новые, ранее не известные «друзья» и «авторитеты» из социальных сетей, ведущие себя нетипично, вовлекающие его в тематику, связанную с насилием;

д) Замкнутость и изоляционизм в поведении сочетаются с демонстрацией враждебности к окружающим, отчужденностью от ранее близких людей и ценностей.

Другими признаками также могут выступать: наличие у ребенка большого количества «фейковых» аккаунтов в социальных сетях, посещение «закрытых» групп, размещение контента депрессивного (проблемы отсутствия понимания, любви, селфхарм (порезы на венах) и др.) или агрессивного характера (оружие, призывы к агрессии, видео терактов, казней и др.), изменение настроек приватности, стремление к конфиденциальности, скрытности [3].

Дополнительно необходимо отметить связь движения «Колумбайн» непосредственно с дефинициями терроризма. Нередко в информационных материалах подражателей «Колумбайна» широко эксплицируется идеология расизма (белого супремасизма), являющаяся основой в т.ч. мировоззрения лиц, совершающих террористические, насильственные действия на почве расовой ненависти. В этом случае наиболее явным и «программным» для движения материалом является «Дневник Э. Харриса», переведенный на русский язык последователями идеологии «Колумбайна». Для того, чтобы установить связь в силу того, что в основе идейной направленности материала лежит выраженная в разных формах идеологема мизантропии, «человеконенавистничества», можно сделать вывод о наличии в содержании материала признаков пропаганды идеологии насилия, заключающейся в систематическом убеждении адресата в правильности, необходимости достижения социальных и политических целей насильственным путем, удовлетворения собственных психоэмоциональных потребностей и разрешения значимых общественных противоречий с помощью массовых убийств. Наряду с этим представленный материал содержит политическую манифестацию, демонстрирует неудовлетворенность существующей общественно-политической системой.

Пропозициональное содержание речевого действия пропаганды идеологии насилия (к которой имеют непосредственное отношение систематические массовые убийства, в т.ч. в учебных заведениях) составляет описание насильственного действия, направленного на принуждение или подавление воли, устрашение кого-либо [4]. В данном случае содержание наглядно иллюстрируется автором и его личным примером. Такое содержание представлено полноценно, набор приемов убеждения, используемых при реализации речевого действия пропаганды идеологии насилия, демонстрирует традиционную для конфликтных текстов контаминацию речевых стратегий информирования и устрашения. Кроме того, материал является коммуникативно удачным ввиду точных формулировок автора и наличия иллюстраций, а также значимости автора, его статуса в сознании потенциальной аудитории, поскольку в качестве автора выступает Э. Харрис, причастный к массовому убийству в школе «Колумбайн».

Учитывая, что представленный материал с точки зрения анализа пресуппозиций выступает как дневник лица, причастного к массовому убийству (расстрелу в учебном заведении), можно сделать вывод о том, что данное издание, книга может использоваться в качестве основного, «программного» идеологического источника для лиц, намеревающихся совершить аналогичные насильственные, террористические действия, а также для лиц, разделяющих аналогичные радикальные убеждения. Следствием ознакомления с содержанием данного материала лицами, относящимися к возрастной группе «молодежь», может стать убеждение в правильности и необходимости со-

вершения террористических, насильственных действий, мотивация к их повторению в реальной жизни и подражанию автору вышеназванного материала [5].

Движение «Колумбайн» трансгранично и не обусловлено особенностями проживания в какой-то конкретной стране: подобная проблема может возникнуть и в США, и в российской глубинке, т.к. молодежные (подростковые) проблемы и кризисы в целом протекают везде оди-

наково. Главная опасность кроется в эксплуатации идей данного движения противниками существующего социального строя (в первую очередь, в России) и направленности на дестабилизацию российского общества путем вовлечения молодежи в радикальные идеологии. Противодействие таким явлениям давно стало совместным приоритетом различных институтов общества, но в первую очередь, института семьи.

Литература:

1. Карпов Владимир Олегович Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kult-kolumbayna-osnovnye-determinanty-massovyh-ubiystv-v-shkolah> (дата обращения: 01.12.2021).
2. Кубякин Евгений Олегович Криминализация молодежной культуры в условиях современного информационного общества // Общество и право. 2010. № 2 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalizatsiya-molodezhnoy-kultury-v-usloviyah-sovremennogo-informatsionnogo-obschestva> (дата обращения: 01.12.2021).
3. Погребная, С.К. Социально-психологическая экспертиза при правонарушениях экстремистской направленности, совершенных несовершеннолетними // Наука и социум: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2020. № XIV. с. 40-44.
4. Почебут, Л.Г. Психология терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2005. № 3.
5. Белашева, И. В., Ершова Д. А., Есаян М. Л. Психология терроризма: учебное пособие. — Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016.

Проблемы государственного образования в США

Насырова Екатерина Игоревна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются проблемы в системе образования Америки. Проанализировано обучение, как в школах, так и в других образовательных учреждениях. Рассмотрены и обобщены мысли самих американцев об образовательных системах Америки.

Ключевые слова: Америка, система образования, обучение, выражение мнения, педагоги

Существуют ли проблемы в системе образования в Америке? Конечно, так же как и в каждой стране. Федеральные власти Соединенных Штатов проводят исследования и оказывают поддержку для обеспечения равного доступа и повышения качества образования, а также финансируют программы студенческого кредитования и оказывает помощь студентам с низкими доходами. Единой государственной системы образования нет, ответственность за достойный уровень образования лежит на самих штатах: пятьдесят отдельных систем образования, не считая Пуэрто-Рико.

Департамент образования США обладает, в основном, полномочиями в сфере управления и контроля за целевым и эффективным использованием средств федерального бюджета США, то есть его роль в системе образования сравнительно невелика. В стране и в определенном штате выделяются федеральные и региональные законодательные органы, которые вправе устанавливать базовые

правовые нормы, регулирующие общее и высшее образование.

Президент США и его администрация представляют Конгрессу проект федерального бюджета, в котором, в частности, определяются федеральные образовательные программы на предстоящий финансовый год. Кроме того, Президент США вправе инициировать путем внесения законопроектов в Конгресс новые федеральные программы, затрагивающие сферу образования. Значимые общегосударственные реформы в сфере образования последних лет также инициировались Президентом США, а не специальным комитетом по образованию в Конгрессе.

Основные проблемы образовательных учреждений зависят от их местоположения. В городских районах школам приходится решать разные социальные вопросы, так как из-за высокого уровня бедности многие ученики не могут учиться. В богатых пригородах родители слишком часто вмешиваются в процесс обучения, под-

рыва авторитет учителей и процесс обучения, а также слишком наседающая на преподавателей.

Одной из проблем также является то, что за последние 20 лет резко увеличилось количество стандартизированных тестов, и школы оцениваются по результатам тестов учащихся. Большинство людей согласны с тем, что качество образования K-12 снизилось за последние 20 лет, и поэтому неудивительно, что некоторые государства сокращают стандартизированные тестирования. Это дорого, это отнимает время от фактического обучения, и это не представляет никакой ценности. Недавно штат Орегон отменил выпускные экзамены в средней школе по целому ряду причин, одна из которых заключалась в том, что они не видели действительной значимости теста или его влияние на улучшение результатов обучения, несмотря на то что ежегодно такое тестирование обходится в десятки миллионов долларов.

На многих форумах ученики и преподаватели выражают свое мнение касательно системы образования, — например, Арья Вайдья: «Я на самом деле люблю учиться, но в американских школах это невозможно. Вы никогда не узнаете ничего действительно полезного. Вам дают список терминов и их определения, а затем просят запомнить их. На уроках английского нужно учиться пользоваться правилами и вокабуляром, которые вы вряд ли будете когда-либо использовать; на уроках математики — пользоваться формулами, которые не имеют объяснения, а на естественных науках запоминать термины и «выплевывать их вслепую» без реального объяснения».

Стресс от такой системы испытывают не только студенты, но и преподаватели: «В обычный день я смогу лечь спать около 1-2 часов ночи, в то время как мои родители ложатся спать, возможно, в 11:30. У них работа более значимая, чем у меня, они действительно зарабатывают деньги, но у меня больше работы и больше стресса, чем у родителей. Даже другие студенты согласны с тем, что у всех нас есть серьезные проблемы со стрессом. Мы вынуждены засиживаться допоздна, почти сходить с ума и страдать от приступов паники по всему, что связано с учебой. Честно говоря, это ужасно и, в конце концов, приводит к депрессии. Это даже больше не образование. Это просто пытка».

Единственным спасением для американской системы образования является популярность частного обучения и тот факт, что ваучерные программы набирают обороты.

Многие люди, особенно неамериканцы, все еще мало знают о проблемах в нынешней системе образования США. Эти пункты называют сами американцы:

1. Система, как она есть, заставляет людей отправлять своих детей в школу в своем районе, даже если это плохая школа. Американские родители, особенно с низким доходом, не могут отправить своих детей в лучшую школу.

2. Снизились стандарты для учителей. В Нью-Йорке пару лет назад прекратили практику проведения тестов на грамотность для учителей. Причина в том, что недостаточно учителей проходило этот тест.

3. Хороших учителей отправляют в более богатые школы, в то время как недостаточно образованных и компетентных учителей отправляют в школы с низкой успеваемостью.

4. Родители в наши дни отчасти пренебрегают образованием своих детей, потому что «это работа учителей». Также родители либо слишком давят на своих детей, либо слишком давят на учителей, либо и то и другое. В новостях можно увидеть истории о том, как родители преследуют учителей или даже нападают на учителей за то, что они подвели их сына/дочь.

5. И, конечно же, дети. Мы живем в эпоху растущего невежества, дети могут придираются к другим детям за то, что они умные или получают хорошие оценки. В большинстве «черных государственных школ» еще хуже положение, где могут осуждать за грамотность, и будут обвинять в том, что вы «говорите, как белый». И это не говоря еще о преступлениях и подростковой беременности.

6. И что хуже всего, большинство людей даже не желают признавать вышеуказанные проблемы.

Некоторые опытные преподаватели считают: «одним из простых способов решить множество проблем в системе образования, был бы отказ от всего, что не имеет прямого отношения к образованию».

Несмотря на все негативные комментарии, написанные выше, некоторые университеты США считаются лучшими в мире. Поэтому многие люди едут в США для получения диплома о высшем образовании.

Хотелось бы закончить высказыванием Эрика Энга: Образование является большой проблемой в Америке — в первую очередь потому, что способ и стиль обучения неэффективны, нарушены и вводят в заблуждение. Хотя, безусловно, существуют удивительные ресурсы для студентов, желающих продолжить учебу, но не все осведомлены об этом.

В системе государственных школ есть отличные и плохие учителя. Есть немотивированные студенты. Хотя учебная программа более или менее одинакова, в разных школах используются разные учебники. И некоторые из этих учебников просто ужасны. Представьте, что вы просматриваете 300-страничный учебник только для того, чтобы выучить простую алгебру. И делать миллионы примеров только для того, чтобы научиться решать простое линейное уравнение. Эта проблема еще больше усугубляется немотивированными учителями, возможно из-за того, что не получают достаточной компенсации за выполняемую ими работу.

Что нужно сделать, так это подготовить и собрать лучшие ресурсы для студентов, которые будут наиболее эффективны для изучения предметов. И нам нужны способные учителя и тьюторы, которые объясняли бы этот материал студентам так, чтобы он был понятен и делал обучение увлекательным. Технологические платформы создают сферу для эффективного обучения студентов, но этого все еще недостаточно.

Самое главное, нам нужно стандартизировать это по всей стране и, возможно, во всем мире, чтобы продвигать образование не только для молодежи, но и для человечества. Образование является основой человеческого

прогресса, и нам необходимо оптимизировать этот оптимальный способ обучения по всем направлениям для развития общества, в котором мы живем.

Литература:

1. <https://www.articlemyriad.com/> — authoritative source for original and insightful articles and ideas on a broad range of topics related to the humanities
2. <https://russian.rt.com/> — новостной сайт
3. <https://www.quora.com> — place to gain and share knowledge

Длющиеся преступления: проблемы квалификации и правоприменения

Никитин Евгений Александрович, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В настоящее время длющиеся преступления совершаются не так часто, в связи с чем, проблеме их квалификации и правоприменения уделяется не так много внимания, однако она имеет место быть и заслуживает должного внимания.

Так, прежде всего, необходимо дать определение длющихся преступлений.

В соответствии с пп. «г» п. 33 совместного приказа Генеральной прокуратуры РФ № 39, МВД РФ № 1070, МЧС РФ № 1021, Минюста РФ № 253, ФСБ РФ № 780, Минономразвития РФ № 353, ФСКН РФ № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений» (далее по тексту — приказ «О едином учете преступлений») длющиеся преступление — совершение одного преступного деяния в течение определенного периода времени [1].

Кроме того, в приказе «О едином учете преступлений» приведены примеры длющихся преступлений, а именно незаконное ношение оружия, изготовление и хранение наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов.

На мой взгляд, для более точного понимания смысла указанных преступлений, необходимо обратиться к практике судов (их расширенное толкование).

Так, заслуживает внимания «Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2014 г.», утвержденный президиумом Пермского краевого суда 13.03.2015, в котором подробно освящено постановление Президиума Пермского краевого суда от 21.11.2014 № 44У-141/2014 на обвинительный приговор по ч. 1 ст. 157 УК РФ, а именно, длющиеся преступление складывается из ряда юридически тождественных деяний, объединенных единым умыслом, единством объекта посягательства и преступных последствий. То есть длющиеся преступление невозможно разделить на разные составы преступлений в силу их схожести, единства цели и последствий [2].

Теперь, для определения времени совершения длющегося преступления, необходимо обратиться к единственному и действующему в настоящее время постановлению 23 Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 «Об условиях применения давности и амнистии к длющимся и продолжаемым преступлениям».

Согласно пункту 4 указанного пленума, моментом начала совершения длющегося преступления начинается с момента совершения самого преступного деяния (действия/бездействия) и заканчивается в связи с действиями самого виновного, направленными к прекращению преступления, или наступления событий, препятствующих совершению преступления (например, вмешательство органов власти). Сроки давности уголовного преследования в отношении длющихся преступлений исчисляется со времени их прекращения по воле или вопреки воле виновного (например, добровольное выполнение виновным своих обязанностей, явка с повинной, задержание органами власти и др.) [3].

А теперь, следует перейти к проблеме, которая возникает и может возникнуть у органов предварительного расследования, прокуратуры и суда при квалификации действий обвиняемого за совершения длющегося преступления.

Так, к примеру, взять статью 313 УК РФ (Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи). Указанный состав является формальным и считается оконченным с момента оставления мест лишения свободы/предварительного заключения. При побеге, указанное преступление считается оконченным с момента выхода лица из-под контроля охраняющих его лиц (юридическое окончание преступления). В связи с тем, что побег относится к длющимся преступлениям, его фактическое окончание приходится на момент задержания лица либо явки его с повинной, либо возникновения обстоятельств, прекращающих деяние. Давностный срок

привлечения к уголовной ответственности начинает исчисляться с момента фактического окончания побега

Таким образом, юридическое и фактическое окончания длящегося преступления чаще всего не совпадают.

На основании вышеизложенного, а также учитывая частые изменения в том числе уголовного закона, возникает резонный вопрос о квалификации действий лица, совершившего длящегося преступление (в том числе по ст. 313 УК РФ).

В науке уголовного права высказано справедливое мнение, что уголовным законом, по которому следует квалифицировать длящееся преступление, необходимо признавать закон, во время действия которого было исполнено общественно опасное деяние (именно юридическое окончание) независимо от времени фактического прекращения преступного состояния.

Этот вывод сделан на основе требований ст. 9 УК РФ о действии уголовного закона во времени и сложившейся на протяжении времени судебной практики по длящимся преступлениям.

Например, обвинительный приговор Завьяловского районного суда Удмуртской Республики от 09.07.2020

по делу № 1-21/2020 по ч. 1 ст. 313 УК РФ, согласно которому осужденный отбывающий наказание в виде лишения свободы в колонии поселении ФКУ КП-11 УФСИН России по Удмуртской Республике находился на оплачиваемой работе в составе группы осужденных на объекте юридического лица. В период времени с 16 часов 00 минут до 16 часов 37 минут, осознавая, что находится в местах лишения свободы, незаконно, умышленно, без разрешения администрации колонии — поселения, желая уклониться от дальнейшего отбывания наказания, убедившись что за его действиями никто не наблюдает, прошел через контрольный пункт охраны юридического лиц, тем самым, самовольно покинул территорию выездного объекта ФКУ КП-11 УФСИН России по Удмуртской Республике, то есть совершил побег из мест лишения свободы.

В тот же день, в ходе проведения оперативно — розыскных мероприятий, в 18 часов 45 минут осужденный был задержан сотрудниками КП-11 УФСИН России по Удмуртской Республике [4].

Таким образом юридическое окончание преступления в указанном примере — 16 часов 37 минут, а фактическое — момент задержания 18 часов 45 минут.

Литература:

1. Правовая система КонсультантПлюс: Генеральной прокуратуры РФ № 39, МВД РФ № 1070, МЧС РФ № 1021, Минюста РФ № 253, ФСБ РФ № 780, Минэкономразвития РФ № 353, ФСКН РФ № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений»;
2. Правовая система КонсультантПлюс: «Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2014 г.»;
3. Правовая система КонсультантПлюс: Постановление 23 Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям»;
4. Интернет сайт sudact. ru: приговор № 1-21/20201-327/2019 от 09.07.2020 по делу № 1-21/2020 (сайт sudact. ru).

Проблемы правового регулирования банкротства предпринимателей

Ованнисян Наири Седракович, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

Автор статьи проводит обзорный анализ действующего законодательства по вопросу правового режима банкротства предпринимателей в Российской Федерации в современных условиях, а также имеющихся проблем в данной области.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, предпринимательская деятельность, предпринимательство, банкротство.

Актуальность исследования банкротства индивидуальных предпринимателей проявляется в том, что институт банкротства является важнейшим, но вместе с тем, особенно сложным экономико-правовым институтом. Данные характеристики института банкротства наиболее отчетливо проявляются в процедуре банкротства индивидуальных предпринимателей.

Вместе с тем, сегодня объективно существуют и еще не разрешены проблемы банкротства индиви-

дуальных предпринимателей, проявляющиеся в отсутствии должного баланса интересов кредиторов и должников.

Указанное обстоятельство определило и сделало актуальным на современном этапе научное осмысление проблем правового регулирования банкротства индивидуальных предпринимателей с целью понимания дальнейших перспектив развития законодательства в данной области.

О. С. Лилюкова и Е. Н. Горюнова в своём исследовании приходят к выводу, что в начале 90-х годов, после распада СССР в России начался переход к капиталистической модели экономики. Развитие рыночных отношений привело к образованию ранее не существовавших институтов малого и среднего бизнеса. Появление такого рода субъектов экономики поспособствовало положительному экономическому росту в стране после 2000-х годов, и этот процесс, хотя и в небольшой степени, продолжается до сих пор. Однако, если проанализировать практику других, более развитых стран, использующих эту же экономическую модель, можно прийти к выводу, что в Российской Федерации существует ряд проблем, связанных с регулированием деятельности малого и среднего бизнеса. Высокие налоги, низкий уровень государственной поддержки, отсутствие квалифицированной рабочей силы, отсутствие низких ставок по кредитам — все это подавляет и затормаживает сферу бизнеса, которая может двигать экономику государства вперед [1].

К. С. Володина справедливо утверждает, что «начало 2020 года ознаменовалось вспышкой нового заболевания — коронавирусной инфекции COVID-19. В марте 2020 года Всемирной организацией здравоохранения была объявлена пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2. Пандемия коронавирусной инфекции оказала влияние не только на политику и экономику нашего государства, затронуты также механизмы реализации основных прав и свобод человека. В условиях борьбы с пандемией представляется необходимым уделить внимание возникшим проблемам реализации прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность. Режим повышенной готовности был введен на основании подп. «в» п. 6 ст. 4.1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. N 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» на территории всех субъектов РФ, при этом в 44 субъектах РФ это было признано обстоятельством непреодолимой силы. Несмотря на большую значимость вводимых в рамках борьбы с распространением инфекции мер, их влияние на закрепленные в Конституции Российской Федерации права и свободы человека зачастую является спорным. Многие меры хотя и могут быть объяснены с точки зрения исключительности ситуации, но серьезным образом ограничивают основные права человека и не соответствуют некоторым федеральным законам» [2].

Т. П. Шишмарева указывает, что проблемы злоупотребления правом в производстве по делу о несостоятельности (банкротстве) становятся предметом доктринальных исследований. В доктрине предлагается классифицировать такие злоупотребления на формы по их внешнему проявлению и виды в зависимости от стадии производства по делу о несостоятельности (банкротстве). Представляется, что можно также выделить иные виды злоупотреблений в зависимости от того,

о нарушении каких прав (материальных или процессуальных) идет речь, и, соответственно, применять разные правовые последствия злоупотребления правами. Так, при нарушении норм материального права применяются положения ст. 10 ГК РФ, и в качестве правового последствия злоупотребления правом применяются отказ в защите права, недействительность сделки, иные правовые последствия, предусмотренные законом. Понятие «злоупотребление процессуальными правами» в процессуальном законодательстве в отличие от материального не получило легального определения. В судебной практике под злоупотреблением процессуальными правами понимают действия, нарушающие права и охраняемые законом интересы других субъектов, направленные на затягивание процесса. При нарушении норм процессуального права подлежат применению нормы процессуального законодательства, предусматривающие в качестве последствия недобросовестного поведения сторон процесса отказ в удовлетворении заявления или ходатайства, если они не были своевременно поданы участвующими в деле лицами вследствие злоупотребления ими своими процессуальными правами (п. 5 ст. 159 АПК РФ), иные неблагоприятные процессуальные последствия [3].

И. Н. Барциц, В. П. Быков, Е. В. Черникова, И. В. Маркелова в своём исследовании утверждают, что «банкротство как публично-правовой феномен и экономико-правовое явление сопровождается многогранным правовым регулированием. Развитие законодательства идет по вектору банкротства. В нормах права понятия «несостоятельность» и «банкротство» используются как идентичные, при этом содержание этих понятий очевидно различается. Несостоятельность характеризует финансовое (имущественное) состояние экономического субъекта, указывающее на его финансовую неустойчивость. Банкротство по своей природе — категория административная, представляющая собой организационно-правовой процесс, связанный с несостоятельностью, в котором задействовано множество субъектов — должник, кредиторы, орган, осуществляющий банкротство, судебные органы. Финал данного процесса, как правило, — ликвидация, т. е. полное прекращение деятельности юридического лица либо индивидуального предпринимателя.

В ходе осуществления процедуры банкротства возникает научно-практическая проблема, связанная с защитой прав и интересов кредиторов, а также должников. Одним из аспектов является законность сделок, совершенных юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, находящимися в процедурах банкротства. При разрешении арбитражными судами споров о признании таких сделок недействительными возникает ряд вопросов. Актуальным инструментом в процедуре банкротства является оспаривание сделок должника по специальным основаниям, установленным главой III. 1 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 27.12.2019) (далее — Закон о банкротстве)» [4].

Д. В. Громов приходит к выводу, что введением категории объективного банкротства Верховный Суд РФ обозначил курс на смягчение ригоризма формальных определений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Даже при внешнем наличии признаков объективного банкротства (превышения пассивов над активами) суд может

признать фактическое отсутствие ситуации объективного банкротства в случае реализации руководителем экономически обоснованного плана. Нацеленность на тщательное изучение всех аспектов каждого дела, а не на механическую проверку соответствия формальным критериям очевидна, и это нельзя не приветствовать [5].

Литература:

1. Лиликова, О. С., Горюнова Е. Н. Некоторые проблемы развития малого и среднего бизнеса в России: правовой и практический аспект // Юрист. — 2021. — № 6. — с. 44-49.
2. Володина, К. С. Проблемы реализации конституционного права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность в период пандемии коронавируса (COVID-2019) // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 2. — с. 24-27.
3. Шишмарева, Т. П. Способы противодействия злоупотреблению правами участниками процедур несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 2. — с. 74-82.
4. Барциц, И. Н., Быков В. П., Черникова Е. В., Маркелова И. В. Особенности оспаривания подозрительных сделок в рамках дел о банкротстве юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (на примере судебной практики) // Современное право. — 2020. — № 3. — с. 86-95.
5. Громов, Д. В. Введение Верховным Судом РФ понятия «объективное банкротство» — сигнал о необходимости изменения Закона о банкротстве? // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». — 2020. — № 2. — с. 35-40.

Насильственные преступления: понятие, признаки

Ооржак Белла Андреевна, студент магистратуры

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В научной статье рассматриваются понятия «насильственная преступность» с позиции разных авторов. Приводятся признаки насильственной преступности, рассматриваются нормативно-правовые акты, регулирующие данные правонарушения. Проведен анализ совершения насильственных преступлений и выявлены особенности их совершения.

Ключевые слова: преступление, насильственные преступления, насилие, противоправное деяние, убийство, грабеж, действия сексуального характера.

В феврале 2020 года первые строки новостных изданий пестрили информацией о резко увеличившемся в России уровне преступности. Информационно-аналитическое агентство ТАСС разместило новость о том, что правовой статистикой в России в январе 2020 года был зафиксирован резкий рост числа насильственных преступлений — на 72% [10].

Так или иначе, даже незначительный рост показателей преступности сказывается на обществе разрушительно. Во-первых, потому что любое противоправное деяние против свободы и воли, прав граждан недопустимы в соответствии с Конституцией [1]. Каждому гарантируется право на жизнь, безопасную окружающую среду, свободу передвижения и слова и т. д., когда же в отношении граждан совершаются преступления, то права нарушаются [1]. Если нарушения происходят систематически, меняется и настроение общества, начинается паника, которая в последствии приводит исключительно к разрушительным последствиям нормативно-правовой системы

и жизни населения. Тема насильственной преступности для России сегодня особенно актуальна, что подтверждается статистикой по структуре преступности. Структура преступности в России по данным за 2020 и первое полугодие 2021 года представлена на рисунке 1.

Из рисунка 1 видно, что в 2020-2021 гг. наиболее распространенными преступлениями являлись кражи (на них пришлось порядка 36% всех преступлений), а также различного рода мошенничество (16%) [9]. Насильственные преступления — довольно обширная категория, в которую включаются разнообразные виды преступлений против здоровья, жизни, чести и достоинства граждан. Насильственная преступность не определена законодательством, большинство авторов определяет его так: «насильственная преступность — это совокупность деяний, связанных с физическим и психическим насилием над личностью или угрозой его применения».

Палага В. А. определяет насильственные преступления, как «применение насилия или угрозы применения на-

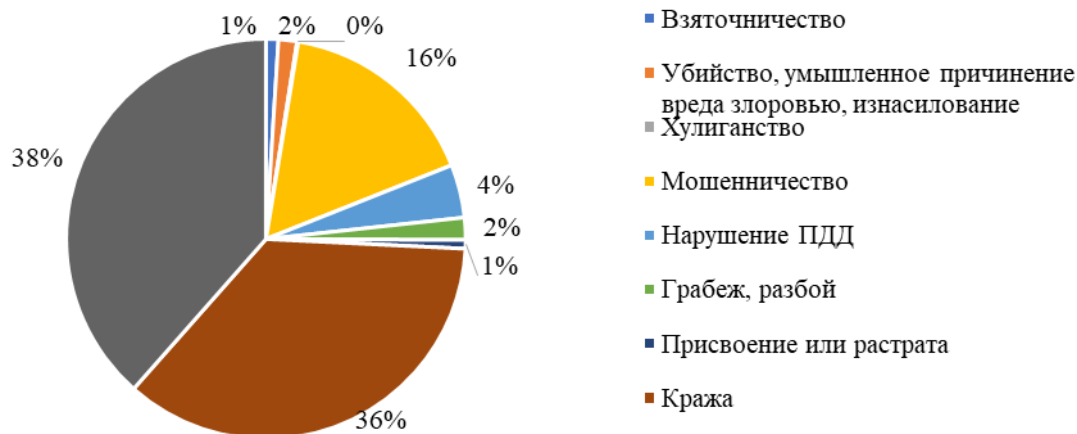

Рис. 1. Структура преступности в России, 2020-2021 гг., % [9]

силы к другому человеку» [4]. То есть фактически, насильственное преступление может быть не осуществлено физически, но даже при наличии словесных угроз такой расправы, угрозы будут все равно рассчитываться, как преступление насильственного характера.

Согласно методическим материалам Министерства внутренних дел России, насильственные преступления характеризуются общими признаками, которые и позволяют объединять определенные преступления, а данную категорию. Преступления данного характера имеют одинаковый способ их совершения и представляют собой либо применение насилия, либо применение угроз его совершения [7]. Что касается угроз, они могут стать началом реальных действий, и подобные деяния описаны в ст. 30 УК РФ, как приготовление к преступлению или покушение на преступление. Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации, ст. 30: «приготовлением признаются приискание, изготовление или приспособление личных средств и орудий совершения преступлений, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления в случаях, если преступление было доведено до конца вне зависимости от обстоятельств» [2].

Согласно УК РФ, покушением на преступление в рамках российского законодательства признаются разного рода умышленные действия (бездействие) лица, направленные

на совершение преступления [2]. Единственным отличием между совершением преступления и покушением является характер события — если событие сбылось, оно признается преступлением, если по различным причинам событие не свершилось или его удалось предотвратить, то это является покушением на преступление.

Так, к примеру, последние резонансные случаи в России: в 2017 году в Подмосковном городе Серпухове Маргарите Грачевой муж отрубил кисти рук топором, заранее вывез ее в лес, где осуществил преступление [6]. Судом было принято решение о признании меры пресечения для супруга потерпевшей в виде лишения свободы сроком 14 лет строго режима, суд признал мужчину виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), а также похищении и угрозе убийством [2]. В данном случае факт преступления был зафиксирован, а по итогам расследования супругу М. Грачевой выдвинуто обвинение и избрана мера пресечения [6].

В судебной практике известный также случаи, когда преступления были предотвращены, часто это случилось из-за пронизательности и равнодушия очевидцев. В случаях, когда преступление не совершается, его инициатора судят не за совершение, а за подготовку к покушению свершения насильственного преступления. В России насильственные преступления классифицируются на следующие виды и категории, представленные на рисунке 2.

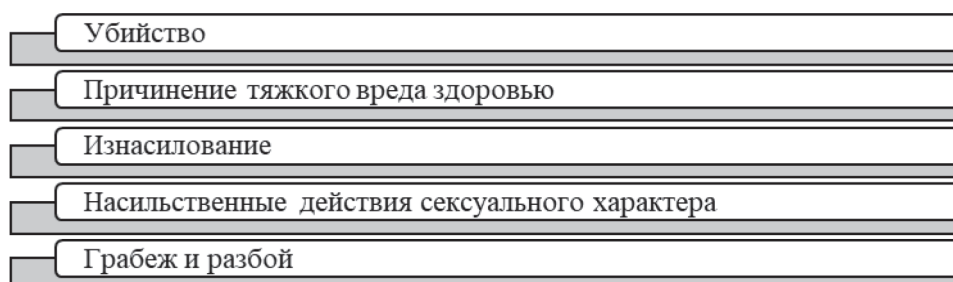

Рис. 2. Виды насильственных преступлений, наиболее распространенные в России [3]

Ответственность на совершение указанных преступных действий регулируется и назначается в соответствии с некоторыми статьями Уголовного кодекса Российской Федерации:

- Убийство — ст. 105 УК РФ;
- Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — ст. 111 УК РФ;
- Изнасилование — ст. 131 УК РФ;
- Насильственные действия сексуального характера — ст. 132 УК РФ;
- Грабеж — ст. 161 УК РФ;

— Разбой — ст. 162 УК РФ [7].

При этом необходимо отметить, что круг насильственных преступлений весьма разнообразен, УК РФ включает в себя 55 статей, предусматривающих ответственность за нарушение преступлений насильственного характера, но представленные на рисунке 2 преставления, встречаются более часто. Рассмотрим некоторую динамику, исходя из которой можно будет сформировать картину и представление о преступлениях данного характера в России. На рисунке 3 представим структуру тяжкой насильственной преступности по количеству жертв в 2019-2020 гг.

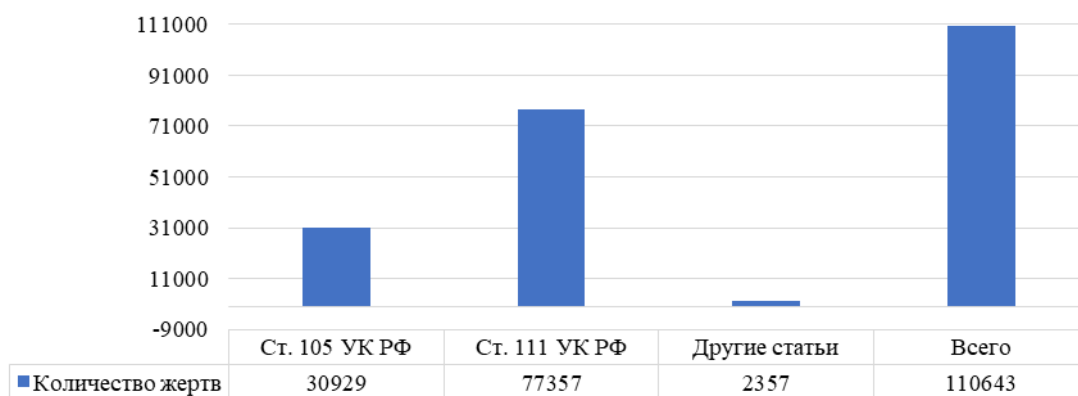

Рис. 3. Структура жертв, в отношении которых были осуществлены насильственные преступления по определенным ст. УК РФ, 2019-2020 гг., чел.

На рисунке 3 отражено количество жертв, по отношению к которым были осуществлены тяжкие и особо тяжкие преступления. Из рисунка видно, что большая часть преступлений оценивались в рамках ст. 111 УК РФ, т.е. по статье «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», второе место среди всех насильственных преступлений занимают убийства: в 2019-2020 гг. было зафиксировано около 30929 жертв, в отношении которых было совершено убийство (ст. 105 УК РФ). Если обратиться к статистике по половой структуре жертв, то становится ясно, что нападениям чаще подвергаются женщины — 53,7%. Преступники чаще всего выбирают в качестве жертвы граждан России — по данным за пе-

риод 2019-2020 гг. 95,9% жертв имели российской гражданство, всего 4,1% жертв — иное [9].

Интересно также рассмотреть и пространственно-временные характеристики преступлений насильственного характера. Согласно статистическим данным, большая часть преступлений насильственного и сексуального характера происходит либо дома, либо в непосредственной близости от жилья. При этом женщины попадают в руки преступников чаще именно в домах и подъездах — в 90,3% случаев [9]. На рисунке 4 представим структуру мест совершения преступлений насильственного характера за исследуемый период.

Рис. 4. Структура преступности в России, 2020-2021 гг., % [9]

Рисунок 4 позволяет сделать вывод о том, что 77% насильственных преступлений происходит в стенах жилых помещений. Это говорит о том, что большая часть преступлений — не результат нападения на улице, а бытовые домашние конфликты. При этом из 77% преступлений, совершенных в жилых помещениях, по официальной статистике только 21,2% преступлений совершались близкими родственниками жертвы, остальные же становились заложниками обстоятельств: ехали в лифте с незнакомым, встречали преступника в подъезде или при подходе во двор, квартиру и т. д.

Титаев К.Д. утверждает, что на риск стать жертвой оказывает прямой воздействие и социальный статус потенциальной жертвы: «чем ниже социальный статус и мобильность, тем выше вероятность того, что человек станет

жертвой преступника именно в жилом помещении» [5]. К примеру, пенсионеры подвержены такому исходу событий в 93,8% случаев, безработные становились жертвами в 85,6% случаев от всех совершенных преступлений и пр. А руководители и занятые — всего в 37,1% случаев [5].

Согласно обращениям жертв и анализу показаний, большинство преступлений насильственного характера происходит во второй половине дня: начиная с 17 часов число преступлений постоянно увеличивается и достигает своего пика в 23 часа (в это время за период 2019-2020 гг. было совершено более 6,5 тыс. преступлений в общей структуре). Если же представить структуру преступлений по категориям среди насильственных, то за исследуемый период она будет выглядеть так, как представлено на рисунке 5.

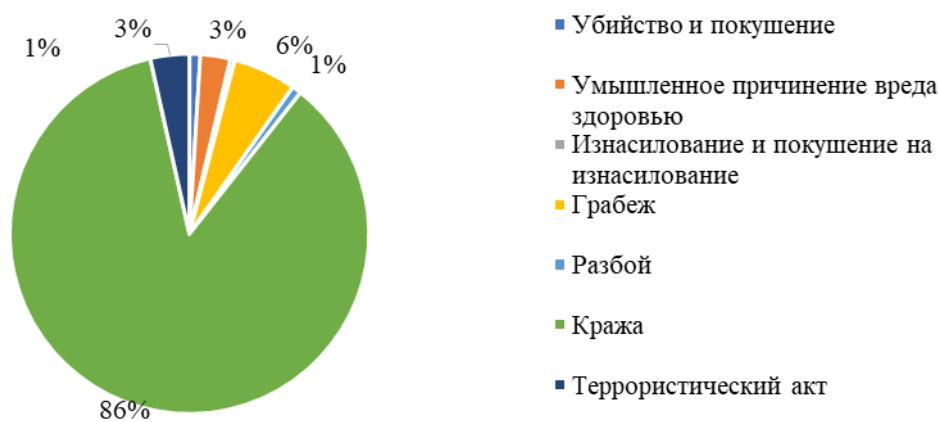

Рис. 5. Структура насильственных преступлений, 2019-2020 гг., % [7, 9]

В период 2019-2020 гг. большая часть преступлений насильственного характера представляла собой кражи с элементами угроз. На грабеж пришлось 6% от всех преступлений, ещё 3% преступлений — это умышленное причинение вреда здоровью. Несмотря на то, что большую часть в общей структуре занимают не убийства и причинение тяжкого и особо тяжкого вреда здоровью граждан, рассмотренная статистика свидетельствует о довольно несовершенной системе работы правоохранительных органов и низком уровне осведомленности населения об основных способах предотвращения ситуаций, в которых гражданин может стать жертвой преступника. Еще более удручающим фактором является то, что большая часть насильственных преступлений происходит дома или вблизи него, в помещениях, относящихся к местам общего пользования (дворы, лифты, лестничные площадки и др.).

Высокий уровень насильственной преступности сохраняется в России в том числе, потому как нет единого закона, который регулировал бы данные преступления. В 2019 году был разработан законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Фе-

дерации», но с тех пор закон так и не был принят и подписан. Данный законопроект выступает предметом острых обсуждения и полемики: у проекта есть сторонники, которые, однако, считают закон мягким и обтекаемым, но есть и противники, рассматривающие предусмотренные законом меры, как репрессивные, и считающие, что с данным законом даже легкие семейные ссоры можно будет признать за преступность [8].

На наш же взгляд, принятие и вступление в силу данного закона позволило бы значительно снизить число насильственных преступлений в домашних условиях, т.к. законом предусмотрены такие меры профилактики насильственных преступлений, как профилактические беседы, учет и контроль, помощь в адаптации и реабилитации лицам, подвергшимся насилию, применение специализированных программ и прочие методы. Но, чтобы ситуация с насильственной преступностью в России начала улучшаться нужно пересматривать весь причинный комплекс насильственных преступлений таких как воспитание ребенка с раннего детства и поднятия экономического уровня населения.

Существенное нарушение прав и законных интересов в структуре состава превышения должностных полномочий

Осмонов Алишер Арипович, студент

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В современный период актуальной научно-практической проблемой выступает определение существенности нарушения прав и законных интересов в составе превышения должностных полномочий. Автор предлагает исходить из характера нарушения и степени его существенности, соотнося их с общественной опасностью посягательства.

Ключевые слова: квалификация преступлений, превышение должностных полномочий, существенное нарушение, права и законные интересы, должностное лицо.

Особенностью конструкции состава превышения должностных полномочий является использование оценочных признаков, с помощью которых регламентируются общественно опасные последствия. Такими признаками законодатель посчитал существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых интересов общества или государства. Фактически это означает, что существенному нарушению подвергается четыре группы интересов или отношений.

Существенное нарушение прав и законных интересов используется в качестве конструктивного признака составов многих преступлений (злоупотребление полномочиями, халатность, самоуправство и др.). При этом в уголовно-правовой характеристике превышения должностных полномочий он имеет определенную специфику, обусловленную, как представляется, следующими обстоятельствами.

Во-первых, очевидной противоправностью преступных действий, в силу которой они заведомо для виновного не соответствуют тому порядку, который установлен законом для их совершения. Превышая должностные полномочия, субъект использует не столько их, сколько свою причастность к механизму их реализации [1, с. 21-27], поэтому его действия изначально противоправны.

Во-вторых, для квалификации действий должностного лица как превышения должностных полномочий имеет значение реальность нарушения и признание его существенным [2, с. 14-16]. В противном случае речь может идти о совершении должностным лицом дисциплинарного проступка, не влекущего иных, кроме дисциплинарной ответственности, юридических последствий.

В-третьих, Пленум Верховного Суда РФ способствовал формированию у судов правильных представлений о существенности нарушения прав и законных интересов, приведя в постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностных полномочий и их превышении» примерный перечень прав и свобод, которые могут быть нарушены в результате преступных действий. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ использовал оценочное понятие «создание препятствий для удовлетворения потребностей,

не противоречащих нормам права и общественной нравственности» (п. 18). Для оценки существенности вреда рекомендовано учитывать степень отрицательного влияния деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, характер, размер и тяжесть нанесенного ущерба.

Вынося приговоры по делам о превышении должностных полномочий, суды достаточно часто указывают на такие обстоятельства, как подрыв авторитета и дискредитацию органов государственной власти [3], нарушение основных целей, задач и принципов деятельности правоохранительных органов [4], подрыв доверия к сотрудникам органов внутренних дел [5]. Недостатком такой оценки выступает ее неполнота. Ни в одном из изученных автором уголовных дел судом не указывалось, в чем именно состоял подрыв авторитета, дискредитация, либо иное негативное воздействие на охраняемые законом интересы общества или государства. Из этого можно заключить, что суды относятся к определению существенности нарушения достаточно формально, используя для этого понятия, не имеющие конкретного юридического содержания. Поэтому представляется важным предложить способы определения характера нарушения и степени его существенности.

Характер нарушения определяется положениями закона или иных нормативных правовых актов, определяющими надлежащее исполнение должностных полномочий. Между тем, поскольку существенность нарушения выступает признаком, разграничивающим преступное и не преступное поведение, для правильного определения ее характера необходимо использовать такие категории, которые получили закрепление в действующем законодательстве.

Например, превышение должностных полномочий, выразившееся в существенном нарушении конституционных прав и свобод граждан, не подлежащих ограничению в силу прямого указания ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, является заведомо преступным и ни при каких обстоятельствах не может квалифицироваться как дисциплинарный проступок.

Аналогично преступным будет превышение должностных полномочий, сопряженное с нарушением требо-

ваний законодательства, относящихся к формализации отдельных юридических процедур (например, Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» закрепляет перечень обязанностей должностных лиц при проведении плановых и внеплановых проверок, а также последовательность исполнения этих обязанностей).

Конкретные условия правомерности предусмотрены законами «О полиции», «Об органах Федеральной службы безопасности», «О судебных приставах» для применения физической силы, специальных средств и оружия, из чего следует, что совершение этих действий с нарушением установленного порядка также образует состав превышения должностных полномочий.

Приведенные примеры позволяют рекомендовать при расследовании и судебном разбирательстве по уголовным делам о превышении должностных полномочий использовать не абстрактные категории (подрыв авторитета, дискредитация и др.), а конкретные положения действующего законодательства, которые были нарушены должностным лицом. Таким способом можно установить характер допущенного нарушения.

Устанавливая степень существенности нарушения, можно использовать несколько критериев: открытый демонстративный способ превышения должностных полномочий, длительность, размер нанесенного материального ущерба.

Так, если должностным лицом демонстративно нарушается установленный порядок реализации предоставленных законом полномочий, это свидетельствует о том, что именно произвол субъект считает допустимым методом, который можно использовать при исполнении должностных обязанностей.

Литература:

1. Борков, В.Н. Критерии разграничения злоупотребления должностными полномочиями от их превышения/В.Н. Борков // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2016. — № 4. — с. 21-27.
2. Каплин, Н. М., Бражник, С.Д. Существенный вред как признак превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ)/Н.М. Каплин, С.Д. Бражник // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2015. — № 1. — с. 14-16.
3. Уголовное дело № 22-489/2011 // Архив Пензенского областного суда.
4. Уголовное дело № 1-29/2011 // Архив Можайского городского суда Московской области.
5. Уголовное дело № 1-281/2012 // Архив Октябрьского районного суда г. Омска.

Длительность нарушения прав и законных интересов также может быть охарактеризована с точки зрения степени существенности. Так, если речь идет о нарушении конституционных прав, не подлежащих ограничению, длительность в целом значения не имеет. Например, распространенной противоправной практикой деятельности сотрудников правоохранительных органов является незаконное административное задержание граждан с целью обеспечения их участия в проверочных мероприятиях относительно их причастности к нераскрытым преступлениям. При этом ограничивается личная свобода таких граждан, нарушается установленный порядок привлечения к административной ответственности, произвольно применяется административное законодательство. Для должностного лица очевидно, что административно задержанные лица в действительности не совершали правонарушений. В данном случае виновный может действовать, исходя из ложных представлений о служебном долге, однако это не может оказывать влияния на оценку его поведения как преступного превышения должностных полномочий, хотя бы срок административного задержания и соответствовал бы установленному законом.

Напротив, в ряде ситуаций длительность нарушения прав и законных интересов может свидетельствовать о его существенности или несущественности. Например, превышение должностных полномочий, выразившееся во временном приостановлении деятельности организации, может иметь уголовно-правовые последствия, если в результате приостановления она не имела возможности исполнять имеющиеся обязательства в сфере предпринимательской деятельности (иными словами, если противоправные действия не повлекли срыва исполнения обязательств, они могут образовывать состав дисциплинарного проступка).

Способы мошенничества в кредитно-банковской сфере как элемент криминалистической характеристики

Петренко Татьяна Анатольевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ястребова Татьяна Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются основные способы мошенничества в банковско-кредитной сфере, наиболее часто встречающиеся в судебной практике. Уделено внимание проблемам отграничения составов преступлений с учётом формы мошенничества и иных обстоятельств. Обоснована необходимость систематизации информации именно о мошенничестве в банковско-кредитной сфере, его формах, с целью повышения раскрываемости данной категории преступлений.

Ключевые слова: мошенничество, банковско-кредитная сфера, клиент банка, банковский работник, способы мошенничества.

Мошенничество в банковско-кредитной сфере является одним из острых вопросов не только во всём мире, но в России.

При том, что в нашей стране наблюдается снижение общего количества преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ, ежегодно увеличивается количество преступлений, предусмотренных ст. 159.1 УК РФ.

К примеру, по данным ГУ МВД России по Челябинской области в 2020 году количество преступлений в банковско-кредитной сфере возросло на 33,9% в сравнении с 2019 годом [4].

Характерной чертой мошеннических действий в банковско-кредитной сфере является динамичное развитие способов их совершения. В частности, использование информационных технологий стало довольно частым явлением при совершении обозначенных преступлений. На наш взгляд, именно этим фактором можно объяснить низкую раскрываемость данного рода преступлений [2].

На наш взгляд, низкая раскрываемость мошеннических действий в банковско-кредитной сфере связана, в большей степени, с отсутствием чёткой методики у органов предварительного следствия, содержащей исчерпывающую информацию о формах такого рода мошенничества, способах её совершения, а также порядке расследования именно этой категории преступлений.

Анализируя судебную практику по привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в банковско-кредитной сфере, мы пришли к выводу о том, что субъектами этих противоправных деяний являются либо банковские служащие (финансовые консультанты, эксперты, кредитные консультанты и т.д.), либо физические лица — клиенты банка.

Соответственно, форма мошенничества, в зависимости от субъекта преступления, различается.

Форма мошенничества банковского служащего характеризуется совершением хищения денежных средств потенциального кредитруемого лица. Как правило, банковский служащий, в силу наличия у него доступа к пер-

сональным данным клиентов банков, при изъявлении последнего получить кредит в банке, намеренно вводит в заблуждение об отказе в получении кредита. А далее оформляет этот кредит, совершая хищение денежных средств у банка, в котором работает.

Из корыстных побуждений, осуществляя преступные действия, служащий банка совершает преступление, предусмотренное ст. 159 УК РФ.

Ключевую роль, в данном случае, играет установление способа совершения преступления. В обозначенной выше ситуации особенностью способа преступления является наличие трёх этапов: подготовка, совершение и сокрытие похищенного имущества [3].

Указанное выше находит подтверждение в судебной практике. Примером является преступление, совершённое финансовым экспертом ПАО «Почта Банк» (см. Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области № 1-292/2019 от 20 августа 2019 г. по делу № 1-292/2019).

При совершении преступления финансовый эксперт ПАО «Почта Банк» Тутикова К. Ю. в рамках подготовки к преступлению приняла и оформила заявку на кредит от гражданина Ш. Е. В. Банк одобрил данную заявку, но Тутикова К. Ю. сообщила Ш. Е. В. об отказе в выдаче кредита.

Далее Тутикова подготовила и подписала от имени ПАО «Почта Банк» и от Ш. Е. В. документы на выдачу банком на его имя кредита, которые в последующем получила. То есть совершила хищение.

В последующем Тутикова воспользовалась похищенными средствами по своему усмотрению (потратила на собственные нужды). Таким образом, способ преступления содержит в себе все три обозначенных этапа.

При совершении мошенничества в банковско-кредитной сфере клиентами (или потенциальными клиентами) банка, как правило, речь идёт об использовании подложных либо поддельных документов как способе совершения данных преступлений.

В этом случае мошенник вводит в заблуждение сотрудников банка относительно личности заявителя на полу-

чение кредита, его имущественного положения, цели получения кредита и т. д.

Зачастую такого рода преступления совершаются группой лиц по предварительному сговору.

Как обоснованно указывает в своей статье А. Е. Калиоропуло, успешность применения такой формы мошенничества связана с рядом причин, к которым, в частности, относятся [1]:

— ограниченность доступа работников банка к возможности проверки подлинности документов, предоставляемых заёмщиком;

— жёсткая конкуренция банков в кредитной сфере, влияющая на закрытость информации о недобросовестных заёмщиках;

— внутренняя политика банка, направленная на высокие показатели эффективности деятельности кредитных консультантов и т. д.

Литература:

1. Калиоропуло, А. Е. К вопросу о юридических и практических аспектах мошенничества в финансово-кредитной сфере // Энигма. — 2019. — № 8-1. — с. 229-235.
2. Скребцова, Т. В., Гришанова, С. В. Финансовые мошенничества в банковской сфере // Экономический журнал. — 2020. — № 3. — с. 47-55.
3. Щетинина, Н. В., Кокорин, Д. Л. Особенности квалификации мошенничества в сфере кредитования // Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2018. — № 1. — с. 191-196.
4. Информационно-аналитическая записка об итогах работы ГУ МВД России по Челябинской области по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на территории Челябинской области в 2020 году [Электронный ресурс]: сайт ГУ МВД России по Челябинской области — <https://74.mvd.rf/>.

Расследование мошенничества в сфере кредитования

Петренко Татьяна Анатольевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ястребова Татьяна Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются следственные ситуации при расследовании мошенничества в сфере кредитования. Акцентировано внимание на причину совершения преступлений в сфере кредитования.

Ключевые слова: *мошенничество, обыск, кредитные организации, следственные ситуации.*

Современные реалии характеризуются динамичными изменениями в экономике разных стран, при этом такие изменения не всегда можно признать позитивными. Именно из-за кризиса экономики в нашей стране так активно стала развиваться сфера кредитования банков, привлекая к возмездным займам не только представителей бизнес-структур, но и простых граждан.

В свою очередь, упрощение получения кредита, породило рост преступности в данной сфере. Речь идёт о специальном виде мошенничества в сфере кредитования, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ.

Ярким примером реализации упомянутой выше формы мошенничества в банковско-кредитной сфере является преступление, совершённое группой лиц (см. Приговор Центрального районного суда г. Челябинск № 1-59/20201-632/2019 от 17 февраля 2020 г. по делу № 1-59/2020). В данном случае группа лиц, используя подложные документы, совершила хищение денежных средств ПАО «Первобанк».

Анализируя материалы по данному уголовному делу, представляется, что именно отсутствие должной внимательности руководства банка, а также специалистов кредитного отдела, повлияло на успешность реализации преступного умысла.

Итак, рассмотрев способы мошенничества в кредитно-банковской сфере, мы можем сделать вывод о необходимости на сегодняшний день систематизации форм и способов совершения данных преступлений, а также разработки методики их расследования.

В начале расследования выдвигается типичная версия: основанная на сведениях, полученных от заявителя о произошедшем преступлении.

Частная версия выдвигается следователем в отношении преступной мошеннической группы, действий по сокрытию следов и т. д.

Начальный этап зависит от исходных данных о совершённом преступлении, можно выделить несколько ситуаций, взяв в основу данные о личности преступника.

1. Мошенник задержан после совершения мошеннических действий или в момент их совершения. В такой си-

туации проводится личный обыск, допрос, осмотр места происшествия.

Целесообразно задержать преступника с поличным, но возможно это при наличии заявления и показаний потерпевших при условии, что преступник систематически совершает подобные преступления. Еще одна возможность задержать преступника с поличным — это возбужденное уголовное дела на основании оперативно-розыскных мероприятий.

Если задержание происходит в отделении банка, необходимо изъять кредитную карту, кредитный договор, получить объяснения от сотрудников банковской организации, собрать вещественные доказательства.

Далее после возбуждения уголовного дела проводятся допросы: задержанного, сотрудников банка, службы безопасности банка — лиц, непосредственно осуществлявших задержание подозреваемого.

После вышеуказанных действий необходимо провести обыск по месту жительства подозреваемого, в ходе обыска могут быть найдены документы, кредитные карточки, указывающие на продолжительную преступную деятельность подозреваемого.

Исходя из изложенной ситуации, возможно проведение опознания сотрудниками банка, а также назначение почерковедческой экспертизы.

Самым основным после проведения всех следственных и процессуальных действия, считаю, является выявление имущества и наложение ареста на имущество подозреваемого в целях возмещения причиненного материального ущерба потерпевшим.

Личность мошенника установлена, но он скрывается. В этой следственной ситуации главная задача — розыск преступника. В целях поимки преступника проводятся оперативно-розыскные мероприятия, изучается личность

преступника и возможное место пребывания. Также проводится допрос потерпевшего, свидетелей, осмотр места преступления (при наличии такого), сбор вещественных доказательств.

Личность мошенника известна, но совершая преступления в сфере кредитования, его действия скрыты под видом законных сделок. В таких случаях необходимо изучение законодательства, регулирующего подобные операции. Кроме этого, стоит изучить личность преступника на наличие профессиональных навыков, применимых в сфере кредитования, для установления, каким образом действует преступник: с соучастниками либо один.

Подводя итоги рассмотренных следственных ситуаций, можно сделать вывод о том, что формы мошенничества и его способы трансформируются. Огромное количество кредитных организаций вносит вклад в развитие криминальной обстановки. Особенно это касается так называемой помощи будущему заемщику, имеющему негативную кредитную историю, в получении поддельных справок о доходах с места работы, подтверждении указанной в заявке на кредит заработной платы или должности, обеспечении поручителями, если по условиям банка необходимо их наличие. Зачастую мошенники уговаривают потенциального заемщика оформить кредит на свое имя с последующей передачей денежных средств третьим лицам. Арсенал методов убеждения весьма широк: от красноречивых аргументов о необходимости этого до обмана или введения в заблуждение и различных гарантий. Все это требует усиленной работы полиции в части выявления подобных фактов деятельности указанных организаций, раскрытия и расследования уголовных дел, возбужденных по факту совершения мошенничеств в сфере кредитования [2].

Литература:

1. Пойманова, Л. А. Мошенничество в банковской сфере: понятие, признаки, виды // Сибирский юридический вестник. — 2018. — № 2. — с. 84-89.
2. Кузьменко, Е. С. // Расследование мошенничества в сфере кредитования — нюансы доказывания и некоторые следственные ситуации// Вестник Нижегородской академии МВД России, — 2016, — № 2 — с. 34
3. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]: Сайт Судебного департамента Верховного суда РФ: <http://www.cdep.ru/>.

Криминалистическая характеристика личности мошенника, являющегося представителем кредитной организации и осуществляющего выдачу кредитов

Петренко Татьяна Анатольевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Ястребова Татьяна Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются криминалистическая характеристика личности мошенника, являющегося представителем кредитной организации и осуществляющего выдачу кредита. Рассматриваются виды соучастия и участия в них сотрудников банковских организаций.

Ключевые слова: мошенничество, банковско-кредитная сфера, сотрудник банка.

Большее половины мошенничеств в сфере кредитования осуществляется одиночками (52%). В качестве обвиняемых по исследуемой статье привлекаются работники финансовой организации (19%), обычные граждане ранее оформлявшие кредитные договора (18%), встречаются и лица, впервые оформляющие кредит (14%) [1, с. 52].

Приступая к раскрытию или расследованию мошенничества в сфере кредитования, необходимо понимать, что это преступление, которое, как правило, совершается организованной преступной группой (почти 19%) или группой лиц по предварительному сговору (почти 30%). Реализовать преступный умысел в одиночку очень трудно, поэтому приступая к сбору доказательственной информации, необходимо смотреть шире и собирать любые сведения, даже кажущиеся на первый взгляд малозначимыми. Только комплексная проверка факта мошенничества, сбор информации о заемщике, опрос свидетелей и изучение должностных инструкций, внутренних уставов и прочей специальной документации кредитных организаций позволят понять, в чьих действиях были допущены нарушения и какую ответственность понесет каждый из участников преступления [2, с. 22].

Организаторы мошенничества в сфере кредитования — это лица, хорошо осведомленные о «порядке и условиях выдачи кредитов и кредитных карт; о тонкостях работы программного обеспечения, которое осуществляет защиту банка или кредитной организации и их подразделений от преступных посягательств; имеют дружеские связи с работниками банка, которые имеют доступ к выдаче кредитов» [3, с. 119] и т. п. «Изучение личности мошенников свидетельствует об их высоком профессионализме, узкой специализации, достаточно широком кругозоре, правовых знаниях» [4, с. 250].

Организаторы в большинстве случаев остаются незамеченными. Мошенничество в сфере кредитования одиночкой в основном совершается путем предоставления банку и кредитору недостоверных сведений.

Один из видов соучастия — мошенник — исполнитель преступного умысла, заранее спланированного организатором, член преступной группы. Основные действия, направленные на достижение преступного умысла, выполняет исполнитель. Если исполнитель не выполнит своей

роли, преступление не будет совершено. «Основой общей ответственности соучастников является единство действий всех соучастующих в преступлении лиц. Стержень этого единства — исполнитель. И если его нет, то соучастие рассыпается как карточный домик» [5, с. 98].

Мошенники из числа сотрудников банка или кредитной организации это чаще всего люди с высшим образованием, в возрасте от 36-45 лет, работающие в сфере кредитования.

Лицо, работающее в банке или кредитной организации в нарушение российского законодательства и внутренних локальных актов банков, совершают противоправные действия, а именно:

— совершают преступные действия от имени другого лица, а именно заемщика (подают заявку на одобрение кредита, передают денежные средства, либо кредитную карту, оформленную по заведомо поддельным документам) получая за перечисленные действия денежное вознаграждение;

— совершают эти преступления в качестве пособника, для получения одобрения выдачи кредита сотрудник вносит изменения в данные о заемщике, а также не берет во внимание на его состояние, небрежный вид и т. д.

Еще один вид соучастия — мошенник — пособник, это лицо которое разнообразными образами помогает воплотить задуманный преступный умысел. В ходе изучения особенностей данного рода субъектов, осуществляющих помощь в достижении преступного умысла, установлен их высокий уровень профессионализма и подготовки, а также узкой специализации в их деятельности, обладающими экономическими (знания в экономике, бухгалтерии, компьютерные), техническими (изготовление поддельных документов и предметов), правовыми знаниями и имеют широкий кругозор.

«Пособничество может быть выражено как в форме действия, так и в форме бездействия (выражающегося, например, в невыполнении лицом возложенной на него обязанности по пресечению преступного посягательства исполнителя» [6, с. 147], например: подчиненный сотрудник банка по просьбе своего руководителя одобряет выдачу кредита лицу, представленные сведения которого не соответствуют требованиям банка к клиенту.

Чаще всего деятельность таких субъектов сложно выявить. Однако это не означает, что они всегда остаются незамеченными. На соучастие нам могут указать визитки этих лиц (к примеру, объявление «все виды печатных работ»), детализация вызовов с последующим установлением сферы деятельности лиц, показания свидетелей, документы, изъятые при обыске в жилище или на работе подозреваемого в соучастии лица.

При исследовании судебно-следственной практики по мошенничествам в сфере кредитования виды пособ-

ников нами были выделены на: лиц, выполняющих определенную организатором для них роль, и с использованием служебного положения.

Итак, рассмотрев личность мошенника являющегося сотрудником банка, можно сделать вывод о необходимости осуществления службой безопасности банка на местах контроля над сотрудниками банка вне зависимости от суммы кредита, а также разработки методики их расследования.

Литература:

1. Виноградова, К. А. Расследование мошенничества в сфере кредитования. Дисс... канд. юрид. наук/К. А. Виноградова. М., 2018. 240 с.
2. Ледяев, А. П. Способы мошенничества, совершаемого организованными группами/А. П. Ледяев // Безопасность бизнеса. 2012. № 4. с. 21-24.
3. Виноградова, К. А. Криминалистическая характеристика личности организатора мошенничеств в сфере кредитования/К. А. Виноградова // Закон и право. 2017. № 6. с. 117-121.
4. Григорян, А. А. Личность мошенника как элемент криминалистической характеристики преступления/А. А. Григорян // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. с. 248-254.
5. Ковалев, М. И. Соучастие в преступлении. ч. 1. Понятие соучастия/М. И. Ковалев. Свердловск: УрГЮА, 1960. 340 с.
6. Уголовное право России. Общая часть: учеб. пособие/отв. ред. А. А. Гребеньков. Курск: Юго — Зап. гос. ун — т., 2013. 468 с.

Противодействие домашнему насилию уголовно-правовыми средствами

Петров Александр Александрович, студент;

Пенькова Алина Владимировна, студент

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва)

В статье представлено актуальное состояние уровня домашнего насилия в Российской Федерации. Были сделаны выводы о серьезном росте количества случаев домашнего насилия в период введения ограничительных мер, связанных с пандемией новой коронавирусной инфекции. Рассмотрены нормы уголовного законодательства, закрепляющие уголовно-правовую охрану семьи. Анализ законодательства и доктрины уголовного права позволяет сделать вывод о необходимости проработки нормативно-правового регулирования уголовной ответственности за преступления против семьи. Предложено опубликование Верховным Судом РФ соответствующих разъяснений для единообразного применения судами норм уголовного законодательства при привлечении лиц к уголовной ответственности за применения насилия в отношении членов своей семьи.

Ключевые слова: домашнее насилие, уголовная ответственность, близкие лица, семья, внутрисемейное насилие.

Семья на сегодняшний день является ключевым и одним из самых законодательно охраняемых институтов общества. Однако не все законодательные нормы, регулирующие защиту института семьи в современных реалиях, являются эффективными. Это приводит к тому, что большое количество граждан, в том числе и несовершеннолетних, становятся жертвами насилия со сторон других членов семьи. Еще хуже то, что в большинстве случаев они практически остаются беспомощными в такой ситуации, поскольку они не могут самостоятельно защитить себя, а правовые инструменты не всегда помогают им защититься от насилия со стороны близких людей.

В Уголовном кодексе РФ выделена отдельная глава — 20, которая закрепляет уголовно-правовую охрану семьи. Но при всей важности данного института его защите посвящены лишь 4 статьи. К ним относятся: ст. 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)», ст. 155 УК РФ «Разглашение тайны усыновления (удочерения)», ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего», ст. 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» [1].

С другой стороны, если рассматривать ребенка с позиции несовершеннолетнего члена семьи, то в 20 главе есть нормы, относящиеся к защите несовершеннолетних.

Можно сказать о том, что защита несовершеннолетних тоже касается данной темы. Перечисленные статьи являются действительно важными, однако на сегодняшний день нельзя сказать о том, что они в полной мере обеспечивают уголовно-правовую защиту института семьи.

Для совершенствования эффективности уголовно-правовой охраны и защиты семьи, а также недопущения дальнейшей распространенности домашнего насилия законодателю можно дать следующие рекомендации. Так, по нашему мнению, является необходимым внесение поправок в некоторые нормы УК РФ. В частности, изменения должны коснуться именно тех норм, которые устанавливают уголовный вид ответственности за посягательства на жизнь и здоровье человека. Важность данных изменений также определена тем, что домашнее («семейное») насилие может привести к куда более тяжким последствиям, чем обычное насилие. К тому же данный вид насилия характеризуется повышенной общественной опасностью.

При этом на сегодняшний день, к сожалению, насилие внутри семьи встречается все чаще. Можно сказать о том, что увеличение таких преступлений также связано с ограничительными мерами, введенными на территории всех субъектов РФ из-за распространения новой коронавирусной инфекции. Из-за данных ограничений больше количество людей неделями и даже месяцами практически не выходили из своих домов или квартир, что привело к конфликтам внутри семей. Повышение уровня «домашнего насилия» в период пандемии новой коронавирусной инфекции подтверждается статистическими данными. Так, 5 мая 2020 года уполномоченный по правам человека Татьяна Москалькова отметила, что «количество обращений о домашнем насилии, по данным некоторых НКО, выросло в период пандемии в 2,5 раза» [6]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что современное состояние уголовно-правовой охраны семьи находится на посредственном уровне, поскольку число такого рода преступлений не только не снижается, но и увеличивается в разы, что является недопустимым. В связи с этим государство должно принимать меры по совершенствованию уголовно-правовых средств для уменьшения количества бытовых и внутрисемейных преступлений.

До февраля 2017 года действовали нормы, которые действительно основной своей целью имели обеспечение высокого уровня охраны семьи. Так, в редакции УК действующей до изменений внесенных Федеральным законом от 07.02.2017 № 8-ФЗ в ст. 116 УК РФ указывал, что нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 настоящего Кодекса, в отношении близких лиц, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [2]. Из этого

следует, что государство, внося данные поправки в уголовный закон, намеревалось обеспечить указанным лицам (близким лицам) повышенный уровень уголовно-правовой защиты от преступлений, совершенных членами их семьи. Так, в целях данной статьи под близкими лицами понимались близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки) опекуны, попечители, и другие лица [3].

Рассматривая предыдущую редакцию и нынешнее состояние «домашнего насилия» можно сделать обоснованный вывод о том, что законодателю нужно было оставить в действующей редакции УК РФ такой квалифицирующий признак как совершение соответствующего преступления в отношении близких лиц. Это позволило бы избежать новых «всплесков» внутрисемейного насилия.

В рамках данного вопроса эффективным и рациональным видится внесение поправок в нормы об ответственности за совершение преступлений против личности, которые раскрывает глава 16 УК. Так как совершение насилия в отношении близких лиц посягает не только на жизнь человека, но и непосредственно на отношения внутри семьи, наиболее усовершенствованная уголовно-правовая защита тут несомненно является необходимой.

Кроме этого, на наш взгляд, целесообразным является внесение поправок в статью 63 УК РФ. В частности, необходимо закрепить такоеотягчающее обстоятельство как «применение насилия в отношении близких лиц при совершении преступления» [4]. Это позволит законодателю упростить свою деятельность тем, что в таком случае не будет необходимости вносить предложенные нами ранее изменения в большое количество норм УК РФ по отдельности.

Помимо этого, можно также выделить формы насилия, применяемого в отношении членов семьи: физическое, психологическое, сексуальное, экономическое. В зависимости от формы внутрисемейного насилия законодатель может установить дифференцированные последствия для преступника.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что на сегодняшний день существует проблема того, что уголовное законодательство не защищает в должной мере институт семьи, что приводит к тому, что случаи «домашнего насилия» с каждым днем происходят все чаще.

Также стоит отметить, что необходимо ужесточить ответственность должностных лиц, которые отказывают в возбуждении уголовного дела в силу того, что «жертвы домашнего насилия» часто обращаются в правоохранительные органы с заявлением на других членов своей семьи или своих сожителей.

Решить проблему распространенности домашнего насилия предложил ВС РФ. Так, ВС РФ в апреле 2021 года предложил защитить жертв домашнего насилия отменой частного обвинения в судах.

Как отмечается в пояснении к законопроекту, часто три следующие статьи — ч. 1 ст. 115 УК РФ, ст. 116.1 УК РФ, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, являются итогом совершения человеком насилия в отношении членов семьи. Все они законом отнесены к делам частного обвинения, то есть, по данным делам гражданин может обратиться в суд самостоятельно, не обращаясь в правоохранительные органы. На практике такое происходит довольно часто, так как граждане считают, что при обращении в полицию дело затянется на долгий срок. Однако в небольшом количестве случаев по такой форме обращения кого-либо привлекают к уголовной ответственности.

Таким образом, мы видим, что высший судебный орган также понимает и признает проблему домашнего насилия в Российской Федерации. В связи с этим предлагается закрепить в УПК РФ положения о том, что по перечисленным статьям обязательно должно осуществляться предварительное дознание полиции. В таком случае основное бремя доказывания ляжет на правоохранительные органы в ходе обязательного предварительного расследования, в судах останутся только государственные обвинители (прокуроры), а решение о прекращении таких уголовных дел в связи с примирением сторон будет приниматься судом не безусловно, а с учетом всех обстоятельств дела и сведений об обвиняемом [7]. Мы можем сделать прогноз о том, что в случае принятия законодательной инициативы ВС РФ повысится эффективность защиты граждан от домашнего и бытового насилия. При этом «жертвам» домашнего насилия будет легче защитить свои права посредством повышения роли государства в данной сфере. Также это облегчит порядок судопроизводства, а следовательно, и время привлечения виновного к уголовной ответственности, поскольку в суды перестанут поступать дела, по которым отсутствует предварительное подтверждение наличия события и состава преступления.

Также необходимо рассмотреть пример из судебной практики, а именно Постановление Конституционного Суда Российской Федерации. Так, Конституционный суд изучил вопрос конституционности статьи 116.1 Уголовного Кодекса РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию». Суть дела заключается в том, что в отношении девушки постоянно применялось насилие — ее брат наносил ей побои. При этом за совершение данных правонарушений действий его 3 раза привлекали к административной ответственности — 1 раз в год

с 2018 по 2020 год. Потерпевшая сторона неоднократно пыталась доказать суду, что в данном случае необходимо переqualифицировать деяния на уголовную статью, однако суды отказывали в этом. Тогда потерпевшая направилась в Конституционный суд. Статья 116.1 УК Российской Федерации не подразумевает наступление уголовной ответственности за побои или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, для лиц, которые не подвергались административному наказанию, но при этом ранее совершали преступления, предусмотренные как статьей 116.1, так и статьями 116, 117 и 334 УК РФ. КС РФ указал, что из-за этого усиливаются предпосылки к нарушению принципов равенства и справедливости в отношении как виновных, так и потерпевших и снижается предполагаемый эффект от введения в правовое регулирование специального состава побоев, причиненных лицом, подвергнутым административному наказанию. Подобные нарушения прав человека не могли остаться незамеченными судьями Конституционного суда. В связи с этим КС РФ было принято решение объявить статью 116.1 не соответствующей Конституции [8].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что проблема недостаточной уголовно-правовой защиты института семьи и распространения случаев домашнего насилия действительно существует на сегодняшний день, что признает и ВС РФ. Так, законодателю необходимо проработать нормативно-правовое регулирование уголовной ответственности за преступления против семьи. Принятие предложенных нами путей решения данной проблемы также является необходимым для того, чтобы обезопасить граждан и защитить институт семьи.

Кроме этого, хочется отметить, что необходимо совершенствовать также подходы судов к рассмотрению дел о домашнем насилии, поскольку на сегодняшний день судебная практика по данным делам является довольно противоречивой. В связи с этим было бы целесообразным опубликовать ВС РФ соответствующих разъяснений для единообразного применения судами норм уголовного законодательства при привлечении лиц к уголовной ответственности за применения насилия в отношении членов своей семьи.

Также меры по борьбе с внутрисемейным насилием должны затрагивать все сферы жизни граждан для того, чтобы противодействие такому насилию осуществлялось наиболее эффективно [5].

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954;
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.07.2016) // Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954;
3. Зобов Владимир Андреевич Защита института семьи в контексте уголовно-правовой охраны жизни и здоровья // Отечественная юриспруденция. 2017. № 5 (19);

4. Пухова, К. С. Домашнее насилие: уголовно-правовой и криминологический аспект/К. С. Пухова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 18 (204). — с. 263-266;
5. Фатеев Александр Николаевич Социально-правовые и криминологические аспекты борьбы с домашним насилием // ЮП. 2011. № 4;
6. Издание РИА Новости. «В России отмечен рост домашнего насилия с 10 апреля в 2,5 раза» [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20200505/1570971794.html>;
7. Информация, размещенная на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://www.vsrfl.ru/press_center/mass_media/29837;
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400464561>.

Производство в суде апелляционной инстанции на современном этапе

Потапов Андрей Александрович, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Производство в суде апелляционной инстанции является одной из важнейших функций уголовного судопроизводства. В современном мире обжалование судебных решений: осуществляет гарантию недопущения несоответствий в выводах судов, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции; способствует устранению нарушений уголовно-процессуального закона и неправильного применения уголовного закона; обеспечивает справедливость приговора; а также учитывает новые обстоятельства с целью реализации права на справедливое судебное разбирательство. Особое внимание в данной статье уделено ключевым изменениям, связанных с выделением предмета судебного разбирательства в судах апелляционной инстанции, недавним изменениям, вступившие в силу с октября 2019 г., определяются причины, влияющие на загруженность судов апелляционной инстанции.

Ключевые слова: апелляционная инстанция, апелляционный порядок, судебная система, апелляционная жалоба, апелляционное производство, судебная ошибка, судебное разбирательство.

В связи с принятием Федерального закона № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г. [1] порядок апелляционного пересмотра судебных решений перестал осуществляться только относительно решений мировых судей. Тогда до вступления решений в юридическую силу действовало две формы пересмотра решений: кассация и апелляция, более того апелляционный порядок осуществлялся для решений, принимаемых мировыми судьями по уголовным делам, наказание по которым не могло превышать трех лет лишения свободы. Итогом данного регламента являлось то, что процедура апелляции применялась по делам небольшой степени тяжести, а процедура кассации использовалась в случае разбора дел средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений. Процедура обжалования ограничивалась только стадией кассации, что не является справедливым, так как в отличие от апелляции суд кассации не рассматривает новых доказательств, его функцией является не пересмотр решения, а лишь проверка его законности, а одной из важнейших причин существования института обжалования — это устранение допущенных нижестоящим судом судебных ошибок.

С момента появления УПК РФ до внесения Федеральным законом от 01.07.2021 года № 281-ФЗ последних

изменений, производство в апелляционной и кассационной инстанциях подверглось огромному числу изменений, разбирая в данной статье производство в апелляционном порядке, отметим следующие положения:

1. До 1 января 2013 года апелляция осуществлялась только для обжалования не вступивших в законную силу приговоров и постановлений, вынесенных мировыми судьями. В качестве апелляционной инстанции выступали лишь районные суды, рассматривающие дела в составе 1-го федерального судьи единолично.

На основании Федерального закона от 29.12.2010 № 433-ФЗ после 1 января 2013 года статьей 389.3 УПК РФ апелляция водится как суд 2-й инстанции для обжалования всех не вступивших в законную силу приговоров и других судебных решений по уголовным делам, вынесенных судами 1-й инстанции.

В районном суде, как и раньше, апелляционные жалобы и представления рассматриваются судьей районного суда единолично. В вышестоящих судах — судом в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции.

Благодаря вышесказанному преобразовался предмет судебного разбирательства в апелляционном порядке, был дополнен перечень судебных решений, с возможностью подачи апелляционной жалобы, увеличился и пере-

чень принимаемых решений судом апелляционной инстанции, следующими пунктами:

— об отмене обвинительного приговора и о вынесении обвинительного приговора;

— об отмене приговора, определения, постановления суда первой инстанции и о передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции со стадии подготовки к судебному заседанию или судебного разбирательства;

— об отмене определения или постановления и о вынесении обвинительного или оправдательного приговора либо иного судебного решения;

— об отмене оправдательного приговора и о вынесении оправдательного приговора;

— об отмене приговора, определения, постановления и о возвращении дела прокурору;

— о прекращении апелляционного производства.

2. Статьей 389.1 УПК РФ введенной Федеральным законом от 29.12.2010 № 433-ФЗ был увеличен круг лиц, имеющих право обращаться в суды второй инстанции.

3. На основании Федерального закона от 29.12.2010 № 433-ФЗ после 1 января 2013 года ч. 2 ст. 389.20 УПК РФ было регламентировано, право апелляционного суда выносить решения в виде приговоров, определений и постановлений, когда же до 2013 года ч. 4 ст. 367 УПК РФ устанавливала допустимость о решениях исключительно в виде определений и постановлений.

Остальные же виды решений претерпели изменения с учетом расширения предмета судебного разбирательства.

Как отмечено А. А. Романовой действующий апелляционный порядок пересмотра судебных решений затрагивает все без исключения решения суда первой инстанции. Наравне с указанными решениями и в их числе находятся приговоры суда, постановленные на основании вердикта коллегии присяжных заседателей [6].

Несмотря на то, что апелляционное производство за последнее десятилетие подверглось значительному количеству правовых реформ в содержании положений, суть сохранилась неизменной: основная задача вышеуказанной инстанции — устранение судебных ошибок, снижение коррупционных рисков и закрепление независимости судебной системы. Вдобавок необходимо отметить, что 1 октября 2019 года вступили в силу поправки, направленные на реформирование судоустройства (Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ) [2] и судопроизводства (Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ) [4]. Вследствие чего, в системе судов общей юрисдикции появились пять апелляционных и девять кассационных судов, а также один апелляционный военный суд и один кассационный военный суд. Окружные апелляционные и кассационные суды будут сформированы по экстерриториальному принципу, что позволит исключить возможность влияния со стороны региональных властей и повысить уровень доверия народа к судебной власти [5].

В России на данный момент существует пять действующих апелляционных судов общей юрисдикции, в их число входят судебные коллегии и президиум — по административным, гражданским и уголовным делам. Суды апелляционной инстанции, базируются на апелляционных жалобах исключительно на решения областных и равных им судов, принятых в качестве суда первой инстанции.

Следует согласиться с мнением А. А. Рукавишниковой, что на практике не во всех случаях возникает возможность гарантировать всестороннюю проверку судебных решений имея только пять апелляционных судов общей юрисдикции [7].

Стоит отметить, что введение новшеств в нормативно-правовое регулирование апелляционных судов России, имеет как преимущества, так и недостатки. С увеличением количества апелляционных судов возникает проблема дефицита квалифицированных кадров, а также возрастают затраты на содержание всей судебной системы, что негативно сказывается на состоянии бюджета Российской Федерации. А распределение на новые места судей, с иной квалификацией допускает риск судебных ошибок, что способствует снижению качества правосудия.

Вообще вопрос о производстве в судах апелляционной инстанции в современной России является дискуссионным. С одной стороны, апелляционная инстанция снижает вероятность судебной ошибки, является гарантом законности, снижает коррупцию в органах судебной власти, а так же дает возможность рассмотреть дело с особым вниманием ко всем его частям. С другой стороны, в апелляционных судах также присутствует вероятность судебной ошибки или совершения новой, а поскольку количество удовлетворенных апелляционными судами жалоб и представлений невелик, что также из-за человеческого фактора способствует недостаточной проверке ранее вынесенных решений. К примеру, в 2018 году в отчете о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке из 336191 рассмотренных жалоб и представлений было вынесено 128335 обвинительных заключений, когда только 1648 обращений имели оправдательный характер. В 2019 году из 341471 рассмотренных жалоб и представлений: 128335 обвинительных, 1757 оправдательных. В 2020 году из 321981 рассмотренных жалоб и представлений: 106853 обвинительных, 1568 оправдательных. То есть процент оправдательных решений в апелляционном производстве невысок.

В любом случае невысокий процент вынесенных оправдательных приговоров на стадии апелляционного производства не может свидетельствовать об эффективности или неэффективности работы апелляционной инстанции, но одно можно выделить точно: объём поступающих жалоб и представлений в суды апелляционной инстанции довольно высок. Зачастую одна из сторон или даже обе не согласны с ранее вынесенным по делу решением, что может быть обусловлено различными факторами, например, отсутствием объективности, сомнению

Таблица 1. Движение уголовных дел в апелляционной инстанции

Рассмотрены апелляционные уголовные дела (по числу лиц)	Всего	На приговоры:		На определения и постановления судов первой инстанции	
		обвинительные	оправдательные	о прекращении дел	иное
Всего рассмотрено жалоб и представлений за 2018 год	336 191	128 335	1 648	2 476	203 732
Всего рассмотрено жалоб и представлений за 2019 год	341 471	122 822	1 757	2 694	214 198
Всего рассмотрено жалоб и представлений за 2020 год	321 981	106 853	1 568	2 906	210 654

Источник: составлено автором по данным [3].

по отношению к авторитету судьи, юридической неграмотностью и т.д. Всего за 2020 год по первой инстанции по всем судам общей юрисдикции поступило 778110 уголовных дел, из них по 321981 была подана апелляционная жалоба, то есть в 41,8% случаев [3].

Что довольно много, можно сказать по каждому второму уголовному делу подается апелляционная жалоба или представление, это довольно высокий показатель, который свидетельствует о недоверии к работе судов первой инстанции. Также данный показатель может свидетельствовать о том что: предоставление права на обжалование в вышестоящий суд лицам, участвующим в деле побуждает стороны, порой, даже в случаях малейшего несогласия с принятым по делу решением воспользоваться правом на обжалование, подавая необоснованные апелляционные жалобы. Предоставление права не всегда бывает использовано, как задумывалось изначально законодателем, и иногда происходит, что лицо, в отношении которого ранее был вынесен приговор суда первой инстанции, подавая апелляционную жалобу, надеется на удачу, возможно в виде новой судебной ошибки, которая повлечет смягчение ранее вынесенного приговора.

В любом случае введение, каких-либо ограничений на обжалование судебного решения не представляется возможным, так как вышеуказанное действие отступает от действия принципа справедливости, а также способствует росту недоверия граждан к судебной системе. Вторая инстанция поистине важна и необходима, так как не только делает возможным устранить судебные ошибки, допущенные в судах первой инстанции, но и сама по себе служит гарантом защищенности населения от неправомочных действий. Также немаловажно иметь доверительное отношение с населением и работа над этим должна происходить, как на уровне законодательном (создание четко регламентированной, фиксируемой (ст. 389.34 УПК РФ), открытой процедуры судебного разбирательства), так и на уровне судов (например, орга-

низация работы с населением, приём обращения граждан, развитие правового воспитания у школьников, студентов, военнослужащих воинских частей, участие судей в различных конференциях и круглых столах). Всё вышеуказанное способствует созданию положительного образа судебной системы и судей в представлении граждан и военнослужащих, решения судей не подвергаются сомнениям, они считаются окончательными и безоговорочными. Частично результаты проделанной работы можно наблюдать в частичном снижении за последние три года количества поданных апелляционных жалоб и представлений, что способствует снижению нагрузки на апелляционные суды, вследствие чего качество работы последних увеличивается.

Необходимость апелляционной инстанции в современной судебной системе является однозначной, хотя достижение высокого доверия со стороны населения, безукоризненной веры граждан судебным решениям, бесспорного авторитета судьи для каждого, возможно снизит движение уголовных дел в апелляционной и кассационных инстанциях. Производство в судах второй инстанции продиктовано обществом, а полное прекращение их работы не представляется возможным, ведь отмена человеческого фактора в уголовном процессе нереальна.

Институт апелляции имеет богатую историю становления в России, однако тот этап, на котором данный институт находится сейчас, далеко не заключительный, поскольку имеется ряд проблем, требующих незамедлительного решения. В среднем в суды апелляционной и кассационной инстанций ежегодно поступает около 400000 уголовных дел и на протяжении уже нескольких лет приблизительно 85% этих дел рассматриваются в апелляционном порядке, противоположной же ситуация была в прошлом десятилетии, когда львиная доля уголовных дел находилась в производстве судов кассационных. На наш взгляд, усреднение этих показателей является верным решением на сегодняшний день.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» от 29.12.2010 N 433-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]/СПС «Консультант Плюс» — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108805/ (дата обращения: 29.10.2021).
2. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 N 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» [Электронный ресурс]/СПС «Консультант Плюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303437/ (дата обращения: 29.10.2021).
3. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]/Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации — Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 29.10.2021).
4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.11.2018 N 451-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]/СПС «Консультант Плюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312093/ (дата обращения: 29.10.2021).
5. Коршунов, Ю. А. Институт апелляционных судов в России и зарубежный опыт деятельности Апелляционных судов // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 2А. с. 244-254.
6. Романова, А. А. Пересмотр в суде апелляционной инстанции приговора, постановленного на основании вердикта коллегии присяжных заседателей // Трибуна молодого ученого. 2015. УДК 343.1. с. 274-281.
7. Рукавишникова, А. А. Возможные перспективы развития системы обжалования и проверки судебных решений в уголовном процессе при реализации проекта федерального конституционного закона «о внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Уголовная юстиция. 2018. № 11. с. 103-107.

Проблемы финансирования процедуры несостоятельности (банкротства) гражданина

Пушкарев Игорь Петрович, кандидат юридических наук, доцент;
Гайнуллина Мария Вадимовна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматривается проблема финансирования мероприятий, проводимых в рамках введенной процедуры несостоятельности (банкротства) в отношении гражданина. Определяются пути решения обозначенного спорного вопроса.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, должник, кредиторы.

Практика признания физических лиц несостоятельными (банкротами) в настоящее время получает широкое распространение. Цель применения указанного института — восстановление финансового положения граждан.

В рамках введенной процедуры несостоятельности (банкротства) проводится ряд мероприятий, направленных на установление объема имеющихся у гражданина долговых обязательств перед кредиторами, а также на погашение образовавшейся задолженности путем реструктуризации долгов, реализации имущества либо заключении мирового соглашения.

Учитывая тот факт, что значительная часть населения страны отличается низким уровнем финансовой грамот-

ности, Д.Ю. Гришмановский отмечает, что не каждый человек, беря кредит в банке, действительно осознает в полной мере свою возможность его погашения [1, с. 41]. Соглашаясь с высказыванием автора, отметим, что возникающие трудности в погашении образовавшейся задолженности по кредитам у граждан могут быть связаны не только с низким уровнем финансовой грамотности населения, но и с наличием определенных обстоятельств, которые могут воспрепятствовать надлежащему исполнению должником взятых на себя обязательств (например, в случае утраты постоянного заработка должником, невозможность должника осуществлять трудовую деятельность в силу развития тяжелого заболевания, и др.). Данные обстоятельства зачастую не могут быть

установлены на момент установления заемных и иных обязательств, а потому исключить случаи возникновения трудностей в исполнении таких обязательств должником не всегда представляется возможным.

Институт несостоятельности (банкротства) физических лиц — один из способов снятия гражданами обязательств по выплате долгов. Вместе с тем, процедура несостоятельности (банкротства) — это сложная процедура, которая требует совершения ряда действий, указанных в законе.

Следует признать, что большинство граждан самостоятельно не может выполнить действия в рамках введенной процедуры несостоятельности (банкротства). Так, могут возникать трудности в правильном составлении заявления, в установлении и сборе необходимого объема документов, подтверждающих наличие у лица долговых обязательств, в правильном оповещении кредиторов о предполагаемом банкротстве и др. Для совершения указанных действий должники вынуждены обращаться к помощи юристов.

Вместе с тем, оказание лицам, желающим снять с себя долговые обязательства, квалифицированной юридической помощи осуществляется на возмездных началах. В этой связи возникает вопрос о финансировании процедуры несостоятельности (банкротства) — о том, кто должен оплачивать произведенные должником расходы, как должны компенсироваться понесенные участниками данной процедуры расходы при отсутствии либо недостаточности у должника имущества и др.

Как указывает Д.Ю. Гришмановский стоимость процедуры банкротства граждан, как правило, варьируется в пределах от ста до трехсот тысяч рублей. При этом отмечается, что судебные издержки при минимально допустимой задолженности в пятьсот тысяч рублей оказываются существенными, дорогостоящими. Соответственно, в этом случае могут возникать определенные трудности, препятствия для использования процедуры несостоятельности (банкротства) в связи с ее особой дороговизной [1, с. 43].

Для решения рассматриваемого проблемного вопроса современным законодателем были приняты отдельные меры. Среди таких мер — снижение размера государственной пошлины при открытии процедуры банкротства физического лица с 6000 рублей до 300 рублей (Федеральный закон от 30.11.2016 № 407-ФЗ «О внесении изменения в статью 333.21 части второй Налогового ко-

декса Российской Федерации»). Данная мера фактически позволила снизить объем установленной государственной пошлины для граждан в двадцать раз. Безусловно, такая мера может быть признана эффективной в рамках решения вопроса об обеспечении доступности процедуры несостоятельности (банкротства) для граждан.

Однако принятие рассматриваемой меры не позволило разрешить иные проблемные вопросы, возникающие в данной сфере. Так, в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) привлечению подлежит такой участник, как финансовый управляющий.

В соответствии с действующим законом установлен размер вознаграждения, подлежащий уплате финансовому управляющему. Размер такого вознаграждения составляет двадцать пять тысяч рублей. При этом законодателем особо оговаривается, что указанная денежная сумма должна быть передана финансовому управляющему должником одновременно (ст. 20.6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Кроме того, наряду с обозначенным вознаграждением финансовому управляющему причитаются проценты, размер которых варьируется в зависимости от размера удовлетворенных требований кредиторов либо от выручки, полученной в результате реализации имущества должника. В этом случае устанавливается процентное соотношение к обозначенным суммам — 7%. Данные проценты уплачиваются финансовому управляющему после завершения расчетов с кредиторами.

Представляется, что суммы, подлежащие уплате финансовому управляющему, также могут быть признаны существенными.

Для решения обозначенных проблемных вопросов, возникающих в сфере финансового обеспечения процедуры несостоятельности (банкротства), следует принять меры, которые, с одной стороны, позволили бы должнику использовать право на признание его банкротом, а с другой стороны — обеспечить интересы кредиторов и иных участников процедуры банкротства. В этих целях целесообразно привлечь бюджетные средства того муниципального образования, на территории которого была инициирована процедура банкротства. Однако указанный порядок финансирования целесообразно использовать лишь для отдельных категорий должников (например, для малоимущих, инвалидов, граждан пенсионного возраста, многодетных семей, и др.).

Литература:

1. Гришмановский, Д.Ю. Проблема дороговизны прохождения процедуры банкротства физических лиц/Д.Ю. Гришмановский// Вестник СМУС74. — 2018. — № 4 (23). — С. 40-45.

Иммуниет единственного жилья в банкротстве граждан

Пушкарев Игорь Петрович, кандидат юридических наук, доцент;
Гайнуллина Мария Вадимовна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматривается проблема удовлетворения требований кредиторов за счет единственного жилья в рамках введенной процедуры несостоятельности (банкротства) в отношении гражданина. Определяются направления изменения подхода правоприменителя к решению обозначенного вопроса.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, должник, единственное жилье.

В соответствии со ст. 40 Конституции РФ от 12 декабря 1993 года право на жилище возводится в ранг основополагающих прав, присущих каждому человеку. В обеспечение реализации указанного права устанавливается запрет на произвольное лишение человека жилища.

Рассматривая материалы жалобы, Конституционный Суд РФ в постановлении от 14 мая 2012 года № 11-П разъяснил содержание права человека на жилище. Так, им было отмечено, что цель исполнительского (имущественного) иммунитета, установленного в отношении единственного пригодного жилого помещения должника, членов его семьи, сводится не к сохранению такого помещения, а к поддержанию, гарантированности уровня обеспеченности жильем. Для достижения указанной цели законодательному органу было предписано определить пределы действия исполнительского иммунитета. Назначение таких пределов — обеспечить условия для удовлетворения требований кредиторов, если площадь единственного жилья должника явно превышает разумную потребность его самого и членов семьи в жилище.

Вместе с тем данное поручение не было исполнено законодателем. В этой связи Конституционный Суд РФ принял меры по уточнению своей позиции. В частности, было отмечено, что имущественный иммунитет не может иметь безусловный характер, а его применение должно носить обоснованный характер (Постановление КС РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П).

Из указанного разъяснения следует, что Конституционный суд фактически разрешил обращать взыскание на единственное жилое помещение должника, если в результате совершения указанных действий должник и члены его семьи не утратят право на жилище. Другими словами, после обращения взыскания на жилое помещение должник и члены его семьи не должны остаться без пригодного для проживания жилого помещения, соответствующего нормам предоставления жилья на условиях социального найма, в пределах того же населенного пункта, где должник и его семья проживают. Представляется, что реализация указанного положения будет иметь место в случаях, когда взыскание будет обращено на роскошное жилое помещение, а взамен должнику и членам его семьи будет предоставлено более дешевое жилое помещение.

На основе обозначенного разъяснения Конституционного Суда РФ на практике свое распространение получила

следующая схема: после реализации жилого помещения кредиторы предоставляют должникам жилые помещения меньшей площади, пригодные для проживания должника и членов его семьи, а за счет вырученных денежных средств удовлетворить свои требования [2, с. 39]. В свою очередь, предоставление замещающего должнику помещения должно осуществляться в судебном порядке, что, по мнению Конституционного Суда РФ, позволило бы исключить случаи злоупотребления правом со стороны кредиторов.

Исполнительский иммунитет не может быть применен и в случаях, когда приобретение жилого помещения связано со злоупотреблением правом со стороны должника. Данный тезис подтверждается судебной практикой. Так, гражданин Б. был признан в установленном законом порядке несостоятельным (банкротом). В рамках введенной процедуры реализации имущества Б. обратился в арбитражный суд с заявлением об исключении из конкурсной массы земельного участка, а также расположенного на нем жилого дома, ссылаясь на то обстоятельство, что такой дом является для него единственным пригодным для проживания.

При рассмотрении материалов дела арбитражный суд установил, что должник искусственно создал условия, при которых спорный дом был признан единственным пригодным для проживания. Было определено, что право собственности на спорный дом было оформлено через два дня после введения в отношении его имущества процедуры реализации. Регистрация по месту жительства была произведена лишь через три месяца. До указанного момента должник проживал в квартире, принадлежащей его матери.

На основе данных обстоятельств арбитражный суд пришел к выводу о том, что должником были совершены действия, направленные на вывод из конкурсной массы единственного ликвидного имущества, а потому указанные действия приведут к нарушению прав кредиторов, причинении им вреда. Действия должника были квалифицированы как злоупотребление правом (Определение Арбитражного суда Хабаровского края от 21 сентября 2020 г. по делу № А73-12816/2019).

Суд апелляционной инстанции согласился с вынесенным арбитражным судом решением и оставил его без изменения (Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 17 ноября 2020 г. № 06АП-5327/2020).

Напротив, суд кассационной инстанции признал позицию должника верной, отменив ранее вынесенные по делу

решения. Суд кассационной инстанции при рассмотрении материалов кассационной жалобы указал, что нижестоящие суды при принятии решения по делу руководствовались учетом таких обстоятельств, как: факт регистрации права собственности и постановка на регистрационный учет. Вместе с тем, довод о том, что спорный дом является единственным пригодным для жилья помещением не был опровергнут на основе представленных по делу доказательств. Также не было предоставлено доказательств того, что действия должника направлены на искусственное придание жилому дому статуса единственно пригодного для проживания. При наличии указанных обстоятельств суд удовлетворил требования должника об исключении из конкурсной массы спорного дома и земельного участка, где данный дом расположен (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 января 2021 г. № Ф03–5967/2020).

С. В. Бudyлин отмечает, что установление исключения из рассматриваемого иммунитета должно быть признано справедливым. Обосновывая собственную позицию, автор приводит следующий пример. Так, указывается, что единственное жилье должника — это дворец на Рублевке. При рассмотрении возможности продать данный дворец для расчетов с кредиторами автор исходит из того, что данному должнику взамен на проданный дворец может быть предоставлена квартира, например, в Марьино. При этом особо оговаривается, что совершение данных действий должно производиться с соблюдением определенных лимитов на «неотбираемое» жилье [1, с. 71].

Д. А. Дударова указывает на то, что идея о предоставлении должнику взамен элитного жилья более дешевого

признается целесообразной. Однако автор особо оговаривает, что данная идея может находить свое применение лишь в том случае, если при совершении обозначенных действий будет соблюдаться принцип разумности. Так, с одной стороны, в результате применения к должнику процедуры банкротства возможность сохранения прежнего уровня жизни гражданина представляется невозможным. С другой стороны, распределение конкурсной массы должно осуществляться таким образом, что не привело бы к нарушению конституционного права граждан на жилище [2, с. 156].

Следует признать, что установленный в настоящее время иммунитет единственного жилья служит гарантией для защиты прав, интересов должника. Вместе с тем, данный иммунитет не должен приводить к нарушению интересов иных участников обязательственных правоотношений. В этой связи предусмотренные исключения из иммунитета представляются справедливыми. Так, должнику взамен на элитное жилье может быть предоставлено более дешевое жилое помещение. Однако во всех случаях данные действия не должны приводить к ситуациям, когда должник будет признан нуждающимся в жилом помещении (например, при несоответствии площади предоставленного жилья установленным нормативам по минимальной площади жилого помещения). Соответственно, в этих целях на законодательном уровне надлежит разработать пределы, критерии для определения роскошности жилья, что позволило бы разрешить спорные вопросы относительно единственного жилья при банкротстве.

Литература:

1. Бudyлин, С. В. Жильё и жульё. Верховный Суд об иммунитете единственного жилья в банкротстве/С. В. Бudyлин // *Цивилистика*. — 2020. — № 5. — С. 71-74.
2. Дударова, Д. А. Единственное жилье при банкротстве должника: предоставление иммунитета для роскошного жилья/Д. А. Дударова // *Образование и право*. — 2021. — № 3. — с. 154-157.
3. Исхакова, Р. Д. Проблема исполнительского иммунитета единственного пригодного для проживания жилого помещения должника в процедуре несостоятельности (банкротства)/Р. Д. Исхакова // *StudNet*. — 2021. — № 5. — с. 38-44.

Кассационная инстанция по уголовным делам: статистика и анализ

Родионова Надежда Николаевна, студент магистратуры

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород)

В статье автор анализирует судебную практику новых кассационных судов общей юрисдикции (КСОЮ) по уголовным делам за 2018-2020 гг.

Ключевые слова: кассационный суд, кассационная жалоба, суд, кассационное обжалование, новая коронавирусная инфекция, территориальная подсудность, сплошная кассация.

Мониторинг за деятельностью вновь созданных КСОЮ является актуальным вопросом, так как множество факторов влияют на деятельность

данных судов. Уголовное судопроизводство один из основных и важнейших процессов в судебной деятельности. Необходимо понять, насколько вновь созданная

система поменяла уклад ранее работающих судов, которые являлись такой же инстанцией до реформы. Стоит уделить внимание вопросу о доступности КСОЮ для населения и влиянии внешних факторов на их деятельность.

Основываясь на официальных данных, опубликованных на сайтах КСОЮ, удалось вычислить число уголовных дел и материалов, которые поступили в соответствующий суд за исследуемый период.

Стоит отметить, что существуют суды, в которые лидируют в поступивших материалах. Самые загруженные

из судов в изучаемый период времени были восьмой и шестой КСОЮ (17621 и 17515 соответственно), с наименьшей нагрузкой оказались суды второго, пятого и девятого КСОЮ (1971, 3724 и 5998 соответственно). Что касается остальных КСОЮ, то в третьем зарегистрировано 9405 дел, а в остальных (первом, четвертом, седьмом) приблизительно равное количество дел — 14674, 13645, 14454 соответственно.

Стоит не забывать, что территориальная подсудность кассационных судов не соответствует делению субъектов нашей страны по федеральным округам (рисунок 1) [1].

Рис. 1. Кассационные суды общей юрисдикции

Изучая статистические данные приведенные в отчете судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации (ВС РФ), стоит обратить внимание, что количество поступивших в КСОЮ жалобы и представления за год работы почти в два раза меньше поступивших на рассмотрение в президиумы областных и равных им судов, которые являлись такой же инстанцией до 01 октября 2019 года. И этот скорее всего, можно сделать вывод, что на данный аспект еще и повлияла ситуация с пандемией [2].

По данным судебного департамента при ВС РФ за 2018 год в кассационную инстанцию поступило 194765 дел, в то время как в КСОЮ за период с октября 2019 по октябрь 2020 года (за год существования новых КСОЮ) поступило в всего 99007. Но не стоит и списывать со счетов тот момент, что кассационные суды были выведены из субъектов судов и необходимость подачи жалобы, а также участие в судебных заседаниях в другом городе, а иногда даже в регионе, куда перенесли новый КСОЮ [3].

Далее хотелось бы уделить внимание, количеству дел, поступивших в КСОЮ по соответствующим категориям.

Что касается кассационных жалоб (КЖ) и представлений на приговоры, а также иные акты, которые рассматривают дело по существу, было следующее: в первом КСОЮ — 9598, втором — 1606, третьем — 6106, четвертом — 9858, пятом — 2505, шестом — 12258, седьмом — 10662, восьмом — 11718, девятом — 4043.

Стоит отметить, что обжалование итоговых решений по делу встречается намного чаще — это 65-80% от общего числа поступивших дел.

Самый большой процент КЖ и представлений по данной категории дел от общего числа зарегистрированы во втором КСОЮ, что составляет 81,5%. На втором месте выступает седьмой КСОЮ — 73,8%, а тройку лидеров закрывает четвертый с процентным соотношением — 72,2%. Также стоит отметить, что шестой КСОЮ не на много отстал от тройки лидеров и процентное соотношение составляет 70,0%. В остальных КСОЮ (первый, третий, пятый, восьмой и девятый) такие жалобы составляют всего 3/5 от всех зарегистрированных (65,4%, 64,9%, 67,3%, 66,5%, 67,4% соответственно).

Рис. 2. Количество и структура дел в кассационных судах (за период с 01.10.2019-22.09.2020 гг.)

Представления и КЖ на судебные решения в порядке судебного контроля (например, жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ) и по вопросу, касающемуся исполнения приговора, с 01.10.2019 года по 22.09.2020 года во всех КСОЮ составили меньше 20% от общего числа.

Меньше всего кассационных жалоб и представлений подано в кассационные суды общей юрисдикции на судебные решения, принятые на стадии судебного производства, — от 4,5 до 1,5%. Самый большой показатель был в Четвертом кассационном суде общей юрисдикции — 616, или 4,5% от общего числа, чуть меньше в Восьмом — 609 (3,5%). Далее в порядке убывания количества дел следуют: Первый (402 дела, 2,7%), Шестой (317 дел, 1,8%), Третий (314 дел, 3,3%), Седьмой (193 дела, 1,3%), Девятый (110 дел, 1,8%), Пятый (74 дела, 2,0%), Второй (29 дел, 1,5%).

Также не стоит забывать о принятых решениях КСОЮ за исследуемый период. И сразу же стоит отметить, что с началом работы новых судов появился и новый порядок кассационного обжалования — сплошная кассация. А это значит, что все поступающие КЖ и представления на приговоры или иные итоговые решения по делу назначаются к слушанию без предварительного решения судьи об их передаче для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции [4].

На каждом из сайтов КСОЮ можно в разделе «Судебное делопроизводство» найти наиболее часто встречающиеся виды решений данной инстанции: «Производство прекращено», «Оставлено без рассмотрения по существу», «Снято и возвращено без рассмотрения», «Вынесено решение по существу».

И стоит отметить, что самая распространенная категория — «Вынесено решение по существу». И всё это

можно пояснить тем, что больше всего поступает КЖ и представлений на приговоры и иные итоговые решения (более 79% в каждом из КСОЮ), а также и повлиял принцип сплошной кассации.

За период с 01.10.2019 по 22.09.2020 больше всего вынесено решений в шестом КСОЮ (более 2200 дел) и в восьмом (более 2000 дел). В первом, втором, четвертом и седьмом было среднее количество от 1500 до 1800 дел. А с наименьшими показателями оказались третий, пятый и девятый КСОЮ.

Наименьшее число решений по существу вынесено с КЖ и представлениями принятые на стадии судебного производства. Больше всего дел было рассмотрено таких дел в четвертом КСОЮ — 39 дел, что составляет 2,3%, а в остальных судах этот процент не превышает и 1,7%. Что касается девятого КСОЮ, то по состоянию на 30.09.2020 года там было всего 2 дела данной категории.

Дела категории с отметкой вынесено решение по существу, которые отражены в разделе судебных решений в порядке судебного контроля, примерно в два-три раза больше: в девятом КСОЮ — 12, в третьем — 24, в седьмом — 27, в восьмом — 58, в пятом — 59, в первом — 66, в шестом — 68, в четвертом — 95, во втором — 166. По вопросам, которые связаны с исполнением приговоров, цифры расположились следующим образом: в пятом КСОЮ — 34, в девятом — 83, в третьем и четвертом — 84, во втором — 127, в первом и седьмом — 132, в восьмом — 171 и в шестом КСОЮ — 258.

Не стоит забывать и про то, что на каждом из сайтов КСОЮ существует раздел о принятом решении по делу, который называется «Производство прекращено». И количество таких дел везде небольшое, 22 — во втором

КСОЮ, 18 — в шестом, по 16 — в седьмом и в восьмом, 15 — в четвертом, 13 — в первом, 8 — в третьем, 7 — в девятом, 2 — в пятом КСОЮ.

Подводя итог, о проделанной работе, хотелось бы сказать, что в работе КСОЮ был замечен ряд изменений даже в количестве рассматриваемых дел, которые попали на рассмотрение в КСОЮ. Начиная с того момента, что изменился порядок подачи КЖ, а именно сейчас действует принцип сплошной кассации: все поступающие КЖ и представления на приговоры или иные итоговые решения по делу назначаются к слушанию без предварительного решения судьи об их передаче для рассмотрения в судебном заседании, единственное, что осталось, то что для промежуточных решений нижестоящих судов действует всё так же выборочный принцип.

Но свой баланс в нагрузку КСОЮ внесла пандемия коронавируса. В связи с чем, можно сделать вывод о том, что часть жалоб из-за закрытости для посещения граждан СОЮ была не подана. Но чтобы быть точно уверенным

во влиянии данного фактора, мониторинг по данному вопросу стоит продолжать еще на протяжении нескольких лет, чтобы удалось сравнить показатели после полного открытия СОЮ.

Основываясь на статистических данных КСОЮ, можно сделать вывод, что нагрузка на них распределяется не равномерно. Даже по территориальной расположенности можно увидеть разницу в границах распределения нагрузки. На что еще стоит обратить внимание, так это на то, что нет равномерного распределения по категориям дел, рассматриваемых в КСОЮ. Некоторые КСОЮ лидируют во всех категориях, но это и заставляет подумать, почему нельзя более равномерно распределить нагрузку на данные округа, перераспределить территориальную подсудность.

Всё-таки данная структура довольно новая в судебной деятельности, стоит более тщательно наблюдать за ее развитием и проводить мониторинг для более качественного анализа целесообразности создания КСОЮ.

Литература:

1. Заключение на проект федерального конституционного закона № 3740207 «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/28148/ (дата обращения: 12.11.2021).
2. Статистические данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <https://www.cdep.ru/> (дата обращения: 12.11.2021).
3. Балибекова, А. М. Кассационные суды год спустя // Журнал Уголовное право. 2020. № 10. с. 13-15.
4. Платова, А. С., Шумов П. В. К вопросу о создании апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 8. с. 114-119.

Уголовно-правовой и криминалистический аспект злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности

Рубежная Людмила Леонидовна, студент

Научный руководитель: Шуваев Андрей Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Данная статья посвящена уголовно-правовому и криминалистическому аспекту ст. 177 УК РФ. Раскрывается состав данного преступления, его квалификация, признаки злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности на судебной практике.

Ключевые слова: кредиторская задолженность, злостное уклонение, УК РФ, крупный размер.

Привлечение к ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности считается одним из актуальных вопросов российского уголовного права. Для того, чтобы установить уголовно-правовые и криминалистические аспекты, связанные с этим процессом, их специфику, считаем необходимым рассмотреть связанные с ними процессы подробнее.

В первую очередь интерес для исследования представляет квалификация деяний, совершаемых в случаях злостного уклонения от уплаты кредиторской задолженности.

С уголовно-правовой точки зрения деяния, предусмотренные статьей 177 УК РФ [1], необходимо квалифицировать в соответствии с методическими рекомендациями

по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 УК РФ, созданных ФССП [2].

В соответствии с указанными рекомендациями, квалификация преступного деяния, предусмотренного статьей 177 УК РФ, должна проводиться по следующим аспектам:

- объект;
- объективная сторона;
- субъект;
- субъективная сторона.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного статьей 177 УК РФ, являются общественные отношения, в кредитно-денежной сфере, а также экономические интересы кредиторов. В этом составе преступления также предусмотрен дополнительный объект, в качестве которого выступают общественные отношения, обеспечивающие исполнение вступившего в законную силу решения суда и иного судебного акта [11].

Предмет преступления — денежные средства, ценные бумаги.

Объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 177 УК РФ, проявляется в форме действия или бездействия. Злостное уклонение от оплаты кредиторской задолженности, согласно действующим методическим рекомендациям, может проявляться в следующем [10]:

- предоставление судебному приставу-исполнителю недостоверных сведений об источниках дохода, имущественном положении;
- сокрытие доходов и имущества;
- смена места жительства, работы, изменение анкетных данных;
- выезд за рубеж с утаиванием места пребывания;
- совершение сделок по отчуждению имущества, его передача третьим лицам;
- неявка по вызовам судебного пристава-исполнителя;
- непредставление судебному приставу-исполнителю сведений об имущественном положении;
- непринятие мер по исправлению неблагоприятной финансовой ситуации и т. д.

Обязательный признак объективной стороны данного преступления — крупный размер. Крупным размером признается сумма кредиторской задолженности в размере от 2250000 тысяч рублей. В нее может включаться не только основной долг, но и проценты, на него начисленные, пени, штрафы и т. д. [12].

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Субъект — руководитель или лицо, исполняющее обязанности руководителя коммерческой или некоммерческой организации, а равно с ними — физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, являющееся должником [2].

После разбора данного состава преступления по составу следует также рассмотреть практический пример из судебной практики по уголовным делам.

Приговор № 1-29/2020 от 9 ноября 2020 г. по делу № 1-29/2020, Болховский районный суд (Орловская область):

Между ОАО «Россельхозбанк» и индивидуальным предпринимателем ФИО2 был заключен договор об открытии кредитной линии с лимитом единовременной задолженности. Также был заключен договор поручительства физических лиц: между ОАО «Россельхозбанк» и Анисимовой Т.Н. Согласно договору поручительства Анисимова Т.Н., была обязана в полном объеме отвечать перед кредитором за исполнение индивидуального предпринимателя ФИО2 обязательств по договору об открытии кредитной линии. В связи с несоблюдением обязательств перед кредитором АО «Россельхозбанк», кредитор обратился в Третейский суд, который обязал ИП ФИО2 и Анисимову Т.Н. выплатить задолженность.

Таким образом, Анисимова имея умысел на злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в крупном размере после вступления в законную силу соответствующего судебного акта, достоверно зная о вступившем в законную силу решении Третейского суда при Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств, злостно уклонялась и не предприняла все возможные меры, направленные на исполнение соответствующего решения суда [6].

Согласно сведениям на 2020 год Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, в отношении 57 лиц был вынесен приговор и они были осуждены, в отношении 3 лиц были вынесены оправдательные приговоры, в отношении 2 лиц была вынесена мера — условное лишение свободы, в отношении 1 лица была вынесена мера — ограничение свободы, в отношении 23 лиц была вынесена мера в виде штрафа, в отношении 31 лица была вынесена мера в виду обязательных работ [4].

Гражданско-правовая ответственность за злостное уклонение от уплаты кредиторской задолженности не предусмотрена, однако нормами ГК РФ установлено, что при уклонении от уплаты кредита на него могут начисляться проценты за просрочку. Если кредит выдавался под залог имущества, то оно изымается в счет покрытия долга [3].

Соотношение уголовно-правовой и гражданско-правовой ответственности проявляется в следующем: проценты, начисляемые на сумму основного долга за неисполнение условий кредитного договора, входят в размер суммы, рассчитываемой в качестве обязательного признака объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 177 УК РФ.

Уголовное дело о злостном уклонении от уплаты кредиторской задолженности возбуждается только в том случае, если дознаватель имеет достаточное количество информации, позволяющее с уверенностью утверждать, что рассматриваемое деяние содержит все признаки состава преступления, предусмотренного статьей 177 УК РФ. Оно возбуждается на основании следующих документов:

— заявление кредитора о том, что преступление совершается физическим лицом или представителем компании;
— рапорт судебного пристава-исполнителя.

В ходе рассмотрения сообщения о преступлении заявителю необходимо выяснить:

— есть ли вступивший в силу судебный акт о взыскании в пользу конкретного кредитора задолженности с указанного должника;

— есть ли факт неисполнения указанного судебного решения;

— является ли задолженность крупной;

— присутствуют ли признаки злостного уклонения от уплаты задолженности [7].

Злостным считается систематическое уклонение от уплаты средств, присуждаемых по решению суда. К признакам злостного уклонения относят:

— смена работы или места жительства (когда должник этим преследует цель избежать удержаний по исполнительному листу);

— прямой отказ от уплаты задолженности;

— смена документов с подделкой фамилии;

— сокрытие виновным лицом своего реального заработка;

— уклонение от явки по вызовам;

— имитация погашения кредиторской задолженности [8].

Только при наличии описанных признаков и иных критериев, необходимых для установления наличия состава преступления, можно инициировать расследование.

Что касается специфики расследования дел, связанных со злостным уклонением от уплаты кредиторской задолженности, то исследователи называют следующие факторы:

— необходимость привлечения следователей, так как несмотря на то, что преступления, предусмотренные статьей 177 УК РФ, находятся в компетенции дознавателей, сроков, выделенных на дознание, недостаточно для проведения полноценного расследования;

— на практике есть проблемы с определением того, в качестве кого стоит допрашивать представителя юридического лица [9].

Также следует рассмотреть практический пример из гражданского судопроизводства.

Постановление № 5-22/2020 от 27 мая 2020 г. по делу № 5-22/2020,

Дзержинский районный суд г. Новосибирска (Новосибирская область):

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 01 июля 2021 года) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22 августа 2021 года) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) (утв. ФССП России 21 августа 2013 года № 04-12) (ред. от 03 октября 2016 года)
3. Сайт судебного участка № 2 города Саратова. Ответственность сторон за нарушение условий кредитного договора // http://89.sar.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=218 (дата обращения 20 ноября 2021 года).

В отношении ООО МКК «ФИНМОЛЛ», осуществляющего функции по возврату просроченной задолженности УФССП России по Новосибирской области, был составлен протокол об административном правонарушении 14.57 КоАП, так как между ООО МКК «ФИНМОЛЛ» и ФИО5 был заключен договор займа. В связи с ненадлежащим исполнением обязательств у ФИО5 возникла просроченная задолженность по возврату суммы займа, ООО МКК «ФИНМОЛЛ» решила уведомлять о необходимости погашения задолженности таким текстом: — «Во избежание применения в отношении Вас мер принудительного взыскания, оплаты дополнительных расходов в рамках судебного и исполнительного производства, а также иных негативных последствий, связанных с возможной квалификацией Ваших действий как — *мошенничество* (ст. 159 УК РФ), причинение имущественного *ущерба путем обмана/злоупотребления доверием* (ст. 165), *уклонение* от погашения кредиторской задолженности (ст. 177) Вам необходимо *срочно* связаться с представителем ООО МКК «ФИНМОЛЛ» по телефону... ФИО5». Таким образом, уведомление о необходимости погашения задолженности требованиям закона не соответствует. Данный текст содержит информацию, оказывающую психологическое давление на должника при помощи использования таких формулировок, как «возможной квалификацией Ваших действий как — *мошенничество* (ст. 159 УК РФ)» «причинение имущественного ущерба путем обмана/злоупотребления доверием (ст. 165)» «уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177)», поскольку факт совершения преступлений, предусмотренных ст. ст. 159, 165, 177 УК РФ, может быть установлен только приговором суда [5].

В заключение можно сказать, что основные сложности расследования преступлений, предусмотренных статьей 177 УК РФ, связаны прежде всего с определением злостности уклонения. Так как в законодательстве отсутствует понятие злостного уклонения, следователю или дознавателю приходится каждый раз тщательно проверять информацию на выявление какого-либо из существующих признаков злостности. При этом на проверку данных может уйти несколько месяцев. В дальнейшем сложности могут возникнуть при допросах — следователь должен быть достаточно опытным для того, чтобы выявить, честен ли с ним допрашиваемый, и добиться реальных, а не ложных показаний.

4. Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации // <http://www.cdep.m/index.php?id=81> (дата обращения 4 декабря 2021 года)
5. Постановление № 5-22/2020 от 27 мая 2020 г. по делу № 5-22/2020, Дзержинский районный суд г. Новосибирска (Новосибирская область) // <https://sudact.ru> (дата обращения 4 декабря 2021 года)
6. Приговор № 1-29/2020 от 9 ноября 2020 г. по делу № 1-29/2020 // Болховский районный суд (Орловская область) // (дата обращения 4 декабря 2021 года)
7. Шафранова, М. В. Особенности возбуждения уголовных дел о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности // <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=8&art=1496> (дата обращения 20 ноября 2021 года).
8. Кантемирова, А. Б. Злостность как признак уклонения от погашения кредиторской задолженности // <https://cyberleninka.ru/article/n/zlostnost-kak-priznak-ukloneniya-ot-pogasheniya-kreditorskoj-zadolzhennosti> (дата обращения 4 декабря 2021 года)
9. Данилова, С. Специфика расследования преступлений, предусмотренных ст. 177 УК РФ // <https://wiselawyer.ru/poleznoe/15905-specifika-rassledovaniya-prestuplenij-predusmotrennykh> (дата обращения 20 ноября 2021)
10. Карташов, С. В. Объективные признаки состава преступления, сопряженного со злостным уклонением от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ) // <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnye-priznaki-sostava-prestupleniya-sopryazhennogo-so-zlostnym-ukloneniem-ot-pogasheniya-kreditorskoj-zadolzhennosti-st-177> (дата обращения 4 декабря 2021 года)
11. Улезько, С. И., Султанова Н. А. Объект и предмет злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ) // <https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-predmet-zlostnogo-ukloneniya-ot-pogasheniya-kreditorskoj-zadolzhennosti-st-177-uk-rf> (дата обращения 4 декабря 2021 года)
12. Рагозина, И. Г. Вопросы квалификации злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности // <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-kvalifikatsii-zlostnogo-ukloneniya-ot-pogasheniya-kreditorskoj-zadolzhennosti> (дата обращения 4 декабря 2021 года)

Правовой режим использования и охраны национального парка «Красноярские столбы»

Савченко Давид Вагеевич, студент

Научный руководитель: Власов Валерий Александрович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Красноярский государственный аграрный университет

Ключевые слова: национальный парк, государственный природный заповедник, особо охраняемые природные территории, объект общенационального достояния.

Legal regime for the use and protection national park of the «Krasnoyarskie stolby»

Savchenko David Vageevich, student

Scientific adviser: Vlasov Valery Aleksandrovich, candidate of legal sciences, associate professor, head. department
Krasnoyarsk State Agrarian University

Keywords: national park, state nature reserve, specially protected natural areas, object of national heritage.

Национальный парк «Красноярские Столбы» по праву считается удивительный по красоте и разнообразию, потрясает масштабными и разнообразными ландшафтами, уникальной сибирской природой. Это старейшая особо охраняемая природная территория в России, которая была создана в 1925 году по инициативе местных жителей для сохранения особых таёжных ландшафтов, местной флоры и фауны от деятельности по добыче природного камня, от рубки леса. Предельная высота от 200 до 840 м над уровнем моря. Самая высокая точка находится на Кайдынском хребте.

Границы национального парка: северная — р. Енисей, северо-восточная — р. Базаиха, южная — р. Мана. [1]

Свое название национальный парк получил за счёт своей основной достопримечательности на территории Саянских отрогов — сиенитовых скал со своей уникальной структурой различных лазов и ходов. Рассматриваемый национальный парк является один из самых посещаемых в России. По последним данным, взятым с официального сайта Росзаповедцентр РФ, только за 2020 год Рекреационную зону посетили 814603 человека. «Красноярские Столбы» являются

визитной карточкой Красноярска и Красноярского края в целом, а также любимым местом отдыха красноярцев.

Актуальность рассматриваемой нами темы вызвана особым значением национального парка «Красноярские Столбы» не только для Красноярского края, но и для России в целом, т.к. это объект общенационального достояния. Это место обладает действительно богатой историей, ведь первые туристические и исследовательские посещения Столбов относятся еще к середине XIX века. При всём многообразии своей истории и особенностей тамошней природы данный объект не мог не обладать особым правовым статусом, который необходимо всячески защищать от посягательств нарушителей законодательства в области охраны земель особо охраняемых природных территорий.

Цель данной научной статьи — рассказать об особенностях национального парка «Красноярские Столбы», о правовом режиме использования и охраны рассматриваемой особо охраняемой природной территории, а также сделать обзор на некоторые проблемы правового характера, влияющие на функционирование национального парка «Красноярские Столбы».

В соответствии с поставленной целью работы, мы можем определить следующие задачи исследовательской деятельности:

1. Изучить учебную, научную монографическую литературу, нормативно-правовую базу по поставленной теме;
2. Исследовать правовую природу «Красноярских Столбов» на основе современного законодательства;
3. Сделать обзор на преобразование государственного природного заповедника «Столбы» в национальный парк «Красноярские Столбы» и на причины, послужившие этому;
4. Сделать обзор на некоторые проблемы правового характера, влияющие на функционирование национального парка.

Как уже было сказано ранее рассматриваемый национальный парк имеет обширную историю. В 1733-1734 годы — «Столбы» посещал Иван Иванович Беринг, в 1843 году там работал известный геолог Российской империи Э.К. Гофман, в 1864, 1866 годах епископ Енисейский и Красноярский Никодим совершил путешествия к скалам. В 1884 году Александр Семенович Чернышев, писец Красноярского губернского правления, охотясь по р. Лалетиной, один добрался до Первого столба, а в 1892 году собранная им компания любителей построила под Третьим столбом первую столбовскую избушку. С национальным парком по-прежнему сотрудничают многие научные организации Сибири, такие как Сибирское отделение Российской академии наук. [2]

Национальный парк располагается на северо-западных ответвлениях основной горной цепи Восточных Саян. Площадь национального парка составляет 48066 га. Территория Красноярских Столбов» поделена на три зоны: рекреационная — примыкает к г. Красноярску и открыта для свободного посещения, занимает около 5% площади национального парка; «зона особой охраны, занимающая около 6% площади — территория ограниченного доступа,

посещение которой возможно только по специальному разрешению администрации национального парка; зона полной заповедности занимает основную площадь территории 89% и находиться здесь могут только сотрудники национального парка, выполняющие природоохранные и научно-исследовательские работы.

Согласно законодательству РФ, у всех земель на территории России имеется своё целевое назначение. Целевое назначение земель представляет собой разделение земельных участков по категориям. Как нам известно, Земельный кодекс Российской Федерации разделяет земли РФ по их целевому назначению на семь категорий: земли сельскохозяйственного назначения; населённых пунктов; промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения; земли особо охраняемых территорий и объектов; земли лесного фонда; земли водного фонда; земли запаса. [4] Земли особо охраняемых территорий и объектов в свою очередь подразделяются на подкатегории. Среди них есть земли особо охраняемых природных территорий. К ним относятся земли государственных природных заповедников, государственных природных заказников, памятников природы, национальных парков и т.д.

Ознакомившись с имеющимся законодательством, можно сделать вывод о том, что «Красноярские Столбы» относятся к землям особо охраняемых природных территорий, т.к. являются национальным парком. Но так было не всегда. До 28 ноября 2019 года данная особо охраняемая природная территория имела статус заповедника. [7]

В конце декабря 2013 года вступила в силу новая редакция закона «Об особо охраняемых природных территориях» № 33-ФЗ, позволяющая преобразовывать заповедники в национальные парки. Постановлением Правительства РФ «О преобразовании государственного природного заповедника «Столбы» в национальный парк «Красноярские Столбы» государственный природный заповедник был преобразован в национальный парк. Помимо этого, национальный парк отнесли к ведению Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

Основное отличие заповедника от национального парка заключается в их режиме охраны. У заповедника он гораздо строже. Заповедник — это территория, полностью закрытая для любого воздействия человека. Маршруты для туризма, экологические тропы и центры экологического просвещения создаются только в пограничных участках. В национальном парке помимо охраны и изучения природной территории, занимаются созданием условий для отдыха населения, кратковременного и длительного.

Ранее в Положении о Федеральном Государственном Учреждении Государственный природный заповедник «Столбы» на территории ООПТ регламентировались следующие виды деятельности: организация охраны как основной вид деятельности, предусмотренный на всей территории ООПТ; научно-исследовательская деятельность, предусмотренная на всей территории ООПТ; эколого-просветитель-

ская деятельность; финансово-хозяйственная деятельность, включающая перечень мероприятий, приносящих доход. [9]

Причинами этому изменению послужил тот факт, что заповедник в то время являлся местом отдыха и занятия спортом большого количества жителей г. Красноярска, Красноярского края и др. регионов. Нельзя было отрицать то, что территория заповедника использовалась по факту как национальный парк. В рамках правового поля, существующего до преобразования заповедника, не соответствовало его режиму, но отвечало задачам национального парка. Такое обоснованное решение породило правовые основания для обеспечения особой охраны природных комплексов и объектов, которые включены в границы национального парка.

Тем не менее, данные изменения не нейтрализовали противоправную деятельность, которая и сегодня угрожает национальному парку. В связи с этим охрана ООПТ должна совершенствоваться. 5 марта 2021 г. в стрелковом центре «Калашников» подмосковного парка «Патриот» завершилось обучение нового потока инспекторов особо охраняемых природных территорий федерального значения. Цель подготовки — формирование единой системы знаний для повышения качества работы сотрудников ООПТ. Как отметил директор Росзаповедцентра Минприроды России, данная программа необходима для эффективного решения возложенных на заповедники и национальные парки природоохранных задач. Комплексную подготовку прошли инспекторы национальных парков, в том числе инспектора «Красноярских Столбов». Подобная учебная программа проводилась и в 2019 г.

Нельзя не отметить проблемы, вызванные преобразованием заповедника в национальный парк. В соответствии с изменениями на 30.12.2020 в Федеральном законе «Об особо охраняемых природных территориях» земельные участки населенных пунктов, расположенных на особо охраняемых природных территориях, возвращены в гражданский оборот, т.е. на них снова можно строить индивидуальные жилые дома, разбивать сады, бурить водные

скважины, создавать объекты социальной инфраструктуры и т.д. Большая часть «Столбов» расположена на территории Березовского района, а около трёх гектаров относятся к Красноярску. При этом вне границ населенного пункта продолжают действовать прежние строгие нормы охраны природы. Кроме воздействия недавних поправок в федеральный закон сам факт преобразования «Столбов» в национальный парк потребовала вырубку деревьев для строительства гостевых домов, например комплекс «Нарым».

Однако есть и другая точка зрения на эту ситуацию. По словам доктора биологических наук СФУ Александра Савченко: «реорганизация заповедника в национальный парк никак не отразится на природе «Столбов», т.к. заповедник и до своего преобразования работал как национальный парк, была туристическая зона и зона абсолютной заповедности. Статус национального парка предполагает сохранение заповедного ядра, сохранится и зонирование на территории разной степени доступности. Несколько изменится сфера деятельности сотрудников «Столбов», которым предстоит заниматься не только наукой, но и экологическим туризмом».

Подводя итог исследования, можно с уверенностью сказать, что проблемы правового регулирования использования и охраны национального парка «Красноярские Столбы» по-прежнему требуют обдуманного решения. Последние поправки в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» в некоторой степени усугубили ситуацию. Выселение людей с мест, на которых они проживали поколениями, не является в нашем представлении хорошим вариантом решения рассмотренной проблемы. Поэтому на наш взгляд необходимо как можно быстрее ввести ограничения на гражданский оборот земельных участков населенных пунктов, расположенных на территории «Красноярских столбов». Стоит учитывать и то, что это касается и других подобных особо охраняемых природных территорий, на которых проживают люди, поэтому решение проблемы «Столбов» поможет решить подобные проблемы с другими ООПТ, на которых проживают люди.

Литература:

1. Официальный сайт «Красноярские столбы»: [Электронный ресурс] URL: <https://kras-stolby.ru/> (Дата обращения 02.12.2021).
2. Архивное агентство Красноярского края: [Электронный ресурс] URL: <http://xn — 7sbimrddb3alvdfgd8eufwc.xn — plai/gosudarstvennyi-arkh/deyatelnost/vystavki/579> (Дата обращения 02.12.2021).
3. Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об особо охраняемых природных территориях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // СПС: КонсультантПлюс: Законодательство.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // СПС: КонсультантПлюс: Законодательство.
5. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1090 «О федеральном государственном контроле (надзоре) в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий» (вместе с «Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий») // СПС: КонсультантПлюс: Законодательство.
6. Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2008 № 2055-р «Об утверждении перечня особо охраняемых природных территорий федерального значения, находящихся в ведении Минприроды России» // СПС: КонсультантПлюс: Законодательство.

7. Постановление Правительства РФ от 28.11.2019 № 1527 «О преобразовании государственного природного заповедника «Столбы» в национальный парк «Красноярские Столбы» // СПС: КонсультантПлюс: Законодательство.
8. Положение о федеральном государственном учреждении «Государственный природный заповедник «Столбы» (утв. МПР России 03.04.2001) (ред. от 26.03.2009) // СПС: КонсультантПлюс: Законодательство.
9. Дальнейшее развитие особо охраняемой природной территории «Столбы»: заповедник или национальный парк?.. Н. А. Унагаева; СФУ, Вестник ЮУрГУ. Серия «Строительство и архитектура». 2018 г. Т. 18 № 2. с. 30.
10. Приказ Минприроды России от 19.11.2010 № 522 (ред. от 21.02.2014) «Об утверждении перечня объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду при осуществлении хозяйственной и иной деятельности на территории Красноярского края и подлежащих федеральному государственному экологическому надзору» // СПС: КонсультантПлюс: Законодательство.
11. Приказ Минприроды России от 25.12.2019 № 883 «Об утверждении Устава Федерального государственного бюджетного учреждения «Национальный парк «Красноярские Столбы» // СПС: КонсультантПлюс: Законодательство.
12. Закон Красноярского края от 28.01.2005 № 13-2928 (ред. от 10.12.2020) «Об установлении границ муниципального образования город Дивногорск и наделении его статусом городского округа» (подписан Губернатором Красноярского края 03.02.2005) // СПС: КонсультантПлюс: Законодательство.
13. Закон Красноярского края от 06.07.2006 № 19-4986 (ред. от 19.11.2020) «Об установлении границ муниципального образования город Красноярск» (подписан Губернатором Красноярского края 14.07.2006) // СПС: КонсультантПлюс: Законодательство.
14. Постановление администрации г. Красноярска от 12.11.2020 № 894 (ред. от 17.09.2021) «Об утверждении муниципальной программы «Развитие физической культуры и спорта в городе Красноярске» на 2021 год и плановый период 2022-2023 годов» // СПС: КонсультантПлюс: Законодательство.
15. Постановление администрации г. Красноярска от 19.07.1999 № 486 «Об организации экспедиции «Красноярские Столбы — Швейцарские Альпы» // СПС: КонсультантПлюс: Законодательство.
16. Постановление администрации г. Красноярска от 29.11.2018 № 767 «Об одобрении Концепции развития туризма в городе Красноярске до 2030 года» // СПС: КонсультантПлюс: Законодательство.

Недобросовестная конкуренция и ее соотношение с недобросовестной и недостоверной рекламой

Семенченко Антон Александрович, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В современном бизнесе огромную важность составляет конкуренция. Именно, она заставляет предпринимателей, в погоне за прибылью, использовать все новые способы привлечения потребителей на рынок товаров, работ и услуг. Самым востребованным из них является реклама. Именно реклама, подобно паутине, заманивает потенциальных потребителей на различные рода рынки. Из-за своей востребованности, а также всепоглощающего влияния на потребителей, реклама в последствии тоже стала одним из видов бизнеса. Появились множество индивидуальных предпринимателей и саморегулируемых организаций, занимающихся производством и распространением рекламы. В связи с этим нельзя не заметить, что конкуренция внедрилась и в сферу рекламного бизнеса. И как можно убедиться из названия данной статьи, посвящена она будет рассмотрению характера и видов конкуренции в сфере рекламы.

Ключевые слова: конкуренция, недобросовестная конкуренция, реклама, недобросовестная реклама, недостоверная реклама.

Unfair competition and its relationship with unfair and unreliable advertising

Semenchenko Anton Alexandrovich, student
Siberian Law University (Omsk)

In modern business, competition is of great importance. Precisely, it forces entrepreneurs, in pursuit of profit, to use all new ways to attract consumers to the market of goods, works and services. The most popular of them is advertising. It is advertising, like a web, that lures potential consumers to various kinds of markets. Due to its demand, as well as the overwhelming influence on consumers, advertising later also became one of the types of business. There are many individual entrepreneurs and self-regulatory organizations

engaged in the production and distribution of advertising. In this regard, it is impossible not to notice that competition has also penetrated into the advertising business. And as you can see from the title of this article, it will be devoted to the consideration of the nature and types of competition in the field of advertising.

Keywords: competition, unfair competition, advertising, unfair advertising, false advertising.

На современном мире в сфере предпринимательства сформировались две основные движущие силы, способствующие наиболее благоприятному ведению бизнеса в различных сферах общества. Этими движущими силами являются: реклама, как основной источник привлечения потенциальных потребителей; и конкуренция, как основной рычаг развития предпринимательский отношений. На сегодняшний день сформировалась некая связь между этими силами, так как появилась новая отрасль предпринимательства — это производство и распространение рекламы. Эта взаимосвязь заключается в том, что, как и другие направления предпринимательской деятельности, рекламный бизнес тоже строится на конкуренции между ее производителями и распространителями. И наша задача в этой статье проследить эту взаимосвязь и дать характеристику конкуренции в сфере рекламы.

И начнем мы с того, что дадим определение конкуренции. Данное определение закреплено в Федеральном Законе «О защите конкуренции», в соответствии с которым: «конкуренция — соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке» [1]. Из данного определения можно выявить несколько характерных признаков [3], так называемой «добросовестной конкуренции» к которым относятся:

— Совершение присутствующими в экономике лицами самостоятельных действий, называемые конкурентными;

— Осуществление конкурентных процессов не в «вакууме», а между участниками, именуемыми хозяйствующими субъектами;

— Наличие определенных экономико-правовых локаций, именуемых рынками, где происходит взаимодействие продавцов и потребителей.

На мой взгляд целесообразно дать некую характеристику выявленным признакам добросовестной конкуренции. Первый признак, предусматривает наличие совершения субъектами конкуренции определенных действий, направленных на получение прибыли, например, манипулирование ценами или улучшение качества выпускаемых товаров, работ или услуг. Вторым признаком, включает определенный круг субъектов, в соответствии с Федеральным Законом о конкуренции, именуемых хозяйственными субъектами. Третий признак предусматривает наличие определенного рынка товаров, работ или услуг, где продавцы и покупатели будут совершать сделки.

Однако, на практике реализация добросовестной конкуренции в любой из сфер предпринимательства сталкивается с различного рода нарушениями, поэтому антимонопольное законодательство предусматривает противоположный институт конкуренции — это недобросовестная конкуренция. Определение недобросовестной конкуренции также законодательно закреплено в Федеральном Законе «О защите конкуренции», в соответствии с которым: «недобросовестная конкуренция — любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации». Исходя из данного определения можно выявить некоторые признаки недобросовестной конкуренции:

— Хозяйствующие субъекты должны являться конкурентами на определенном рынке товаров, работ и услуг;

— Действия хозяйствующего субъекта причинили или должны причинить убытки и (или) нанести вред деловой репутации другим, потенциальным конкурентам;

— Своими действиями хозяйствующий субъект нарушает установленные нормы законодательства РФ;

— Хозяйствующий субъект своими действиями должен закрепить за собой доминирующую позицию на рынке.

Представляется также необходимым прокомментировать выявленные признаки недобросовестной конкуренции. Первый признак, предусматривает наличие необходимого статуса для юридического лица или индивидуального предпринимателя как хозяйствующий субъект и быть конкурентоспособным. Вторым признаком предусматривает совершение определенных действий хозяйствующим субъектом, которые направлены на причинение убытков конкурирующим с ним лицам. Глава 2.1 Федерального Закона о конкуренции содержит перечень таких действий. К ним относятся:

— дискредитация (распространение ложной информации о конкуренте);

— Введение в заблуждение (например, относительно качества, свойств товара, выпускаемого конкурентом);

— Некорректное сравнение (например, сравнение, создающее превосходства своего товара от товара конкурента) и т. д.

Дав некоторую характеристику конкуренции, можно увидеть, что конкуренция в сущности своей представ-

ляет определенный круг действий, соревновательного характера, направленный на исключения или ограничения влияния между хозяйствующими субъектами и занятие более выгодной позиции на определенном рынке товаров, работ и услуг. Как мы уже убедились данные действия могут быть добросовестными и недобросовестными.

После того как мы дали первичную характеристику конкуренции необходимо вернуться к вопросу о взаимосвязи рекламы и конкуренции. Эта связь проявляется в том, что, как и конкуренция, реклама тоже может быть, как добросовестной, так и недобросовестной. Если мы обратимся к Федеральному Закону «О рекламе», устанавливающими основные требования рекламы, то увидим, что реклама: «должна быть добросовестной и достоверной» [2]. Необходимо дать некую характеристику добросовестности рекламы. Так М. В. Баранова говорит о презумпции добросовестности рекламы: «Исходя же из признаков правовых презумпций, можно говорить о нашедшей смысловое закрепление в норме Федерального Закона «О рекламе» презумпции добросовестности. Она заключается в предположении о вероятной добросовестности рекламы, если таковая не будет опровергнута» [4]. Кроме презумпции добросовестности, реклама должна обладать и достоверностью. Достоверность рекламы предусматривает вероятность достоверной информации о рекламируемом объекте. Следовательно, можно сделать вывод о том, что, как и конкуренция, реклама тоже должна быть добросовестной, а кроме того, она должна быть еще и достоверной, а значит конкуренция и реклама строятся на общем начале — именуемом добросовестностью.

Вторым аргументом в пользу взаимосвязи рекламы и конкуренции служит законодательное закрепление такого вида недобросовестной конкуренции, как недобросовестная реклама. Согласно Федеральному Закону «О рекламе» недобросовестной признается реклама:

- Содержит некорректное сравнение рекламируемого объекта;
- Порочит честь, достоинство и деловую репутацию конкурента;
- Представляет собой рекламу товара, реклама которого запрещена данным способом, в данное время или в данном месте, если она осуществляется под видом рекламы другого товара, товарный знак или знак обслуживания, которого тождествен или сходен до степени смешения с товарным знаком или знаком обслуживания товара, в отношении рекламы которого установлены соответствующие требования и ограничения, а также под видом рекламы изготовителя или продавца такого товара;
- Является актом недобросовестной конкуренции (т. е. посредством способов, указанных выше)

Как мы можем убедиться из определённого круга оснований недобросовестной рекламы особое внимание следует обратить на последнее основание, которое прямо устанавливает взаимосвязь недобросовестной конкуренции и недобросовестной рекламы. Данное основание

говорит, что недобросовестная реклама — это вид недобросовестной конкуренции, так как сама недобросовестность субъекта рекламной деятельности может направлена на достижения наиболее удобной позиции на рекламном рынке по средствам дискредитации, некорректного сравнения и др. способов, устанавливаемых антимонопольным законодательством.

Также необходимо заметить, что в области рекламы, кроме недобросовестной рекламы, существует и недостоверная реклама. В соответствии с Федеральным Законом «О рекламе», недостоверной рекламой признается реклама, которая содержит соответствующие достоверности сведения. К таким сведениям можно отнести:

- Сведения о характеристиках товара;
- Сведения об ассортименте товара;
- Сведения о цене или стоимости товара, о порядке ее оплаты;
- Сведения об условиях ее доставки, ремонте и т. д.

В отношении данного вида рекламы, четкой взаимосвязи не наблюдается, однако, если мы обратимся к ст. 14.1 Федерального закона «О защите конкуренции», которая устанавливает такой способ недобросовестной конкуренции как дискредитация, то увидим, что его сутью является распространения ложных неточных или искаженных сведений. А если обратиться непосредственно к основаниям, указанным в данной статье, то увидим, что к ним относятся сведения в отношении [1]:

- качества и потребительских свойств товара, предлагаемого к продаже другим хозяйствующим субъектом-конкурентом, назначения такого товара, способов и условий его изготовления или применения, результатов, ожидаемых от использования такого товара, его пригодности для определенных целей;
- количества товара, предлагаемого к продаже другим хозяйствующим субъектом-конкурентом, наличия такого товара на рынке, возможности его приобретения на определенных условиях, фактического размера спроса на такой товар;
- условий, на которых предлагается к продаже товар другим хозяйствующим субъектом-конкурентом, в частности цены товара.

Как итог можно увидеть, что норма ст. 14.1 Федерального Закона «О конкуренции», и норма ст. 5 Федерального Закона «О рекламе» имеют общие условия, необходимые для признания недобросовестной конкуренции в виде дискредитации и недостоверной рекламной. Однако, перечень таких условий более широк у недостоверной рекламы, что наталкивает на мысль, что недостоверная реклама — это частная форма дискредитации и как следствие недобросовестной конкуренции.

Подводя итоги, следует сказать следующее. Во-первых, мы выявили, что современный бизнес строится на двух движущих силах, а именно на конкуренции и рекламе, так как конкуренция способствует выдвигению новых идей по улучшению выпускаемых товаров, работ и услуг, а реклама способствует привлечению потенциальных потре-

бителей, что помогает предпринимателям увеличивать объемы своей прибыли. Во-вторых, была дана краткая характеристика конкуренции, а также произведен анализ недобросовестной конкуренции и недобросовестной рекламы, а также недостоверной рекламы. В ходе анализа норм антимонопольного и рекламного законодательства было установлено, что недобросовестная конкуренция и недобросовестная реклама соотносятся как общее

и частное, а недобросовестная конкуренция и недостоверная реклама соотносятся как недобросовестная конкуренция в виде дискредитации и недостоверная реклама как частный случай дискредитации. В-третьих, как итог можно сделать вывод, что в деятельности предпринимателей важную роль играет конкуренция, а особенно конкуренция в рекламе, так как реклама — это двигатель всего предпринимательства в целом.

Литература:

1. Федеральный Закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 г.) «О защите конкуренции» (с изм. и доп. от 01.09.2021);
2. Федеральный Закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 г.) «О рекламе» (с изм. и доп. от 25.08.2021);
3. Понятие и признаки добросовестной конкуренции/элек. ресурс./<https://pravobez.ru/articles/Poniatie-i-osnovnye-priznaki-dobrosovestnoi-konkurentsii-3599.html>;
4. М.В. Баранова/Презумпции добросовестности в рекламном праве/журнал «Юридическая техника»/выпуск № 4, 2010 г./с. 96-99/<https://cyberleninka.ru/article/n/prezumpsiya-dobrosovestnosti-v-reklamnom-prave/viewer>

Понятие и содержание государственного управления в области здравоохранения

Скодило Виктор Константинович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Государственное управление представляет собой прогрессирующую систему, в которой каждый элемент передает, воспринимает и изменяет регулирующие влияния так, что они упорядочивают общественную жизнь.

С организационной точки зрения государственное управление представляет собой властное упорядочивающее воздействие субъекта управления на определенные объекты управления, также государственное управление имеет свою специфику и юридическую природу.

Теоретический анализ категории «здравоохранение» как части системы социальной защиты граждан в России прямо свидетельствует о согласованности организаций, оказывающих медицинскую помощь учреждениям, организациям и органам государственного управления, с этой деятельностью. В этом и заключается актуальность данного вопроса.

Ключевые слова: система здравоохранения, государственное управление системой здравоохранения

The concept and content of state management in the field of healthcare

Skodilo Viktor Konstantinovich, student master's degree
Moscow University of Finance and Law

Public administration is a progressive system in which each element transmits, perceives and changes regulatory influences so that they streamline public life.

From an organizational point of view, public administration is an authoritative ordering influence of the subject of management on certain objects of management, also public administration has its own specifics and legal nature.

Analyzing in a theoretical sense the category of «health care» as part of the social security system of citizens in Russia directly indicates the consistency of the organizations that provide medical care to institutions, organizations and public administration bodies with this activity. This is the relevance of this issue.

Keywords: healthcare system, public administration of the healthcare system.

Здравоохранение представляет собой отрасль деятельности государства, целью которой является органи-

зация и обеспечение доступного медицинского обслуживания населения, сохранение и повышение его уровня

здоровья. Более полное определение дает нам ФЗ РФ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2].

Данный закон определяет здравоохранение как сферу деятельности государства, которая обеспечивает меры политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, санитарно-противоэпидемического характера, которые, в свою очередь осуществляется органами государственной власти Российской Федерации, а также органами власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, соответствующими данному профилю организациями.

Под системой здравоохранения РФ следует понимать совокупность органов управления здравоохранением, организаций здравоохранения и учреждениями и организациями по практической деятельности в сфере здравоохранения, которые в совокупности взаимодействуют в целях организации лечебного процесса, профилактики заболеваний, а также сохранения, укрепления здоровья граждан.

Система управления той или иной сферой всегда обуславливается признанием человека его прав, что касается системы здравоохранения, то здесь идет речь о жизни и здоровья граждан, и право на жизнь и здоровье признается главными ценностями.

Поэтому действующая система управления здравоохранением рассматривается как комплекс задач государства и общества, в реализации которых принимают участие сектора народного хозяйства и разные структуры управления [5].

Отечественная система здравоохранения находится в постоянном поиске наилучшей модели, поэтому здравоохранения не избежало процесса реформирования, в котором изучались и корректировались проблемы, решались вопросы по эффективности деятельности здравоохранения.

Государственное управление здравоохранением рассматривается и определяется как целенаправленная, планомерная и непрерывная деятельность органов государственной власти, которая проявляется в исполнительно-распорядительной форме, организация действующей системы целенаправленно воздействует на объекты, которые относятся к сфере здравоохранения.

Приведем определения некоторых авторов, которые раскрывают сущность государственного управления системы здравоохранения.

Мнение нижеперечисленных авторов практически сходится в единстве, но тем не менее некоторые авторы подмечают некоторые особенности существующей системы здравоохранения.

Кожабек К.М. считает, что государственное управление в области здравоохранения следует рассматривать как целенаправленную, плановую, непрерывную деятельность органов государственной власти в отношении субъектов по вопросам воздействия на них с точки зрения исполнительно-административных и организационных

аспектов, основная цель которой заключается в создании условий для получения доступной, качественной медицинской помощи гражданами [7].

Гареева И.А. подразумевает под государственным управлением набор инструментов региональных, муниципальных и управленческих органов, ресурсов, которые участвуют в процессе разработки и принятия управленческих решений, которые взаимодействуют между собой, которые взаимодополняют друг друга и, естественно достигают поставленной цели [4].

Ерохина Т.В. соглашается с мнением Гареева И.А. и дает такое же определение сущности государственного управления системой здравоохранения, единственно, что она дополнительно указывает возможность использования высокотехнологических разработок при оказании медицинской помощи, которая касается и лечебного и профилактического применения [6].

Трушкина Л.Ю. приводит следующее определение, что государственное управление системой здравоохранения необходимо рассматривать как науку по управлению, регулированию и контролю финансовых, трудовых и материальных ресурсов органами и учреждениями здравоохранения [8].

Васильцева Л.И. дает следующее определение государственному управлению, она рассматривает здравоохранение и процесс его управлением как совокупность направлений, принципов и функций, действий органов управления, которые реализуют национальную политику по охране здоровья [3].

Итак, как мы видим, одни авторы определяют сущность государственного управления системой здравоохранения как область науки управления, другие — как целенаправленную, непрерывную управленческую деятельность, целью которой является обеспечение качественной и высокотехнологической медицинской помощи, а также регулирование и контроль финансовых и материальных ресурсов.

В вышеперечисленных трактовках мы видим широкое понимание и значимость системы здравоохранения, которая является объектом государственного управления.

Но можно также сказать, что перечисленные определения авторов имеют и свои недостатки.

Самое главное, что отсутствует главная роль и значение системы здравоохранения, которая отражает качество и эффективность управления, упускается из виду деятельность неправительственных учреждений, которые также оказывают медицинскую помощь гражданам и нигде не отражается гражданская позиция, не учитывается принцип приоритетов на долгосрочное социально-экономическое развитие страны.

Таким образом, по результатам анализа, раскрывающего сущность государственного управления здравоохранением, можно выделить следующие признаки, которые отражают сущность — это эффективность управления, научная обоснованность, учет приоритетов устойчивого социального-экономического развития на долгосрочную

перспективу; обеспечение согласованности интересов субъектов и т. д.

Нельзя не учитывать и новые технологии, которые внедряются в систему управления.

С переходом на новые технологии управления, среди которых можно назвать программно-целевые, можно выделить критерии и индикаторы, которые в дальнейшем

оценят эффективность деятельности государственных органов управления системой здравоохранения.

Итак, можно констатировать, что государственное управление рассматривается как процесс регулирования отношений внутри государства с помощью распределения областей влияния между основными территориальными уровнями и ветвями государственной власти.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// Российская газета от 25 декабря 1993 г. N 237 (первоначальный текст)
2. ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 06.03.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. N 48 ст. 6724
3. Васильцева, Л.И. Сущность и инструменты государственного управления системой здравоохранения//Здоровье. № 12-19.
4. Гареева, И. А. автореферат на соискание ученой степени доктора социологических наук «Социальная трансформация системы здравоохранения в современных условиях» Хабаровск 2019.
5. Ерохина, Т.В. «Государственное управление здравоохранением в Российской Федерации». Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2018. с. 34
6. Ерохина, Т.В. Органы управления здравоохранением в России: теоретико-правовое исследование/М-во образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Саратовский гос. социально-экономический ун-т». — Саратов: СГСЭУ, 2018. — 132 с.
7. Кожабек, К.М. Правовое регулирование государственного управления здравоохранением: проблемы и перспективы. 2018. с. 125
8. Трушкина, Л. Ю., Глепцеришев Р.А., Трушкин А.Г. и др. Экономика и управление здравоохранением: учеб. пособие. 2-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2017.

Цифровые права в системе объектов гражданских прав

Соболь Анжелика Сергеевна, студент;

Леснова Арина Анатольевна, студент

Научный руководитель: Иванова Наталия Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Авторами оценивается внедрение в российский гражданский закон термина «цифровые права». Изучаются положительные и негативные стороны данного явления, производится анализ законодательных неточностей, и предлагаются варианты их устранения.

Ключевые слова: цифровые права, криптовалюта, токен, гражданское право, информационные технологии.

В эпоху бурного развития информационных технологий, внедрения новых, в том числе цифровых достижений в жизнь современной общества, а также повсеместной цифровизации трудно не оценить уровень влияния происходящих нововведений на российское гражданское право. Происходит появление новых общественных отношений, которые нуждаются в срочном законодательном регулировании. Подходы, выработанные в науке гражданского права до этого, теряют свою актуальность, возникает необходимость выработки совершенно новых позиций и законодательных норм.

Так, 1 октября 2019 г. вступили в силу поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее также — ГК РФ), закрепляющие понятие «цифровые права» и создающие основы для регулирования отношений в рамках цифровой экономики [1]. Данные поправки определили цифровые права, как новые объекты гражданских прав. Под ними понимаются особые «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». При этом осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифро-

вого права другими способами или ограничение распоряжения им возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

В данной связи подчеркивается научная необходимость данного исследования. Его актуальность заключается в особо пристальном внимании научного сообщества к появлению так называемых цифровых прав, как нового объекта гражданских прав. Крайне важно правильно оценить удачность законодательных нововведений и возможность дальнейшей их проработки в целях регулирования развивающихся информационных отношений [1].

К сожалению, на сегодняшний день справедливо отметить, что Российская Федерация не занимает передовых позиций по правовому регулированию исследуемого института и ряд используемых цифровых прав за рубежом до сих пор находится в «серой зоне». Ряд цивилистов связывают эту «неспешность» российского законодателя со слишком быстрым развитием цифровых технологий в мире [2]. Однако своевременная и качественная разработка законодательства в данной области может стать стимулом экономического развития нашей страны, а также будет отвечать требованиям времени. Законодательство, подлежащее дополнительной разработке должно регулировать порядок совершения гражданско-правовых сделок в электронной форме, регулировать цифровые финансовые активы и привлекать финансовые ресурсы посредством цифровых технологий. Последнее позволит вызвать большой интерес иностранных инвесторов к Российской Федерации, как государству с весьма интересной инвестиционной политикой и породит возможность беспрепятственно инвестировать в акции российских компаний.

Следует отметить, что похожесть цифровых прав и уже существующих в российском законодательстве электронных документов, в частности бездокументарных ценных бумаг, обсуждалась на некоторых открытых заседаниях Государственной Думы РФ. Однако, профессор А. В. Асосков предлагает противоположную позицию, которая основана на существующих недоработках в российском законодательстве по отношению к обороту и использованию бездокументарных ценных бумаг.

Благодаря законодательному закреплению термина «цифровые права» в современном гражданском законе определено место цифровых прав во всей системе объектов гражданских прав. Однако закрепленное в настоящий момент понятие в Гражданском Кодексе РФ не охватывает весь круг объектов, которые необходимо отобразить в нем [3]. На сегодняшний день нормы гражданского права России включают лишь понятие таких прав, а также порядок их создания или обращения. Законодатель закрепил лишь универсальную трактовку «циф-

ровых прав», не конкретизируя их, что говорит о фрагментарности принятой нормы. Предпосылки принятия новых федеральных законов, конкретизирующих конкретные правоотношения, связанные с использованием цифровых прав уже есть, о чем говорят научные работы известных российских цивилистов, поэтому следует ожидать таковых в ближайшем будущем.

Однако сложившееся отношение к необходимости законодательного закрепления термина «цифровые права» весьма неоднородно. Так, Правовое управление Аппарата Государственной Думы в своем заключении «По проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» указывало, что введение в ГК РФ нового термина «цифровые права» нецелесообразно [4]. Согласно данному заключению предпочтительно использовать устоявшиеся понятия «токен» и «криптовалюта» в силу своей известности и практической применимости в последние годы.

Важно отметить, что понимание цифровых прав в качестве самостоятельного объекта гражданских прав может являться нецелесообразным, поскольку они фактически выступают электронной формой закрепления традиционных имущественных прав, а не совершенно новым видом прав.

Кроме этого, существует и позиция о том, что цифровые права это не что-то в корне новое, а лишь форма оформления уже существующих прав. Так, Судья ВАС РФ в отставке, доктор юридических наук С. В. Сарбаш считает, что цифровое право — это оформление любого известного права: вещного, обязательственного, корпоративного, исключительного, личного, т. е. лишь его форма, не более [5].

Резюмируя сказанное, следует отметить, что настоящее введение в действующее законодательство терминов является не вполне обоснованным в том виде, в котором они закрепляются сейчас. Отнесение цифровых прав к объектам гражданского права весьма нелогично с законодательной точки зрения. Поспешность принятия законодательных решений в регулировании данного рода отношений, безусловно, важна, так как отвечает требованиям времени и быстроразвивающихся отношений, но при этом важно изучение всех позиций и принятие в законодательстве обобщенного мнения, соответствующего практической применимости. В настоящее время цифровая экономика пребывает в стадии своего становления и динамичного развития, круг исследуемых отношений так же находится в стадии становления. Поэтому крайне важно продолжение теоретического осмысления «цифровых прав» и обозначение их места в науке гражданского права.

Литература:

1. Овчинников Алексей Игоревич, Фатхи Валентина Игоревна Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. № 3 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-kak-objekty-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 05.12.2021).

2. В Гражданском кодексе появятся цифровые права и смарт-контракты — [Электронный ресурс] — URL: <https://pravo.ru/news/209250/> (дата обращения 05.12.2021).
3. Цифровые права: цифровизация нашла правовое закрепление в гражданском законодательстве — [Электронный ресурс] — URL: <https://bftcom.com/expert-bft/10882/> (дата обращения 05.12.2021).
4. Заключение правового управления Аппарата ГД ФС РФ «По проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (первое чтение) — [Электронный ресурс] — URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=131268202601639840854458574&cacheid=8894D6F506D910C974071549B0898376&mode=splus&base=PRJ&n=174641&rnd=0.36211417173024673#bafpsa4a6s8 (дата обращения: 05.12.2021).
5. Цифровые права как новый объект гражданского права // Л. Новоселова, А. Габов, А. Савельев, А. Генкин, С. Сарбаш, А. Асосков, А. Семенов, Р. Янковский, А. Журавлев, А. Толкачев, А. Камелькова, М. Успенский, Р. Крупенин, В. Кислый, М. Жужалов, В. Попов, М. Аграновская // Закон. 2019. № 5. с. 31-54.

История формирования правового статуса главы муниципального образования в Российской Федерации

Убийко Антон Сергеевич, студент магистратуры
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

Ключевые слова: правовой статус, местное самоуправление, муниципальное право

В настоящее время можно невооруженным глазом наблюдать за тем, какой большой путь пройден с начала синтеза и установления муниципального права в России. Даже в текущий момент не останавливается развитие данной сферы права. Данный факт свидетельствует о большой взаимосвязи между уровнем развитости системы местного самоуправления и усовершенствованием муниципального права.

Если обратиться к истории становления муниципального права в России, то более яркими будут являться следующие этапы:

- ранний этап, который включает временной период до 1864 года включительно;
- этап, частично затрагивающий период реформ Александра II, а именно с 1864 по 1870 годы;
- этап, которых характеризуется как время Первой русской революции, начавшейся в 1905 и окончившейся в 1907 году;
- этап постреволюционного периода;
- этап, отличительной чертой которого является проведение реформы местного самоуправления, проводимой в 90-е годы XX в и подразумевающей синтез новой системы органов местного самоуправления.

В юридической литературе, относящейся к сфере теории права, понятие местного самоуправления имеет разные значения. Так, например, Н. Лазаревским было выдвинуто утверждение о представлении местного самоуправления как децентрализованного государственного управления, для которого признаком децентрализации является обеспеченность наличия системы правовых гарантий и присутствие функции налаживания и обеспе-

чения взаимосвязи между органами местного государственного самоуправления и населением [22].

Другую точку зрения выразил Свешников М.И., говоривший о местном самоуправлении, как о обновленной форме администраций, признаком которой являются участие народа в местной администрации [23]. Необходимо добавить, что этот процесс должен быть свободным (независимым) и относиться к делам, ведение которых было делегировано местным органом администрации.

Основные изменения в системе местного самоуправления вызваны влиянием регионов России. На основании того, что Российская Федерация является федеративным государством возникает закономерный итог — каждый субъект будет обладать правом на выпуск нормативно-правового акта, обладающего высшей юридической силой.

Предметы исключительного, а также совместного ведения государства и его субъектов законодательно закреплены в статьях Конституции РФ [1], а именно с 71 по 73. В особенности стоит обратить внимание на пункт «н» статьи 72 Конституции РФ, так как в ней устанавливаются общие принципы организации системы органов государственной власти и местного самоуправления. Из-за данного определения возникают расхождения в трактовке указанной конституционной правовой нормы. В Конституции РФ говорится о том, что местное самоуправление не относится к сфере государственного управления, а значит и органы местного самоуправления не могут относиться к системе органов власти государства.

Само понятие «системы местного самоуправления» вошло в обиход еще задолго до 1864 года и носило на-

звание земство. Под данным термином понималась отдельная часть местных жителей, избираемых в качестве представителей от населения и связанных с развитием медицины, сельского хозяйства и народного образования в данной местности, но не затрагивающих сферу государственных, интересов.

Если заглянуть еще глубже в историю, то в середине XVI века можно найти упоминание земских и губных изб, являвшихся на то время главными местными представительными органами. Их отличие заключалось в ведомстве земских изб над финансово-налоговой функцией и ведомстве губных изб над правоохранительной и судебной. Согласно записям исторических книг, грамоты, которые, должны были закреплять компетенции земских и губных изб, сперва попадали на подпись к главе государства. Сами же избы должны были соблюдать характерные для их местоположения на территории государства специфические приказы.

При анализе системы местного самоуправления, датируемой XIX веком, можно найти целый ряд несоответствий. Именно для их ликвидации была предпринята попытка принять Положение от 01.01.1864 года «О земских губернских и уездных учреждениях», которое в дальнейшем было воспринято как толчок к началу земской реформы [24].

Данное положение насчитывало создание следующих земских учреждений:

- образование избирательных земских съездов;
- образование земских гласных;
- образование земских собраний.

Сама же система органов самоуправления подразумевала наличие Городской думы, городского избирательного собрания и городской управы, которую, в свою очередь, контролировала Городская дума.

Символом следующего этапа стала Конституция РСФСР 1918 года. Данный документ подразделял органы на следующие уровни:

- первый уровень представлялся съездами Советов, которые должны были избираться на выборах;
- второй уровень представлялся городскими и сельскими Советами, в свою очередь избираемых местным населением;
- третий уровень представлялся городскими и сельскими комитетами, аналогично избираемыми городскими и сельскими Советами.

Последний этап начался в апреле 1990 — декабре 1993 года и длится и по сей день. Для данного периода характерно становление системы органов местного самоуправления в таком виде, в котором она пребывает в настоящее время. Наиболее важным документом в данном периоде принято считать появление Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [5].

Исходя из истории становления института местного самоуправления в настоящем времени можно судить о постоянном процессе решения насущных вопросов и их ос-

мысления, что в итоге выливается в ценную практическую и теоретическую информацию. Текущее состояние юридических наук невозможно представить без фактора наследственности предыдущего опыта.

Обсуждаемый этап можно сопоставить со временем принятия нового союзного Закона от 9 апреля 1990 года «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [17], а также последующим принятием Закона от 6 июля 1991 года «О местном самоуправлении в РСФСР» [19].

Перечень этих законов был направлен на конкретные изменения системы местной власти, цель которых заключалась в развитии местных органов власти. Из-за этого возникали уже другие проблемы. Например, были упорядочены этапы создания и формирования органов местной власти, однако была сохранена предыдущая организационная структура Советов. Данный факт являлся именно проблемой по причине несовместимости структура с новым порядком организации местного самоуправления.

Следующим знаковым моментом стало принятие Закона от 24 октября 1991 года «О местном самоуправлении в РСФСР».

Согласно этому закону образовался новый элемент в системе органов местного самоуправления, который носил название местная администрация. Этот закон послужил усилению исполнительной местной власти, так как результатом его применения стало получение главой местной администрации мандата от населения напрямую, что определяется как наделение главы статусом, приравненному к первому должностному лицу в системе органов местного самоуправления.

Следующий этап начинался уже после проведения съезда народных депутатов, состоявшегося 1 ноября 1991 года. Результатом съезда стало обсуждение и принятие в последствии ряда указов и постановлений, однако на тот момент было принято только постановление «Об организации исполнительной власти в период радикальных экономических реформ».

Основное же внимание стоит уделить изданию Указа Президента РСФСР от 25 ноября 1991 года № 239 «О порядке назначения глав администраций» [14], согласно которому главы местных администраций признавались высшими руководителями исполнительной власти. Согласно данным указам был определен свой алгоритм назначения и смещения с должности глав местных администраций по решению вышестоящих руководителей исполнительной власти, однако данным законом вовсе не исключалась возможность для проведения выборов главы администрации. По факту указанные выборы проводились чрезвычайно редко.

Впоследствии данный указ частично дополнился и сменился Указом Президента РФ от 27 декабря 2004 г. № 1603 «О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта РФ» [16]. Проблема заключалась в возможности главам

местного самоуправления и другим должностным лицам местной администрации являться также и членами представительного органа местного самоуправления.

При более детальном анализе указа можно было сделать вывод о рассмотрении правового статуса глав местных администраций, в первую очередь, как обозначения их статуса представителя местной власти на территории определенного Совета. В то же время на задний план отодвигается их определение, как субъекта местного самоуправления. Воронин Н. М. высказывался по этому факту следующим образом: «Прописанный законом правовой механизм сдержек и противовесов внутри системы местной власти был существенно нарушен» [21].

В Конце осени 1993 года, а именно в период с декабря 1993 по 1995 годы, можно обозначить как начало следующего этапа, связанного с дальнейшим изменением систем местного самоуправления, чему способствовало принятие Закона РСФСР в редакции от 1991 года «О местном самоуправлении в РСФСР» [2].

В результате возникновения института глав администраций сложилась практика назначения глав должностными лицами, занимающими более высокие должности, что в конечном итоге привело к перемещению к ним реальной власти. На основании данного факта указанные лица все чаще стали не ассоциироваться с Советами.

Для начала данных действий послужило принятие следующих Указов Президента, в последующем ставших правовой основой для реформирования местного самоуправления:

— принятие Указа Президента РФ от 21 сентября 1993 года № 1400 (ред. от 10.01.2003) «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» [11];

— принятие Указа Президента РФ от 9 октября 1993 года № 1617 (ред. от 16.08.1996) «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» [10];

— принятие Указа Президента РФ от 26 октября 1993 года № 1760 «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» [15].

Согласно содержанию данных документов, было установлено, что дальнейшее функционирование городских и районных Советов народных депутатов приостанавливалось, в результате чего их деятельность должны были продолжить местные администрации. Также устанавливалось назначение главами местных самоуправлений глав местных администраций, которые были ранее избраны или назначены перед вступлением в силу вышеупомянутых Указов.

Следующим шагом к реформированию системы государственного устройства принято считать принятие Федерального закона № 154-ФЗ от 28 августа 1995 года (редакция от 21.07.2005 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4]. В данном законе оговорены и отделены друг от друга полномочия, которыми наделялись органы местного самоуправления и органы государственной власти,

и, что немаловажно, устанавливались в обязательном порядке прямые выборы органов местного самоуправления населением.

Следующий этап реформирования местной власти датируется началом 1997 года и ознаменовывался вступлением в силу Указа Президента РФ от 3 апреля 1997 года № 278 (ред. от 19.09.1997) «О первоочередных мерах по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Порядок во власти — порядок в стране»» [12]. Этот документ для достижения плавного проведения реформирования системы местного самоуправления давал задачу Правительству Российской Федерации и Администрации Президента разработать и представить Президенту свое виденье, оформленное в предложении, дальнейшего направления осуществления реформирования системы местного самоуправления. Итогом данного задания послужило появление Указа Президента РФ № 568 от 11 июня 1997 года «Об основных направлениях реформы местного самоуправления» [13].

При анализе общих принципов организации местного самоуправления было выяснено, что помимо Федерального закона, принятого в августе 1995 года также был опубликован Федеральный закон от 22 апреля 1996 года № 38-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления»» [3]. В своем содержании он давал понятие о возможности наличия должности главы муниципального образования у выборного должностного лица, которое выполняло обязанности по возглавлению местного самоуправления в границах определенного муниципального образования.

Если вести речь конкретно о статусе указанного должностного лица, то можно заметить, что на этом этапе все более часто в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» появляются отсылки к содержанию Конституции РФ, законов субъектов и уставов муниципальных образований. Однако, если проанализировать текст более внимательно, то в ст. 16 и 18 можно обнаружить определение основ статуса глав муниципальных образований.

Таким образом, глава нес ответственность за свои действия перед населением из-за выборности своей должности, с другой же стороны, глава был подотчетен представителю органу местного самоуправления, так как имел свои полномочия по управлению муниципальным образованием. В юридической литературе исследовались и другие недостатки федерального закона того времени. Именно данная ситуация послужила основой для принятия нового, а не изменения и дополнения старого Федерального закона от 28 августа 1995 года.

Указанный закон был принят 6 октября 2003 года и являлся пересмотром концепций местного самоуправления. Согласно положениям нового документа, большая часть изменений касалась именно принципов территориальной организации местного самоуправления. Начатая в 2003 году реформа о местном самоуправлении затева-

лась с целью создания органов муниципальной власти и управления в системе нового государственного устройства. Но, исходя из факта реализации Закона, проработанность части вопросов о реформировании оказались недостаточной для последующего закрепления законодателем [20]. Примером этой ситуации может служить основная ориентация муниципальной экономики на ее взаимодействие с национальной экономикой РФ, недостаточное описание алгоритмов по межмуниципальному сотрудничеству и отдельным видам взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления.

В основной же Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ изменения были внесены намного позже и обозначались принятием:

— Федерального Закона от 28.11.2009 № 283-ФЗ (ред. от 04.11.2014 № 347-ФЗ) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7];

— Федерального Закона от 27 декабря 2009 № 365-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» [8].

Следующие изменения вносились уже Федеральным законом от 30 ноября 2011 года № 361-ФЗ (ред. от 21.01.2011) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9], которые были направлены на:

— принятие определения лица, замещающего муниципальную должность;

— уточнение статуса объединившихся групп муниципальных образований, которые на тот момент не являлись советами муниципальных образований, принадлежащих субъектам Российской Федерации;

— увеличение списка вопросов и задач местного значения для всех муниципальных образований, в который органично вплетено установление правил по благоустройству подведомственной территории, которые стало необходимо в обязательном порядке выносить на публичные слушания;

— внесение уточнений в алгоритм проведения схода граждан;

— обозначение алгоритма по созданию и порядку перехода к избранию представительных органов на муниципальных выборах в поселениях, в которых число жителей, имеющих избирательное право, насчитывает не менее 100 человек;

— обозначение срока заключения контрактов с главами местных администраций, который лавировал от 2 до 5 лет;

— смена наименования на «контрольно-счетный орган муниципального образования», алгоритма создания, организации и условий для ведения деятельности контрольным органом муниципального образования, обозначения представителем органом муниципального образования, согласно законопроекту;

— введение досрочного прекращения полномочий осуществляющим на постоянной основе свои полномочия выборных должностных лиц местного самоуправления, депутатов, членов выборных органов местного самоуправления за нарушение ограничений, установленных ч. 7 ст. 40 Федерального закона № 131-ФЗ.

При постоянной смене политических интересов центральной и местной власти было очевидным развитие и создание основ для становления и развития местного самоуправления, выступающего своеобразным компромиссом между политическими, экономическим и другими сферами интересов ранее упомянутых инстанций.

Даже при всех своих недостатках Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», стал краеугольным камнем на действительно долгий период для дальнейшего развития правотворчества в современных системах местного самоуправления и установления правового статуса глав местных администраций муниципальных образований.

Исходя из проведенных в данной работе исследований можно говорить, что в настоящее время в перечень нормативных правовых актов, которые занимаются регулированием правового статуса главы местной администрации муниципального образования, входят:

— Конституция РФ;

— Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;

— Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» [6];

— законы субъектов РФ;

— уставы муниципальных образований.

Согласно Федеральному закону законодательный орган субъекта Федерации довольно ограничен в свободе по развитию норм, которые регламентировали бы правовой статус глав муниципальных образований. Принятые в рамках компетенции главы муниципального образования правовые акты носят юридическую силу и являются обязательными для исполнения каждым учреждением и организацией, которые находятся на территории муниципального образования вне зависимости от организационно-правовых форм, а также органами местного самоуправления и гражданами. Затрагивающие же права, свободы и обязанности всех групп лиц постановления и распоряжения глав муниципальных образований вступают в силу только в результате их официального опубликования.

Несмотря на свои недостатки основой для развития и становления текущего муниципального правотворчества, системы местного самоуправления и правового статуса главы местной администрации муниципального образования послужил именно Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. О местном самоуправлении в РСФСР: закон Российской Федерации от 06 июля 1991 года № 1550-1 // ВСНД РСФСР и ВС РСФСР. — 1991. — № 29. — Ст. 1010. (утратил силу).
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления»: Федеральный закон от 22 апреля 1996 года № 38-ФЗ (утратил силу) // Российская газета. — 1996. — № 79. — 25.04.1996.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ (с изм. от 21.07.2005) (утратил силу) // Российская газета. — 1995. — № 170. — 01.09.1995.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (по состоянию на 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 27. — Ст. 5132.
6. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (с изм. от с изм. от 21.07.2005) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 10. — Ст. 1152.
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 28.11.2009 № 283-ФЗ (по состоянию на 04.11.2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 48. — Ст. 5733.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 27.12.2009 № 365-ФЗ (по состоянию на 29.07.2017 г.) // Российская газета. — 2009. — № 252. — 29.12.2009.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 361-ФЗ (по состоянию на 29.12.2017 г.) // Российская газета. — 2011. — № 275. — 07.12.2011.
10. О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации: Указ Президента от 18.08.1996 № 1617 (утратил силу) // Российская газета. — 1993. — № 190. — 12.10.1993.
11. О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 года № 1400 (ред. от 10.01.2003) // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. — 1993. — № 39. — Ст. 3597.
12. О первоочередных мерах по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Порядок во власти — порядок в стране»: Указ Президента от 03 апреля 1997 года (ред. 19.09.1997) № 278 // Российская газета. — 1997. — № 71. — 10.04.1997.
13. Об основных направлениях реформы местного самоуправления: Указ Президента от 11 июня 1997 года № 568 (ред. 27.06.2000 г.) (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 24. — Ст. 2741.
14. О порядке назначения глав администраций: Указ Президента РСФСР от 25 ноября 1991 года № 239 (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 48. — Ст. 1677.
15. О реформе местного самоуправления в Российской Федерации: Указ Президента от 26.10.1993 // Российские вести. — 1993. — № 210. — 29.10.1993.
16. О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации: Указ Президента от 27.12.2004 // Российская газета. — 2004
17. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 16. Ст. 267. (по состоянию на 26.07.2020 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: — <http://vedomosti.ssr.ru>
18. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010. (по состоянию на 26.07.2020 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: — <https://naukaprava.ru/catalog/1/113>
19. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1457. (по состоянию на 26.07.2020 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: — <http://vedomosti.ssr.ru>
20. Протокольное решение совместного заседания Комитета Государственной Думы по вопросам местного самоуправления и президиума Общероссийского конгресса муниципальных образований по обсуждению актуальных вопросов правоприменительной практики и совершенствования законодательства о местном самоуправлении (Москва, 12 октября 2007 г.) // Государственная власть и местное самоуправление. — 2007. — № 12. — с. 30-32.

21. Воронин, Н. М. Особенности функционирования муниципальных образований в современных социально-экономических условиях: исторические и правовые характеристики/Н. М. Воронин // Молодой ученый. — 2016. — № 11. — с. 642-644.
22. Постовой, Н. В. Муниципальное право России. Учебник под ред. Н. В. Постовой. 3-е изд. перераб. и доп./Н. В. Постовой, В. В. Таболин, Н. Н. Черногор // М.: Юриспруденция. — 2015. — 448 С.
23. Свешников, М. И. Очерк общей теории государственного права/М. И. Свешников // М.: Книга по Требованию. — 2011. — 351 С.
24. Шефер, А. Органы «самоуправления» царской России/А. Шефер // Куйбышев: Куйбышевское издательство. — 1939. — 65 С.

Судебный штраф: правовая регламентация и проблемы применения

Ушникова Виктория Павловна, студент;

Пулкачева Полина Константиновна, студент

Научный руководитель: Дармаева Валентина Дашеевна, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

В статье рассмотрены основания, порядок и проблемные вопросы применения норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Ключевые слова: уголовный процесс, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, судебный штраф, практика правоприменения.

Прекращение уголовного дела является важнейшим институтом уголовного судопроизводства, в связи с которым происходит своевременное исполнение задач, направленных на гарантированную защиту человека от неправомерного и неоправданного обвинения либо же осуждения. Как известно, одной из форм окончания предварительного расследования выступает постановление следователя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

В последние несколько лет в РФ наблюдается тенденция увеличения количества числа лиц, которые совершили преступления, попадающие под категорию небольшой и/или средней тяжести. Авторы статьи считают необходимым рассмотреть динамику зарегистрированных преступлений небольшой и средней тяжести в Рязанской и Смоленской областях, поскольку указанные регионы являются местом их преимущественного проживания. Так, в Рязанской в 2018 г. было зарегистрировано 3243 преступления средней тяжести, в 2019 г. — 3432 преступления, а в 2020 г. — 3555 преступлений, в Смоленской области за 2018 год зарегистрировано 3946 преступлений, за 2019 г. — 4183 преступления, за 2020 г. — 4397 преступлений. Зарегистрированное число преступлений небольшой тяжести по Рязанской области в 2019, 2020 гг. существенно возросло по сравнению с 2018 (3429), и составило 3976 преступлений. Аналогичная динамика количества преступлений наблюдается и в Смоленской области, за 2018 г. — 5842 преступления, за 2019, 2020 гг. — 6014 преступлений [4]. Без сомнений, необходимо отметить, что в определенных ситуациях такие виды престу-

плений не обладают достаточной степенью общественной опасности.

Несколько лет назад в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации были внесены определенные изменения, которые ввели новое основание для прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Как известно, в силу ст. 76.2 УК РФ и главы 51.1 УПК РФ лицо может освобождаться от уголовной ответственности в случае, если ему будет назначен судебный штраф.

Федеральным законом от 3 июня 2017 года № 323 — ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» установлено новое основание освобождения лица от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела или уголовного преследования в виду предписания уплаты судебного штрафа. Указанное положение содержится в гл. 51.1 УПК РФ [9].

В связи с этим необходимо рассмотреть статистические показатели прекращения уголовных дел или уголовного преследования в виду назначения судебного штрафа. Так, за 2020 г. прекращено 32422 уголовных дела с назначением судебного штрафа по ходатайствам о прекращении с назначением судебного штрафа, прекращено уголовное преследование в отношении 35917 лиц по ходатайствам с назначением судебного штрафа. Судом в 2020 г. были прекращены уголовные дела с обвинением в отношении 21135 лиц с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [6].

Проанализировав научную литературу, посвященную вопросам применения судебного штрафа, можно сделать вывод о неоднозначности мнения авторов о данном основании прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Так, Беседин Г. Е. утверждает, что необходимо отказаться от судебного штрафа, считая, что он является дефектным инструментом правового регулирования [1]. В свою очередь, Гриненко А. В. выступает за дальнейшее обеспечение развития данного правового института [2]. Авторы статьи придерживаются мнения Гриненко А. В., и считают, что необходимо совершенствовать уголовно-процессуальное законодательство в области применения судебного штрафа.

Именно поэтому нельзя не отметить существующие проблемы, которые имеются на сегодняшний день при прекращении уголовного дела или преследования в связи с назначением судебного штрафа. К ним, в частности можно отнести: проблему исчисления сроков давности уплаты судебного штрафа; неурегулированную процедуру рассмотрения судом ходатайства о применении судебного штрафа; отсутствие в законодательстве критериев, на основании которых суд должен решить вопрос о целесообразности прекращения уголовного дела; неурегулированность вопроса определения минимального размера судебного штрафа, в том числе назначаемого при совокупности преступлений.

В соответствии с ч. 3 ст. 78 УК РФ, течение срока давности приостанавливается в том случае, если совершившее преступление лицо уклоняется от его уплаты, и возобновляется при его задержании правоохранительными органами, либо же самостоятельной явкой с повинной такого лица [8]. Исходя из данной законодателем формулировки, остается неясным момент приостановления и возобновления такого срока, и что еще более важно, каким образом определяется момент начала уклонения лица от уплаты судебного штрафа, если под уклонением от уплаты судебного штрафа понимается его невыплата в установленный законом срок. В случае, если уплата судебного штрафа не произойдет в установленный постановлением суда срок, то судебный пристав-исполнитель в течение 10 суток со дня окончания срока по уплате судебного штрафа выносит представление, а суд, в свою очередь, решает вопрос об отмене меры уголовно-правового характера, затем выносит постановление о прекращении действия судебного штрафа и направляет его руководителю следственного органа или прокурору. Таким образом, нам видится необходимым на законодательном уровне закрепить момент начала уклонения лица от уплаты штрафа.

Законодательством не установлен и порядок рассмотрения судом ходатайства о применении судебного штрафа, что в свою очередь может создать разную правоприменительную практику. И здесь возникает вопрос, каким образом суд должен устанавливать фактические обстоятельства дела, имеющие значение для его разрешения, ведь нельзя признать лицо, совершившим преступление, и назначить ему судебный штраф, без доказатель-

ства его причастности к совершению преступного деяния. При рассмотрении ходатайства суд должен убедиться, что предъявленное лицу обвинение в совершении преступления небольшой или средней тяжести обоснованно, подтверждается собранными по делу доказательствами, размер ущерба или иного вреда определен верно, и в материалах дела содержатся достаточные сведения, позволяющие суду прекратить дело или уголовное преследование и назначить обвиняемому судебный штраф.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, суду предоставлено право, а не обязанность, по своему усмотрению решать вопрос, связанный с целесообразностью прекращения уголовного дела с применением судебного штрафа. Вместе с тем, законодатель не указывает необходимые критерии для вынесения судом такого решения, что создает проблему при применении такой меры уголовно-правового характера как судебный штраф. Необходимо установить единые критерии для всех судов, одним из которых должна являться возможность исправления лица, освобождаемого от уголовной ответственности в связи с применением судебного штрафа.

В гл. 15.2 УК РФ установлен максимальный размер судебного штрафа, который может быть назначен лицу, освобождающемуся от уголовной ответственности в связи с применением к нему данной уголовно-правовой меры. Как указано в ст. 104.5 УК РФ, размер судебного штрафа не должен превышать половину максимального размера штрафа, указанного в качестве санкции в соответствующей статье Особенной части УК РФ. Если штраф не предусмотрен в статье Особенной части УК РФ, то тогда его размер не должен превышать 250 тыс. рублей [8]. Практике известны случаи, когда судебный штраф назначается лицу, совершившему несколько преступлений небольшой или средней тяжести. Как говорилось выше, в законодательстве РФ отсутствует минимальный размер судебного штрафа, который может быть назначен лицу в качестве меры уголовно-правового характера, в связи с этим, считаем необходимым ввести в соответствующую статью УПК РФ минимальные суммы судебного штрафа, в том числе за совершение нескольких преступлений.

По мнению авторов необходимо рассмотреть основные процессуальные аспекты, решаемые органами расследования и судом при принятии решения о назначении меры в виде судебного штрафа.

Прекращение уголовного дела возможно при выполнении нескольких условий, а именно:

1. во время ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, следователь должен разъяснить ему то, что у него есть право на прекращение уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-процессуального характера в виде судебного штрафа;
2. обвиняемый должен выразить согласие с таким условием прекращения уголовного дела;
3. учитывая положения ч. 2 ст. 104.5 УК РФ, необходимо также учитывать обстоятельства, подлежащие дока-

зыванию, такие как: учет возможности получения лицом заработной платы, иного дохода, а также имущественное состояние его семьи.

Необходимо выяснить общие правила установления обязанности по уплате судебного штрафа в досудебном порядке. Здесь суд может решить о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа:

1. в процессе производства, предусмотренного гл. 51.1. УПК РФ, то есть при наличии ходатайства, поставившего из органа расследования в суд, о прекращении уголовного дела с установленной санкцией в виде уплаты штрафа;

2. при рассмотрении дела в суде первой инстанции до удаления суда в совещательную комнату;

3. в процессе апелляционного производства из-за отказа мирового или районного судьи в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа;

4. в ходе кассационного производства, выраженном в пересмотре решения судьи в ходе разбирательства в суде первой инстанции либо другого, следующего за ним.

Как и говорилось уже ранее, суд по своей инициативе может принять решение о прекращении уголовного дела с предписанием уплаты судебного штрафа. Однако, такое решение суд (судья) может вынести, основываясь на четких указаниях уголовно-процессуального закона, а именно, в силу положений ч. 2 ст. 25.1 УПК РФ, в процессе судебного разбирательства в любой момент до удаления суда в совещательную комнату; при производстве в суде апелляционной инстанции до ухода в совещательную комнату для принятия решения, руководствуясь положениями п. 4.1 ч. 1 ст. 236 УПК РФ; по результатам проведения предварительного слушания уголовного дела [7].

Что же касается специфики вынесения решения суда об установлении лицу обязанности по уплате судебного штрафа в установленные определением суда сроки, то здесь суд опирается на материалы рассматриваемого уголовного дела. При совокупности фактов, а именно: предъявления обвинения лицу, наличия обвинительного заключения либо же обвинительного акта, составляемого органом дознания, образующих достаточную доказательственную базу, суд, опираясь на свое убеждение, выносит решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Литература:

1. Беседин, Г. Е. Новое основание освобождения от уголовной ответственности: очередной конфуз российского законодателя? // Евразийская адвокатура. 2016. № 6 (25). с. 116;
2. Гриненко, А. В. Судебный штраф и реалии его применения в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2017. № 1. с. 30;
3. Конституция Российской Федерации 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020;
4. Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, URL: <http://crimestat.ru/>. (Дата обращения: 07.12.2021);

Процессуально назначение судебного штрафа в суде первой инстанции не регламентировано уголовно-процессуальным законом. В данном случае, суды, в ходе осуществления правосудия, опираются на нормы, регламентирующие рассмотрения дела в суде первой инстанции. Именно поэтому, суд, принимая решение о назначении судебного штрафа, до того момента, как удалится в совещательную комнату, должен полноценно оценить все доказательства по делу, внимательно выслушать прения сторон, а также последнее слово подсудимого.

Также хотелось бы отметить, что в судебной и следственной практике имеются случаи, когда лицо уклоняется от уплаты судебного штрафа. В таком случае, судом принимается решение о прекращении действия указанной меры, в последующем материалы уголовного дела направляются руководителю следственного органа или прокурору. После этого уголовное дело рассматривается судом в общем порядке.

Уголовное дело подлежит возвращению прокурору или руководителю следственного органа, если в ходе судебного заседания будет принято решение об отмене судебного определения об обязанности выплатить судебный штраф конкретным лицом. О данном обстоятельстве свидетельствует Постановление Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [5].

Также принято считать, что прекращение уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа может осуществляться в суде кассационной и надзорной инстанциях.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что государство, путем введения такой меры уголовно-правового характера, как судебный штраф, дает возможность лицам, совершившим деяния небольшой и средней тяжести, не быть осужденными за совершенное преступление, что, в свою очередь, способствует избежать правовое последствие, как судимость. Все это свидетельствует о тенденции гуманизации уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Вместе с тем, многие моменты, касающиеся правоприменительной практики судебного штрафа, остаются не урегулированными. Именно поэтому необходимо совершенствовать механизм применения данного института.

5. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»;
6. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики, URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>. (Дата обращения: 07.12.2021);
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ;
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ;
9. Федеральный Закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования и порядка освобождения от уголовной ответственности».

Административная преюдиция в уголовном праве: современное состояние и перспективы развития

Ушникова Виктория Павловна, студент;

Шальнов Илья Александрович, студент

Научный руководитель: Иванов Андрей Львович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой, полковник юстиции
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

Статья посвящена вопросу целесообразности применения административной преюдиции в уголовном праве. На основании рассмотрения отдельных статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации авторы статьи выявили положительные и отрицательные стороны применения института административной преюдиции в уголовном праве. На примере ст. 116.1 УК РФ был осуществлен анализ применения административной преюдиции в рамках рассматриваемого деяния. Рассмотрены основные проблемы, связанные применением института административной преюдиции в уголовном праве, и предложены возможные пути их решения.

Ключевые слова: административная преюдиция, административное правонарушение, уголовное право, преступление, уголовная ответственность, наказание.

О необходимости реализации новой уголовно-правовой политики и о целесообразности включения в УК РФ понятия «уголовный проступок» в свое время заявил Председатель Верховного Суда Российской Федерации, В.М. Лебедев. По его мнению, уголовное законодательство переполнено криминализацией, в связи с тем, что ежегодно большое количество лиц судят за преступления небольшой тяжести [7]. Как отметил В.М. Лебедев, институт административной преюдиции необходимо применять по отношению к лицам, которые совершили преступления не только небольшой, но и средней тяжести.

Преюдиция, как институт существует в отечественном законодательстве с начала XX века и используется во многих отраслях права. Проблема существования административной преюдиции в уголовном праве является одной из наиболее актуальных на сегодняшний день, в связи с чем, возникают определенные трудности в применении данного правового института на практике.

Институт преюдиции впервые нашёл своё отражение в начале XX века в кодифицированном нормативном правовом акте — УК РСФСР 1922 года. Норма, предусматривающая наказание за совершение повторного административного правонарушения, была закреплена в ч. 2 ст. 79 данного закона. Статья предусматривала применение

санкций уголовно-правового характера к лицам, совершившим ранее аналогичное правонарушение [2]. Стоит также отметить, что не существует законодательно закреплённого определения понятия административной преюдиции, в связи с чем представляется обоснованным тезис о недостаточном исследовании данного института и о необходимости в более детальном и подробном его изучении.

В УК РФ 1996 года существует ряд статей, например, ст. 116.1, ч. 1 ст. 123, ст. 151.1, ст. 154, ст. 158.1, ст. 180, ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 228 УК РФ и другие, где отражена административная преюдиция. Многие учёные при исследовании вопросов, связанных с административной преюдицией, отмечают нецелесообразность применения данного института в уголовном праве, поскольку происходит размытие границ между уголовным преступлением и административным правонарушением.

Административные правонарушения не содержат и не могут содержать в себе признаков состава преступления. Кроме того, привлечение лица к административной ответственности является границей, отделяющей правонарушение от преступления. Известно также, что чувство безнаказанности в сознании лица, совершившего административное правонарушение, позволяет ему продолжать осуществлять противоправные действия,

что в перспективе может привести к совершению им преступления.

Статья 116.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за повторное нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (в течение года). В случае, если лицо по истечению года снова совершает действия, которые причинили физическую боль другому лицу, но не повлекли причинение легкого вреда здоровью, то в таком случае лицо вновь будет подвергнуто административному наказанию. Повторность совершения административного правонарушения не может служить основанием для превращения административного проступка в преступление, поскольку уровень общественной опасности правонарушения не соответствуют тому уровню, который бы позволил признать административный проступок преступным деянием.

Для рассмотрения вопросов, связанных с применением института административной преюдиции в уголовном праве, следует обратиться к судебной практике. Так, приговором суда М. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ. Как следует из обстоятельств дела, у М., находившегося в состоянии алкогольного опьянения в квартире, принадлежащей сожительнице П., и, будучи лицом, признанным виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, на фоне сложившихся личных неприязненных отношений, возник преступный умысел, направленный на совершение действий, способных причинить физическую боль сожительнице П.. Так, М., реализуя свой преступный умысел, направленный на причинение телесных повреждений П., умышленно ударил не менее двух раз руками и ногами по голове и телу П., тем самым нанеся телесные повреждения, не причинившие вред здоровью П. Приговором суда М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ, и ему было назначено наказание в виде обязательных работ сроком на 120 часов [6]. Аналогичным примером служит приговор Печорского городского суда р. Коми, согласно которому К., будучи ранее привлечённым к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры, возникшей на почве личных неприязненных отношений, используя своё физическое превосходство, умышленно, с целью причинения телесных повреждений, схватил В. обеими руками за шею и начал сдавливать, препятствуя поступлению кислорода в лёгкие В [5]. Таким образом, исходя из анализа ст. 116.1 УК РФ, можно прийти к выводу о том, что механизм реализации института административной преюдиции в рамках данной статьи, в некоторых случаях препятствует повторному совершению административного правонарушения, и, как следствие, преступления.

Поскольку лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается уголовное наказание, то для него наступают юридические последствия, которые могут служить ограничением или лишением каких-либо

социальных благ. Именно поэтому, административная преюдиция призвана обеспечить заботу о дальнейшем будущем правонарушителя. Но стоит не забывать, что целью уголовного закона является охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и безопасности от преступных посягательств. Следовательно, концепция совершенствования уголовной правовой политики, призвана гуманизировать уголовное судопроизводство.

Принимая во внимание данное обстоятельство, нельзя недооценить институт административной преюдиции, сущность которого состоит в том, что лицо, привлечённое к административной ответственности, впредь воздерживалось бы от таких противоправных действий, осознавая всю тяжесть возможных последствий. Стоит отметить, что в соответствии с п. 43 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утверждённой Указом Президента РФ от 9 июня 2010 года № 690 [3], отмечена эффективность и целесообразность введения преюдиционных норм в УК РФ. Тем не менее данный тезис не нашёл своё продолжение в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённой Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733.

При этом, нельзя не отметить существующие проблемы применения административной преюдиции в рамках уголовного судопроизводства. Так, среди них можно выделить: проблему квалификации действий лица; отсутствие эффективного механизма учета последствий; отсутствие формально определенного термина «административная преюдиция»; отсутствие в УК РФ определения уголовного проступка; некорректные формулировки, содержащиеся в себе логические противоречия и не позволяющие отграничить уголовный проступок от правонарушения, и другие аспекты, необходимые для правильной юридической оценки содеянного.

Следовательно, для устранения проблем применения административной преюдиции представляется необходимым реализация своевременного процесса совершенствования уголовного законодательства. В частности, законодатель в процессе создания или изменения норм, содержащих в себе административную преюдицию, должен избегать формулировок, которые не дают в полной мере отграничить преступление от административного проступка. Стоит избегать двойной отсылки или «обратной бланкетности». В целях предотвращения необоснованного обвинения, стоит правильно оценивать признаки административного проступка, такие как: противоправность, виновность, наказуемость. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда № 24 от 13.10.2020 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уго-

ловного проступка», предлагалось добавить в УК РФ статью 15.1, которая содержала в себе определение уголовного проступка. Однако, на данный момент, в действующую редакцию УК РФ данная статья не была включена. Уголовным проступком не будут признаваться деяния, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность, в том случае если лицо было подвергнуто административному наказанию за ранее совершенные аналогичные действия (составы с административной преюдицией). Необходимо, чтобы степень общественной опасности являлась достаточной, чтобы в случае повторного совершения деяния, оно признавалось преступлением. Стоит отметить, что процесс внедрения административной преюдиции должен быть последовательным, должны учитываться истинные потребности уголовно-правового регулирования общественных отношений.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Учитывая то, что отечественное уголовное

законодательство находится в стадии своего развития и поэтому, прежде чем принимать какие-то категорические решения относительно института административной преюдиции, целесообразно иметь представление о многих процессах, протекающих в обществе, в частности: экономических, социальных, политических, культурных и других. Большое значение имеет осознание причин, свойств и особенностей реальной преступности, что представляется возможным исключительно в рамках практического применения уголовно-правовых норм. Также, стоит помнить о том, что, невзирая на неоднозначность рассматриваемой конструкции, основная цель уголовной политики — борьба с преступностью, а административная преюдиция выступает эффективным механизмом по её предупреждению. Административная преюдиция позволяет снизить уровень преступности, рецидива, позволяет более эффективно реагировать на совершаемые правонарушения.

Литература:

1. Малков, В. П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011 № 3 (23). С. 58-64.
2. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С. Ф. С. Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С. Ф. С. Р.»): Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СУ РСФСР. 1922 № 15 Ст. 153
3. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 09.06.2010 N 690 // Российская газета. № 128, 15.06.2010.
4. Постановление Пленума Верховного Суда № 24 от 13.10.2020 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка».
5. Приговор Печорского городского суда р. Коми № 1-336/2020, 27 ноября 2020 г. Судебные и нормативные акты РФ, URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gnU0rpfvyNH8/> (Дата обращения: 06.12.2021).
6. Приговор Шилкинского районного суда Забайкальского края № 1-23/2021, 18 марта 2021 г. Судебные и нормативные акты РФ, URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mu9RIM3sCJl0/>. (Дата обращения: 06.12.2021).
7. Рузанова, Н. Председатель Верховного суда РФ: общество нуждается в декриминализации//Российская газета. — 2016, 20 сент. — Столичный выпуск № 212 (7080) — Режим доступа: [Российская газета] (Дата обращения: 02.12.2021).
8. Спасович, В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1 Вып. 1 Спб., 1863 с. 295-296.
9. Шульга, А. В., Кашапова Ю. Д. К вопросу об уголовной ответственности за побои // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017 № 128 с. 1187-1197.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 50 (392) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 22.12.2021. Дата выхода в свет: 29.12.2021.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.